

АЛЕКСАНДР БУШКОВ

СВАРОГ

СПАСИТЕЛЬ КОРОНЫ

СПЕЦИАЛЬНЫЙ
РУССКИЙ ПРОЕКТ

Александр БУШКОВ

СВАРОГ. СПАСИТЕЛЬ КОРОНЫ

Санкт-Петербург
Москва
Издательский Дом «Нева»
2005

Часть первая

СКВОЗЬ ВРЕМЯ

Глава 1

КАК СВАРОГ УМЕР...

Честное слово, каких-то полчасика назад все было нормально. Полчасика назад все было... ну, не сказать что бы отлично, но весьма неплохо: наконец-таки у Сварога вроде бы появился шанс. Появилась вроде бы возможность убраться из этого мира – и не просто убраться, а найти дорогу на Талар. Если, конечно, Праматерь Пон-Тулла не врала. Наверное, не врала – по крайней мере, детектор лжи Сварога сонно помалкивал в течение всей аудиенции.

Равно как молчал и детектор опасности – как всегда до поры до времени. С-сволочь...

А вот теперь все изменилось. В одночасье изменилось, в одноминутье! И ничего нельзя было повернуть назад. Теперь его величество Сварог Первый, граф Гэйр, маркиз и все такое прочее, что, в принципе, уже не столь важно, лежал навзничь на холодных каменных плитах не то алтаря, не то первобытного операционного стола. Совершенно обнаженный. Опутываемый лишь паутиной не то проводов, не то... не то и в самом деле паутиной.

Лежал и умирал. В прямом смысле этого малопримечательного слова.

Умирал от проникающего ранения. Но самое идиотское, что удар был нанесен оружием, которое держала рука человека, так что, господа, никаких претензий к магии! Родная магия, сказавши напоследок: «А я ведь предупреждала!», – ушла от лара, хлопнув дверью...

Нет, ну вот ведь блин, а?! В общем, расслабились вы, милорд, со всех сторон неуязвимым себя возомнили – вот и получайте. По полной программе.

И ладно бы героически пасть в бою, сражаясь с превосходящими силами противника, яростно отбивая одну атаку за другой, не замечая ран и не считая трупы врагов – не так это, понимаете ли, стыдно. И не то что очень уж хочется, перекинувшись, попасть именно в Вайгаллу, но все-таки...

Больно уже не было. По крайней мере, было не так больно, как полчаса назад, когда клинок обжигаете холодной, ослепительно яркой иглой вонзился в королевскую плоть, вспарывая кожу, мышцы и внутренние органы...

Оказывается, за время странствий по мирам и вселенным Сварог порядком позабыл, что такое настоящая боль. Не душевные терзания, нет, не моральные страдания – а самая что ни на есть физическая мука, примитивная, запредельная, та самая боль, когда осознаешь, как жизнь тягуче вываливается из тебя, будто варенье из перевернутой банки, когда отчетливо понимаешь, что вот оно – что это всё, конец, что здесь уже ничего не будет, а если что и будет, то только *там*, и появляется ощущение полного бессилия, смешанного с какой-то детской обидой, а еще растет, ширится страх перед ждущим тебя там, за чертой, и тело перестает

СПАСИТЕЛЬ КОРОНЫ

слушаться, и вместе с чувствами постепенно уходит реальность и появляется Тоннель...

Дыхание было лихорадочным и неглубоким, и это было странно – Сварог явственно чувствовал, как удары сердца становятся все более редкими, все более гулкими, тамтамом отдаваясь в висках: стало быть, и кровушка должна медленнее протекать по венам и прочим артериям, стало быть, и легкие должны сокращаться реже...

А кровь, вот кстати? Е-мое, куда кровушка-то моя девается из раны? Стекает на пол? Фи, милорды, как пошло – для столь влиятельной-то персоны...

Страх, чувство бессилия, ощущение конца куда-то пропали. Осталось только глухое любопытство – что происходит сейчас и что будет дальше. Ну, и еще боль оставалась, конечно. Пульсирующая и нудная, как при флюсе. Боль кольцом концентрировалась вокруг раны, горела ацетиленовым огнем, а глубже, непосредственно под кожей, растекалась ледяным онемением. Ног и рук он уже не чувствовал: ноги и руки, стянутые кожаными ремнями на то ли хирургическом столе, то ли алтаре, уже отделились на расстояние в миллион световых лет и стали совершенно чужими, незнакомыми, а онемение поднималось и поднималось выше, смыкаясь вокруг раны.

И, да, было еще любопытство. Тупое и безразличное. Отстраненное. Сварог видел тускнеющим взором склонившуюся над ним Праматерь Пон-Туллу. Праматерь внимательно прислушивалась к его агонии, пока четыре Матери суетливо тянули к умирающему телу Сварога концы разноцветной паутины, противоположные нити которой исчезали где-то в полутьме зала, а восемь Дочерей вокруг занимались производственной

гимнастикой в весьма замедленном темпе. Колдовали, не иначе. Сучки.

– Ты уходишь, – внятно сказала Праматерь. – Ты слышишь меня? Ты запомнил мои слова? У тебя еще остались силы кивнуть.

У Сварога, откровенно говоря, еще оставались силы послать Пон-Тулли по самой дальней Праматушке, однако он не стал расходовать их на столь бесперспективное дело. Поэтому Сварог медленно кивнул.

Праматерь в ответ слабо улыбнулась и осторожно положила ему в ноги Око Бога.

– Не бойся, – как всегда зело понятно сказала она. – Око Бога настроит тебя на себя. Оно послушается, когда придет срок. И тогда не промахнись... Замкни круг, и обретишь себя.

На этот раз у Сварога достало сил растянуть непослушные губы в усмешке – хотел в презрительной, но усмешка вышла какой-то... беспомощной, что ли. И только. Боль исчезла окончательно, даже вокруг раны, онемение растеклось по всему телу, захватило сердце, оккупировало мозг и погрузило сознание Сварога в мятную тишину.

...Банально, конечно, но говорят, что в момент смерти перед человеком прокручивается вся его жизнь, хотя, насколько известно, пока еще никто не рискнул добровольно проверить сие утверждение на собственном опыте, чтобы потом рассказать всем интересующимся.

Сварог же мог считать себя в этом вопросе теперь специалистом. Вся – не вся, но события последних дней урывками пронеслись перед его внутренним взором с головокружительной скоростью.

Черт возьми, а как неплохо все начиналось!

СПАСИТЕЛЬ КОРОНЫ

...Город Некушд, очаг контрреволюции. Таинственный кристалл Око Бога, который Сварог по заданию Визари, предводительницы магов-повстанцев, привез сюда, чтобы организовать в городе пятую колонну. Арест на вокзале...

И, черт подери, Гор Рошаль, живой и здоровый.

Честное слово, Сварогу в первый момент захотелось ущипнуть проклятого охранителя – удостовериться, что это не галлюцинация. Или ущипнуть себя – удостовериться, что он не спит.

Он не спал, и перед ним холодно улыбалась отнюдь не галлюцинация. И это не было ни колдовством, ни наведенной иллюзией, ни всяким прочим магическим воздействием – если, конечно, не появилась магия, которую не заметит «третий глаз» лара. А «третий глаз» лара видел перед собой, несомненно, человека, из плоти и крови...

Сварог пребывал в состоянии полного обалдения всю дорогу, пока их в закрытом автомобиле везли в, как выразился Рошаль, «его скромную резиденцию». Индикатор опасности тихонько попискивал, но как-то нерешительно. Девушка по имени Келина Ван-Ради, которая выдавала себя за жену Сварога, а на самом деле была соглядатаем, навязанным Визари, – она была потрясена не меньше. И можно было понять девушку: «супружеская пара» благополучно достигла вражеского Некушда, миновала линию оцепления Каскада – и вдруг появляются солдаты, и начинается драка, и падают с потолка решетки, отрезая путь к бегству... И вылезает откуда-то долговязый тип, «муженьку» явно знакомый, и все неожиданно успокаиваются. Каскадовцы холодно-вежливы и угрюмо-предупредительны. Хотя оружия не опускают. А теперь вот

черный электро-«воронок» – и полная неизвестность впереди...

– Мы арестованы? – напряженно спросила Келина, прислушиваясь к звукам за бортом. Мобиль несколько раз повернул и начал набирать скорость.

– Нет, – успокаивающе сказал Сварог. Подумал и добавил: – Очень надеюсь, что нет...

По крайней мере, шаур и Око у него не отобрали. Что внушало оптимизм.

– Куда нас везут?

– Понятия не имею.

– Кто этот человек?

– Друг.

– Наш друг или твой друг?

– Мой друг – твой друг, знаешь ли...

– Он помогает Визари?

– А ты не задаешь слишком много вопросов?

– Почему ты не достал Око? Мы бы уже были на свободе. Ты заодно с ними?

– Келина, давай сначала разберемся, что к чему. Я и сам не до конца все понимаю... Иными словами, вообще ничего не понимаю. Поэтому и не делаю неосмотрительных шагов. И душевно тебя прошу: не предпринимай ничего, пока... ну, пока я не дам сигнал. У тебя оружие есть?

– В смысле?

Сварог почувствовал раздражение.

– Парализатор. Нож. Удавка. Дубинка. Маникюрные ножницы.

– Отравленный стилет был в тайнике в сумке. Сумку отобрали.

Она не врала. Но – отравленный стилет, как трогательно...

СПАСИТЕЛЬ КОРОНЫ

– Мою шляпу с противомоскитной сеткой тоже отняли, – вздохнул Сварог.

Мяукнул клаксон, за бортом послышался отчетливый лязг раскрывающихся ворот, потом мобиль остановился, распахнулись дверцы. Пленных (или все ж таки гостей?) вывели во двор мрачного серого строения, наводящего на самые мрачные ассоциации, и появившийся из другого мобиля Рошаль (оказывается, он ехал в другом мобиле, не «воронке», а в простом, пассажирском) сказал невыразительно:

– Будьте любезны, граф, наденьте это. Извините, госпожа Ван-Ради, но такова необходимость. Осторожность, как говорится, лучше, чем неосторожность...

И он протянул два плотных полотняных мешка.

– Слушайте, Рошаль... – начал было Сварог, но бывший охранитель перебил повелительно:

– Прошу прощения, граф.

И что прикажете делать? Детектор опасности пребывал в прежнем полусонном состоянии. Поэтому, пожав плечами и кивнув Келине, он натянул мешок на голову. До самой шеи. Жаль, что в многогранные возможности ларов не входит умение видеть сквозь преграды. Он нащупал в кармане рукоять шаура.

Ступени. Коридор. Поворот. Скрип дверей. Отдаленные голоса. Поворот. Опять ступени. Еще один коридор. Легкий ветерок, щебет птиц – терраса, что ли? Поворот. Дверь. Стоп.

Они очутились в небольшой комнатке – жилой, судя по уютной двуспальной кровати под балдахином и столу возле окна. Окно, правда, забрано решеткой. А конвой, если таковой и был, остался за закрытой дверью. Хлипкой, на первый взгляд...

– Это и есть ваша скромная резиденция? – спросил Сварог.

– Здесь вы сможете отдохнуть с дороги. Это, конечно, не гостиница «Свет Нскушда», но и не тюремная камера, – по непроницаемому лицу Рошалья совершенно невозможно было понять, шутит он или говорит всерьез.

– Я хочу знать, на каком основании нас арестовали, – ледяным тоном осведомилась Келина.

– Арестовали? – брови Рошалья недоуменно взлетели вверх. – Ах, арестовали... – брови задумчиво сдвинулись к переносице. – А что, это, пожалуй, мысль...

– Ладно, Рошаль, в самом-то деле, кончайте, -- перебил Сварог и уселся на стул. Плевать на приличия. Демонстративно достал шаур, положил перед собой на столешницу. – Объясните, что происходит. Мы гости или пленные? О том, как вам удалось выбраться из-под могильного камня, я спрошу позже.

– Это зависит от многих факторов, – сказал Рошаль, по-прежнему стоя у дверей и держа руки в карманах. – Это мы с вами должны решить в ближайшее же время. Милейшая Келина, что ж вы застыли, как памятник жертвам революции. Располагайтесь, вам тут жить некоторое время... Честь имею, господа: я – Гор Рошаль, верх-победитель* Каскада провинции Некушд. старший управляющий провинции Некушд, главнокомандующий Армии Противодействия.

И пока «гости» пересваривали услышанное, добавил:

– И моим распоряжением с сегодняшнего дня въезд в город закрыт для всех без исключения. Провинция

* См. Глоссарий к роману А. Бушкова «Пленник Короны».

СПАСИТЕЛЬ КОРОНЫ

Некушд переходит на военное положение. Так что вам еще повезло...

– Вы так считаете? – с мрачной иронией спросил Сварог.

– Значит, это *ты*? – выдохнула Келина. – *Сам*?

Рошаль лишь поклонился.

– Доказательства!

Рошаль пожал плечами:

– Мой ультиматум Монитории от пятого числа. Точнее, зашифрованная приписка к нему. Вам зачитать наизусть? Извольте: «Визари, душечка, сим официально извещаю вас, что не пройдет и недели, как ваши стройные, неколебимые ножки дрогнут и разомкнутся под натиском моего боевого...» Ну, и так далее. Согласен, получилось несколько оскорбительно для нежных девичьих ушек, я не мастер красивых слов, однако в целом и по сути верно.

Сварог понял, что сидит, открывши рот... А Келина шагнула к Рошалю, остановилась на полпути, сжала кулаки. Сказала, едва не задыхаясь от ярости:

– Откуда... Об этом знают только четверо!

Бывший охранитель, а ныне верх-победитель, поклонился вторично:

– Достаточно доказательств?

– Так, минуточку, – наконец вышел из ступора Сварог. – Что-то я перестал понимать...

– Вы многого не понимаете, маскап.

Келина вдруг успокоилась. Улыбнулась. Развела руки в стороны. Сказала:

– Я, признаться, и не думала, что это будет просто... Во имя революции, по приказу правительства Монитории...

И она резко вскинула руки над головой, выкрикнула несколько гортанных слов...

Глава 1. КАК СВАРОГ УМЕР...

Сигнализатор опасности буквально-таки взвыл! Сварог, еще не соображая, что происходит, не понимая, кому, кроме него, грозит беда, Келине или Рошалю, рефлекторно прыгнул вперед... И был отброшен к стене пинком невидимой ноги. Трико Келины треснуло в десятке мест одновременно и разлетелось в клочья. «Супруга» осталась стоять посреди комнаты, нагая, как Афродита, с поднятыми руками. Пахнуло едким жаром...

Келина не врала: у нее не было при себе оружия. Она сама была оружием.

Глава 2

...И КАК ОЖИЛ РОШАЛЬ

Все последующее произошло быстрее, чем его бешено колотящееся сердце успело трижды бухнуть о ребра, хотя позже Сварог готов был поклясться, что бой длился не меньше минуты.

Оказывается, смуглое тело Келины сплошь покрывали татуировки – красные извивающиеся гады, черные драконы с разинутыми пастьми, сплетенные в клубки желтые ящерицы... И эти рисунки стремительно оживали. Оживали, отделялись, отлеплялись от кожи, бесшумными призраками бешено змеились по воздуху, окутывали «супругу», как яростные струи разноцветного дыма... А потом рванулись в сторону Рошаля.

«Шаур!» – Сварог рывком перевернулся на четвереньки и метнулся к столу.

Он опоздал.

Рошаль выдернул руки из карманов, вскинул на уровень плеч. В руках было зажато по непривычного вида пистолету, он лихорадочно давил на спусковые крючки, но выстрелов не было, не было ни звука... Лишь

воздух в комнате мелко завибрировал, пошел рябью, очертания предметов смазались...

Змеи и прочие призрачные твари исчезали в этом мареве, растворялись, расплывались, точно капля чернил в стакане воды!

Келина пронзительно завизжала, бросилась на Рошалья самолично. Рошаль упал назад, вышибая спиной дверь, взметнулись полы его плаща... А в комнату уже лезли люди в черно-зеленых одеяниях с какими-то палками наизготовку, и помещение наполнилось вставящимися молниями, и треском, и запахом озона. Разряды парализаторов, но не полицейских, а в десятки раз мощнее, вонзались в обнаженное тело революционной подруги. Разом замолкшую Келину скрючило, выгнуло дугой, затрясло, от чистой, без единого рисунка кожи пошел дым, потом тело ее вспыхнуло...

– ...Н-да, – пробормотал Рошаль, когда обугленное тело унесли и дым выветрился. – Нечто такое я и предполагал, но, откровенно говоря, не думал, что... Впрочем, пустое. Вы целы, граф?

– Еще не знаю, – простонал Сварог, прикурил сигарету, с отвращением посмотрел на дымящийся кончик и выбросил. – А что это было?

– Хитрая штука, я о таком только читал. Нечто вроде «замороженной» магии. Активируется только *после* произнесения заклинания, поэтому *до* никакими детекторами, никакими аппаратами «боро» не регистрируется... Вы что же, думали, будто ваша подружка Визари послала эту девку только для того, чтобы за вами приглядывать? Не смешите. У девки был свой план. Если б у вас не получилось с этим камнем, она наводила бы зверюшками весь город, и вылавливай их по-

СПАСИТЕЛЬ КОРОНЫ

том... Почему же вы не кричите: «Не верю! Ведь тогда и я, посланник Визари, верный сподвижник Визари, пострадал бы от зубов волшебных тварей!».

– Вы хотите сказать, – медленно произнес Сварог, – что Визари готова была пожертвовать мной?

– Ничего я не хочу сказать, сами решайте. Скажите лучше... Насколько я понял по высказываниям вашей *супруги*, Ключ при вас?

– Это который? – не понял Сварог.

– Понятия не имею. Не то волшебный кристалл, не то колдовской камень...

Ох ты, е-мое... А он-то откуда знает?..

– Понял, – кивнул Рошаль, не дожидаясь ответа. – Мне он не нужен, просто хотел проверить...

– Учтите, Рошаль...

– Да сказал ведь уже: не нужен он мне. Где ваш дар отличать правду от лжи?

Он потыкал носком черную, еще исходящую дымком прогалину на полу.

– Я, маскап, знаете ли, намерен объявить вашей Монитории. Не спрашиваю, на чьей вы стороне, просто хочу, чтобы вы знали, прежде чем мы начнем серьезный разговор.

– Вопрос разрешите, мастер главнокомандующий? – спросил Сварог.

– Разрешаю, мастер шпион.

– Из чего вы этих милых змеюшек поубивали?

Рошаль достал несуразный, как будто самодельный револьвер, весьма отдаленно напоминающий знаменитый «бульдог», осмотрел со всех сторон и спрятал обратно в карман.

– Недурно, да? Антимагическое оружие. В здешних арсеналах много полезного пылится, но пока не

появился я, ни у кого руки не доходили посмотреть: а вдруг что полезное найдется... А вы, любезнейший, что же, о татуировках на теле любимой не знали?

– Откуда?!

– Я вам, право, удивляюсь. А еще муж называется...

Они сидели в кабинете Рошалья – надо сказать, обставленном с долей помпезности: витые колонны по обеим сторонам от исполинского стола, панорамное окно с видом на небоскребы Некушда, мягчайший ковер под ногами, картины (наверняка оригиналы) на драпированных стенах, и запах. Отчетливый запах достатка и роскоши. Сидели и попивали коньячок (по крайней мере, напиток, более чем на коньяк похожий), в обстановке мира и покоя. Смеркалось, со стороны гор напоздали тучи. Наверное, будет дождь. Или, судя по погоде, скорее снег...

– Да не таращитесь вы так по сторонам, – сказал Рошаль, – все это изобилие осталось от моего предшественника. Ну не убирать же. Пусть будет.

– Боюсь подумать, что с вашим предшественником стало...

– Правильно, лучше не спрашивайте. Бездарный был человечиска... Нуте-с, что ж вы молчите? Спрашивайте, друг мой, спрашивайте. Вижу, вам не терпится...

Хотя видно было невооруженным глазом, что это именно Рошалью не терпелось рассказать о своем чудесном спасении. Сварог ни о чем спрашивать не стал – просто потому, что вопросов в голове крутилось уйма, так что он развел руками и смог выдать лишь классическую фразу Ватсона-Соломина, узревшего Холмса живым и неувредимым после Рейхенбахского водопада: «Но, черт возьми... как?!..»

Рошаль усмехнулся, взял из вазы фрукт, подозрительно напоминающий апельсин, и принялся вдумчиво счищать ножичком кожуру. Сказал поучительно:

– Лет триста назад у нас в Гаэдаро – помните такое затонувшее государство, мастер Сварог? – лет триста назад там существовал некий Орден благородных воителей, который назывался Шалаш Золотых Копий. И был в нем принят некий свод установлений, законов, правил, называйте как хотите, – в общем, кодекс, согласно которому был обязан жить, сражаться... и даже умереть каждый воитель. И было в этом кодексе следующее определение: «Ты не можешь быть уверен, что твой враг повержен, пока своими глазами не увидишь его труп». Улавливаете мысль? Так вот: надеюсь, я до сих пор вам не враг... однако меня, право, удивляет, что вы даже не подумали о такой пустяковой возможности: а вдруг старый занудный охранитель еще жив?

– А могила? А горбун, слуга патронессы, который видел ваше тело... – начал было Сварог, но прикусил язык.

До него постепенно начало доходить. В памяти всплыли слова Щепки: «Да, я заразила Рошалья. Однако никакая это была не каменная лихорадка! Это было простенькое заклинание, вызывающее лишь *симптомы* болезни, внешние ее проявления, которые прошли бы сами собой через трое суток...», – и он почувствовал себя в высшей степени глупо.

– Все правильно, – сказал Рошаль, с любопытством наблюдая за просветлением Сварога. – На то и было рассчитано. Вы видели только могильный камень, слуга видел только распухшее обезображенное тело. Ему сказали, что я мертв, и он передал вам, что я мертв. Вот вы и поверили. А на деле все обстояло чуточку иначе...

На деле же все обстояло так. Рошаль в бессознательном состоянии доставили в карантин при местном отделении Каскада, но там эскулапы быстренько разобрались, что если арестованный и болен, то отнюдь не каменной лихорадкой, да и вообще сомнительно, что он болен – это типичная порча... Когда же Рошаль пришел в себя, его перевели в одиночную камеру при том же отделении, где он имел несколько милых бесед со следователем... Надо сказать, его не били. Пальцем ни разу не тронули. Следователь был приветлив, вежлив и обходителен, и это настораживало, однако Рошаль с первой же встречи наотрез отказался принимать любое участие в диалоге, пока ему не предоставят аудиенцию с его, следователя, начальником регионального отделения Каскада, или как там он у вас называется, поскольку информация, которой-де располагает Рошаль, слишком важна, чтобы посвящать в нее уши простого, извините, исполнителя...

Что характерно, аудиенцию предоставили достаточно быстро.

– И тут уж я, позволю заметить с ложной скромностью, показал себя во всей красе... – мечтательно вспоминал Рошаль, чуть ли не закатывая глаза от удовольствия. – Ловьяд подери, давненько я не вел допрос с таким наслаждением!..

Рошаль пошел в наступление, едва за ним закрылась дверь кабинета. Хозяин сего кабинета, начальник отделения Каскада (а именно – фаланги «Отпор» регистра «Противодействие»*), в течение каких-то полутора часов разговора был аккуратненько смят, ласково размазан по стенке и вежливо поставлен к стенке – си-

* См. Глоссарий к роману А. Бушкова «Пленник Короны».

речь поставлен перед единственно возможной для него альтернативой; причем любые попытки начальника спорить, сомневаться и подозревать провокацию немедленно хоронились под лавиной убедительнейших аргументов, убойных контраргументов и непробиваемых логических выводов. В результате начальник оказался перед выбором: либо он, не поверив ни единому доводу задержанного, отправляет последнего обратно в камеру и радостно рапортует в верхи об аресте никому неизвестного субъектика, на которого по никому неизвестной причине было наложено заклятие мнимой каменной лихорадки, либо...

Либо он, начальник, доверяется Рошалю. И тогда у него, начальника, появляется реальный шанс самолично, в одиночку вычислить, локализовать, нейтрализовать и захватить самого главного преступника современности: предводителя магического подполья Визари. Как? Элементарно. Помните погоню за двумя неизвестными в самом центре Вардрона? И как их арестовали? И как им удалось бежать из штаб-квартиры Каскада? У вас наверняка есть словесные портреты преступников. Вот и сравните их с моим обликом... Ага, узнали? Так вот: оба мы были первыми помощниками мага Визари. В какой-то момент я, Гор Рошаль, отказался участвовать в его дальнейших притязаниях на власть, мы с напарником поссорились, подрались, потеряли бдительность – поэтому и были схвачены. Испугавшись, что я начну говорить, маг Визари наслал на меня заклинание каменной лихорадки – вам докладывали о всплеске магического поля во время моего допроса? – потом выкрал мое тело и бежал... Спрашиваете, зачем же он тогда отвез меня в больницу, а потом и к предательнице Эйлони? Ну-у, не знаю... видите ли, мы все-таки были

очень близки, и он, я думаю, не терял надежды, что я одумаюсь, вернусь под знамена Визари... Почему он все-таки бросил меня? А как бы вы поступили на его месте? Вот именно! Он испугался. Элементарно испугался. Каскад идет по нашим следам, а я могу стать для него обузой.

Но!

Напарник не видел, как я умер, следовательно, он обязательно вернется в дом Эйлони, чтобы проверить. И ложная могила – самый надежный способ убедить его в этом. А как только он окажется поблизости, мы установим за ним слежку. *Братъ?* Зачем братъ?! Слежка приведет нас аккурат к логову Визари... Я? Нет, я не знаю, где сейчас прячется заговорщик: после нашего провала он наверняка перебрался в другое место...

И еще одно «но». Руководить слежкой за моим бывшим напарником буду я. Что значит – почему? Да потому, что...

– И тут я окончательно убил остолопа, – гордо заявил Рошаль. – Представляете, эти ослы даже не удосужились проверить, где я рос, где работал, состоял ли на учете в Каскаде! У меня, разумеется, был заготовлен ответ, но ведь они -- *даже не удосужились!*

И Рошаль наглядно продемонстрировал раздавленному начальнику все недочеты в работе конкретной фаланги регистра Каскада, он указал на вопиющие дыры в агентурной сети («Ума не приложу, как с такой организацией вы вообще еще умудряетесь что-то делать!»), он нарисовал схему реструктуризации фаланги, которая позволит, при минимуме затрат и сохранении финансирования, улучшить отчетность и уменьшить незапланированные расходы, как денежные, так и рабочие...

«Вы хотите, чтобы при такой работе Визари никогда не поймали?!» – кричал Рошаль.

Крыть было нечем...

Короче, он убедил начальника фаланги, что только при его, Рошале, схеме операцию ждет успех.

Расчет был прост: ни один чиновник никогда не устоит перед соблазном одним махом перепрыгнуть через несколько ступенек вверх по иерархической лестнице...

Однако что-то пошло не так – исключительно по причине идиотизма местной фаланги, из-за чего еще. За Сварогом слежку установили, но он, мерзавец эдакий, сумел оторваться от нее где-то на реке, в предгорьях, и тогда излишне ретивые исполнители, запаниковав, без всякого ведома Рошала, приказали подняться в воздух отряду «пауков». Так что след Сварога был потерян. А потом...

А потом появление нового толкового, но крайне подозрительного сотрудника фаланги заприметили где-то *наверху*, налетели, под конвоем перевезли в штаб-квартиру, где и попросили продемонстрировать организаторские умения.

– Ну, я и продемонстрировал, – скромно сказал Рошаль, отправляя в рот дольку апельсинообразного фрукта. – Верх-победитель Арт-Гвидо в результате оказался человеком умным, рискнул, при моей, конечно, помощи, – и спустя месяц совершенно, как вы говорите, *левого* человека назначил главой Регистра «Противодействие» Каскада в Некушде. А уж верх-победителем, старшим управляющим Некушда и командармом я стал, простите, самостоятельно, когда началась заварушка в столице, – он хищно улыбнулся. – В общем, я здесь, готовлюсь к войне с Визари... – он вдруг замолчал и

посмотрел Сварогу прямо в глаза. Сказал с непонятной интонацией: – Я искал вас, маскап, когда вы вернулись в Вардрон, пытался выйти на связь... Хотя мы и оказались волею судеб по разные стороны баррикады, но я узнал, что предначертанного не избежать и вы придете сюда...

Оп-па.

Сварог, малость расслабившийся после приключения с ожившими татуировками, мигом подобрался. Еще никогда, насколько он помнил, мастер старший охранитель не изъяснялся столь метафизическим штилем... Что-то это означало.

Значит, вы и есть тот таинственный противник Визари, окопавшийся в Некуше и просчитывающий каждый ее шаг, – сказал Сварог, меняя тему.

Искренне надеюсь, что я... Собственно, там и просчитывать-то особо нечего – тут подумал малость, там поставил себя на ее место: а как бы я поступил? – здесь проанализировал сообщения агентуры.

- Значит, вы теперь лидер оппозиции.

Почему – теперь? – искренне удивился Рошаль. – И почему – оппозиции? Можно подумать, я когда-нибудь поддерживал реакционеров. Нет, милейший, по-моему, это вы с вашей Мониторней – оппозиция...

Он раздраженно бросил ножик для фруктов на стол.

– Я, да будет вам известно, граф, консерватор. Мне не нравятся перемены – будь то зигзаги в государственном строе или же в меню князя. Любые перемены заставляют настораживаться, просчитывать последствия и приспособливаться и, следовательно, заставляют напрягаться. А у меня и без того достаточно причин напрягаться... особенно в вашей компании. У меня в крови, граф, тяга к ровному и спокойному постоянству, и

я, увы, не могу себя переделать. Переменить себя не могу. Да и не хочу... Да и не в том дело, в конце-то концов. Вы же знаете мое отношение к магии? Мне не нравится магия, маскап. Мне не нравится идея всеобщего счастья на основе всеобщей волшебизации всей планеты. Потому что это тупик...

– О как, – буркнул Сварог.

– Именно так, – сказал Рошаль. И спросил удивленно: – А вы что, считаете иначе?

– Признаться, я уже никак не считаю, – вздохнул Сварог. – Признаться, мне надосли и магия, и всякие прочие революции. Однако...

– Однако ничего хорошего в замене нормального прогресса магией нет, – уверенно сказал Рошаль. – И в этом вы меня не переубедите.

– И не собираюсь. Но вот только с каких это пор вы, мастер охранитель, печетесь о прогрессе?

– Я? О прогрессе? Полноте, граф. Я пекусь о собственном спокойствии. Просто как-то так получилось, что оно, спокойствие это, напрямую связано с работой, которую я делаю.

– И что же вы намереваетесь делать? – спросил Сварог напрямик.

– Это зависит от того, что намереваетесь делать вы, – быстро сказал Рошаль.

Сварог поразмыслил, закулив сигаретку.

– Вы мне не доверяете.

– Не доверяю, – буднично и без колебаний ответил Рошаль. – И не потому что я лично вам не доверяю, а потому что никому не доверяю... А лично вам, маскап, я не доверяю, поскольку, как я уже говорил, вы шпион и под чужой личиной проникли в Некушд, имея целью посеять смуту среди жителей Вольной Республики.

Сварог насупился.

Что правда, то правда, и крыть тут было нечем. Разве что по-детски пролепетать в собственное оправдание: «Я не знал...»

А и в самом-то деле, кто в Монитории мог знать, что силы сопротивления, сконцентрированные в провинции Некушд, возглавляет лучший друг Сварога? Того самого Сварога – Хранителя Ока Бога, а заодно и лучшего друга Визари?..

– Впрочем, – как ни в чем не бывало продолжал Рошаль, – если бы я *действительно* считал вас врагом, маскап, я давно приказал бы отобрать у вас булыжник, который вы с таким тщанием везли мне через полстраны, а вас самого казнить как вражеского диверсанта. Или, полагаете, у меня не хватило бы силенок совладать с вами?

Сварог промолчал. Рошаль был прав на сто кругов.

– Не берите в голову, граф, – сказал Рошаль, будто прочитав его мысли. – Насчет недоверия к вам я пошутил.

«Ха-ха», – подумал Сварог.

– Я действительно хочу вам помочь... Ловьяд знает почему, но вы, пожалуй, первый за всю мою жизнь человек, к которому я готов повернуться спиной, не просчитав заранее *все* последствия. Так что можете гордиться собой... Впрочем, – тут же поправился он, – вполне может статься, моя доверчивость проистекает только из того, что вы, маскап, излишне прямолинейны и непростительно честны. Даже в отношениях с друзьями.

Сварог усмехнулся:

– Лестно слышать, маскап, что вы считаете меня другом...

– ...другом по оружию...

– ...однако я, дорогой верх-победитель, все еще полон решимости убраться из этого мира, – он глядел, как струйка дыма тает под потолком. – И вряд ли вы мне поможете в моих начинаниях. Зато у меня, кажется, теперь появилась крохотная вероятность...

– Ожидающие, – кивнул Рошаль.

Сварог посмотрел на него в изумлении.

– Откуда вы...

– А вы думали, мы тут только тем и занимаемся, что козни против вашей Визарн стоим? – холодно ухмыльнулся старший охранитель.

Он докусал апельсин, тщательно вытер руки салфеткой.

– Хотя, признаться, я бы и знать не знал ни о каких Ожидающих, если б они сами ко мне не заявились. Три тетки в балахонах, монахини какого-то ордена где-то неподалеку от побережья. Сначала они плели что-то о Вселенской Книге, а Гаранд, мол, это лишь одна страничка из сотен миллионов других, что у Книги этой существует Оглавление, и если заглянуть в него, то можно узнать судьбы мира и даже повлиять на них, что они, Ожидающие, несколько столетий ждут того, кто сможет открыть эту Книгу... Ну, и таком духе. Я уж было позвал охрану, никогда терпеть не мог сектантов, но потом... – Рошаль поднялся с кресла и принялся мерить кабинет шагами. – Потом они перешли к сути. Они рассказывали о вас. Правду рассказали. Что вы заблудились среди вселенных. Что более всего на свете мечтаете вернуться в какой-то мир, куда вы были званы. И они, дескать, готовы помочь – при определенных, разумеется, условиях. Поэтому, если многоуважаемый верх-победитель будет

столь любезен удовлетворить нижайшую просьбу скромных монахов и обеспечить встречу с ними Сварога, каковой прибудет в Некушд, а он обязательно сюда прибудет, ибо таково предначертание, ибо его ведет сюда Ключ, столь трепетно любимый Ожидающими...

Рошаль сделал паузу. Порыв ветра ударил в окно, разметал по стеклу горсть сухого снега.

– Они убедили меня, мастер капитан. Я знаю, некоторые колдуны умеют читать мысли, они могли узнать о Свароге из моей собственной головы, поэтому... Но *эти* монахи рассказали не только то, что я и так о вас знал. Они рассказали кое-что еще...

– А именно? – напряженно спросил Сварог. Забытая сигарета догорела почти до фильтра, и он размочалил ее в пепельнице.

– Что вы приедете в Некушд именно сегодня, как посланник моего врага. Что вы привезете с собой некий предмет, который они именуют Ключом, магический, но я не должен беспокоиться: природа его магии и его назначение совершенно иные, не имеющие отношения к грядущей войне... Конечно, они могли оказаться агентами Мониториин, но... А еще, мастер Сварог, у вас есть враг, – добавил он тише. – Не человек, существо более могущественное и грозное, обитающее вне времени и *вне жизни*, что оно еще не оставило попыток помешать вам, и исход вашего противостояния зависит от вашего выбора...

Опять захотелось курить, но Сварог сидел неподвижно.

– Это существо... Это тот, о ком я думаю? – спросил Рошаль.

– Боюсь, что да.

СПАСИТЕЛЬ КОРОНЫ

Рошаль отвернулся к окну. Снег прекратился, так толком и не начавшись.

– Удивительный вы человек, маскап. Вы будете говорить с Ожидающими?

– Для того я приехал, – сказал Сварог. – Но я и предположить не мог, что в стане врага... Зачем вы объявили войну Монитории? – спросил он напрямик.

– Чтобы Монитория не объявила войну мне, – не задумываясь, сказал Рошаль. – Визари пока не готовы нанести мне первый удар, она копит силенки, а мне это не надо. Так что мой... э-э... скажем так, шаловливый ультиматум подстегнет ее. Уверен, девчонка сорвется, возмутится и пошлет против Некушда войска. Войска будут сняты с других фронтов. Колеблющиеся протектораты вроде Гвидорских стран тут же попытаются всадить Монитории нож в спину. Противники магии в подполье поднимут голову... И Визари не сможет разорваться на части. Она проиграет.

– И у вас хватит сил противостоять ей?

– Еще как! Особенно если учесть, что проект «Буреносец» завершен... О, маскап, когда вы увидите мое детище, вы поймете, что пособники магии проиграли, даже не начав войну. Чертежи пылились в архиве, я всего лишь пустил их в дело, нашел специалистов, но все равно «Буреносец» – мое творение.

– И что же это такое?

– Я вам покажу. Обещаю. А пока... пойдемте, что ли, подберем вам одежду по погоде. Да и поизносились вы, маскап, за время пути, как я погляжу...

...Забегая вперед, надо сказать, что обещания своего Рошаль не сдержал – по причине насквозь тривиальной: к послезавтрашнему вечеру Сварог уже был мертв.

ГДЕ ОЖИДАЮТ ОЖИДАЮЩИЕ

Обитель секты Ожидающих располагалась под землей, в усыпанном каменистыми холмами, как бородавками, пригороде города Нскушд – практически незаселенном по причине как раз таки каменистости и бесперспективности что земледелия, что промышленности. К сей обители вела петляющая среди холмов древняя бетонка, некогда, наверное, ровная и гладкая, а нынче же заброшенная, потрескавшаяся, с кое-где вздыбившимися плитами, с проросшим сквозь щели бурьяном чуть ли не в человеческий рост.

Беспросветное небо над холмами в той стороне, где находилась столица Короны, озаряли далекие бесшумные вспышки, желтые и фиолетовые. Было красиво, и Сварог собрался было спросить, уж не артподготовка ли это армии магов, но не стал. Ни к чему. Так и ехали молча. Шуршали протекторы, негромко жужжал мотор, изредка взрыкивая, когда колесо мобиля все ж таки проваливалось в колдобину. С небосвода, затянутого серыми тучами, сыпалась какая-то мелкая дрянь, напоминающая не то пепел, не то стиральный порошок –

СПАСИТЕЛЬ КОРОНЫ

не иначе, начинался здешний снегопад, и, стало быть, Холодный сезон не за горами. Порывистый ветер с океана закручивал порошу на бетонке в водоворотики.

В электромобиле было тепло. И вообще машина впечатление производила – в отличие от тех, по крайней мере, которые встречались Сварогу. Каплевидная, похожая на хищную рыбу; высокая посадка, широкие шины – для пущей устойчивости при резких виражах – и, кажется, даже пуленепробиваемые стекла. А дабы у непосвященного путника не возникло и тени сомнения, что перед ним именно государственный бронемобиль, а не какой-нибудь там пижонский таксомотор, вдоль маслянисто-черного борта тянулась белая пояснительная надпись: «ОТДЕЛ НУЛЕВОЙ ГРАНИЦЫ БЕЗОПАСНОСТИ». Более того: из люка в крыше торчала турель, но не пулемета, а... а не поймешь чего, однако вида весьма устрашающего – короткий толстый ствол из какого-то отливающего синевой сплава в серебристой оплетке, однако без всякого намека на дульное отверстие, прозрачный наклонный щиток с нанесенным черной краской прицелом. Управление стрельбой, судя по всему, ведется с заднего сиденья, специально для того оборудованного – вращающееся вместе с турелью кресло, рукояти, гашетка... Но каким именно манером производилась эта стрельба, понять было решительно невозможно.

Почти весь путь до обители они не проронили ни слова – Рошаль, потому что следил за дорогой, объезжая предательские ухабы и трещины, а Сварог... а Сварог потому, что говорить, собственно, было уже не о чем. Да и никакого настроения вести беседы.

Лишь когда они миновали покосившийся щит с угрожающим текстом: «СНИЗИТЬ СКОРОСТЬ. ПРИГОТОВИТЬСЯ К ДОСМОТРУ. ВЪЕЗД ТОЛЬКО ПО ДО-

ПУСКУ КЛАССА “Р”», а по обочинам тут и там стали попадаться обрывки проржавевшей насквозь колючки, – только тогда Рошаль заговорил.

– Здесь была береговая пограничная застава, – объяснил он ровным голосом экскурсовода, к Сварогу не оборачиваясь. – Давно, еще во времена Белого конфликта с Гвидором. Лет, пожалуй, пятьдесят тому как. Потом ее законсервировали. Бросили, проще выражаясь. А потом из старого монастыря сюда переселились эти... Ожидаящие.

Последнее слово он произнес с отчетливым раздражением.

Сварог покосился на Рошаль и спросил осторожно:

– Скажите-ка, мастер охранитель... вы уверены?

Верх-победитель скривился, не отрывая взгляда от дороги, хлопнул ладонью по рулю.

– Да ни в чем я не уверен. Вы стремитесь попасть к монахам – вот я вас туда и везу.

– Однако... – Сварог помедлил, – однако все же позволю предположить, что наша увлекательная поездка к Ожидаящим преследует и иные цели – помимо вашей дружеской помощи лично мне, не так ли?

Рошаль ничего не сказал, и Сварог продолжил:

– Например, вам известно, что я принадлежу к близкому кругу некоей особы по имени Визари. Так отчего бы уважаемому верх-победителю не подстраховаться? А вдруг некий Сварог сошелся с ней слишком *близко*. Осторожность, как вы сами утверждали, лучше чем неосторожность.

– При чем здесь неосторожность... – буркнул Рошаль. И сказал, помолчав: – Повторю: я не вас опасаюсь, граф, хот вчера на вечернем совете мне... Неважно. Я опасаюсь той штуковины, которая болтается у вас

на шее. Я не знаю, чего от нее ждать, кроме превращения нормального человека в мага. Как показал эпизод с вашей очаровательной «супругой», у Визари в ладони спрятан не один скорпион... А с другой стороны, насколько я понимаю, вы твердо намерены выбраться *отсюда*, а для этого вам нужны Ожидающие. Ожидающим нужен этот камень, а мне нужно избавиться от камня, мне он не без надобности, он мне мешает... Так почему бы не помочь друг другу? К взаимной выгоде всех трех сторон?

«Всех, кроме Щепки», – подумал Сварог, но вслух ничего не произнес.

И вроде бы Рошаль не врал. Даже если не учитывать молчания индикатора лжи, который, признаться, все чаще и чаще подводит. Одно то, что предводитель антимагического сопротивления не взял с собой эскорт, и даже личной охране приказал остаться в цитадели, говорило о том, что он Сварогу всецело доверяет... Хотя это могло говорить и о чем-нибудь другом. Равно как и о третьем, и о сорок восьмом: поди разберись, что за комбинации выстраиваются в мозгу у старого волчары контрразведки, тут никакой индикатор лжи не поможет... Как бы то ни было, факт оставался фактом: в путь к обители Ожидающих они отправились вдвоем. А вот сколько оттуда вернется и кто именно – все же бо-ольшой вопрос...

Да нет, не паранойте, ваше величество.

Изорванное полотно дороги с шелестом наматывалось на колеса мобиля. Снег усиливался, и Рошаль включил ближний свет. Детекторы опасности и лжи единодушно молчали.

«Цивилизация, основанная на магии, -- лениво думал Сварог. -- Нет промышленности, нет сельского хо-

зяйства, нет точных наук, потому что нет в них нужды, все достается всем прямо из воздуха, бесплатно. Значит, нет прогресса и, следовательно, впереди – полная деградация... Щепка говорила, что маги не собираются заваливать всех дармовой продукцией... Но разве получится? Кто будет добровольно трудиться, когда достаточно произнести заклинание – и вот оно, изобилие... Значит, стагнация. Миллиардам людей просто-напросто нечем заняться! Исчезает разделение на социальные слои. Значит, общество упрощается, следовательно – опять же деградирует... Что еще? Колдуны-целители, ворожеи и прочие хилеры. Люди захотят жить если не вечно, то хотя бы долго. И что? Замедляется смена поколений, эволюционное развитие замедляется, следовательно... Где это я читал про индейцев, которые освоили магию и оттого вымерли все поголовно? У старика Кастанеды, что ли...»

– А вы, масграм? – неожиданно для самого себя спросил Сварог. – Вы не собираетесь покинуть Гаранд вместе со мной?

– Ну вот и приехали, – бодро сказал Рошаль, притормаживая. – В сем живописном уголке природы и обитают наши таинственные монахи.

Мобиль остановился, начальник всей местной контрреволюции выключил мотор, и они выбрались на обширную площадку. Огляделись.

М-да. Живописный уголок являл собой, откровенно говоря, прежалкое зрелище. Мокрый, пронизывающий до костей ветер, налетающий со стороны океана, сметал с пустого бетона весь снег, оголяя серые шершавые плиты. Сквозь снежную круговерть проступали силуэты отдаленных сооружений – ангар, вышка, останки периметра, казарма, еще какие-то по-

стройки... Несомненно пустующие, несомненно заброшенные. И вообще, у Сварога появилось ощущение, что он попал на съемки фильма то ли о романтике жизни на антарктических станциях, то ли об ужасах ядерной зимы.

– Миленько, – прокомментировал он, пряча нос в воротник мехового плаща. – Значит, здесь Ожидающие и ожидают...

Рошаль промолчал, шурясь от снега.

– Тут присутствует магия, вы знаете? – сказал Сварог, оглядевшись «третьим глазом». – Несильная, но тем не менее.

– А где ж ее нет, – проворчал Рошаль.

– Эт-точно...

– Я же вам говорил: я не против магии, как таковой. Я против *засилья* магии.

– Говорили, говорили, – вздохнул Сварог, накинул капюшон и похлопал по стволу непонятного орудия, возвышающегося над крышей электромобиля. – А я вот всю дорогу хотел спросить: это что за хреновина? Если, конечно, не военная тайна.

– Да перестаньте, какая тайна... А что, в Мониторинге о подобных штучках не слышали?

– По крайней мере, я не слышал.

Цепкий взгляд:

– Или вам просто не сообщали?

– Ну так и что же это такое?

Рошаль натянул перчатки и сунул руки в карманы плаща. Сказал, отвернувшись от ветра:

– Называется «стрела». Прототип той штуки, которую вы видели, когда ваша «супруга» предстала перед нами во всей своей наготе. Откровенно говоря, я не специалист и как точно работает, не знаю... В об-

щем, она посылает в цель какое-то электрическое облако – и чем сильнее аккумулятор, тем больше дальность выстрела. Облако невидимое, однако на магические способности врага действует безотказно, уж поверьте. Напрочь нейтрализует любые проявления волшебства...

«Тина, что лн, генератора электромагнитного поля?» – подумал Сварог.

Но это тоже старый образец, – сказал Рональ. Слабенький и без «пары».

Без чего? Сварог с любопытством посмотрел на противомagicеское оружие. Более всего оно напоминало знаменитое изобретение некоего барона по имени Хайрэм Макенн, за которое он, собственно, титул барона-то и получил.

– Без снаряженного со «стрелой» обычного оружия... – ответил Рональ. – Вы же не полагаете, маскан, что достаточно лишить противника его колдовской силы, и он тут же сдастся на милость победителю?

– Ну, это да, это конечно... – протянул раздумчиво Сварог, вспоминая обугленный труп Келлины.

По сравнению с последними разработками это так, детская палка... Я вам еще «Буреносец» покажу!

Старый образец, видите ли. Значит, существуют новые образцы? Более совершенные? Тогда позвольте спросить, господа хорошие: почему он, Сварог, будучи вхож в реввоенсовет Мониторинг, слыхом не слыхивал о механизмах, блокирующих магические воздействия? Либо каскадовцы пока держат их существование в строжайшей тайне, либо...

Либо и в самом деле Визари посвящала Сварога далеко не во все свои повстанческие дела.

А тут еще «Буреносец» какой-то...

СПАСИТЕЛЬ КОРОНЫ

– Ну и где же комитет по торжественной встрече дорогого меня? – мрачно спросил Сварог, чтобы сменить тему.

– Да вон, – Рошаль нехотя вынул руку из кармана и указал на приближающуюся сквозь снегопад фигуру в развевающихся на востру одеждах. – Насколько я понимаю, аудиенция назначена вам лично. Так что я тут вас подожду, мастер капитан. В общем... кричите, если что.

Обнадежил напарничек...

Еще раз забежим вперед: больше в этой жизни они не встретятся.

Глава 4

ТУМАННЫЕ БЕСЕДЫ С ЛЕТАЛЬНЫМ ИСХОДОМ

Одежды на фигуре при ближайшем рассмотрении оказались чем-то вроде куска светло-зеленой ткани, обернутой вокруг тела по типу сари (и непонятно было, как человек не промерзает до костей в такой одежде при такой сволочной погоде), а сама фигура была явно женского пола. Мадам монахиня Сварогу поклонилась и жестом попросила следовать за ней.

Подожли к распахнутому входу в подземный бункер, и Сварог с содроганием вдруг вспомнил совсем другой бункер – там, в дебрях всплывшего материка Граматар, где у экипажа «Серебряного удара» было малоприятное знакомство с ополоумевшим компьютером-картежником.

Чур меня, чур...

Здесь работало не только освещение, но и отопление, так что Сварог капюшон откинул. Ага, стало быть, электричество в этом импровизированном монастыре исправно текло по проводам. Или у монахов был собственный источник питания, или они самовольно под-

СПАСИТЕЛЬ КОРОНЫ

ключились к какой-нибудь местной ЛЭП. Или же энергию просто-напросто забыли отрубить пограницы, когда консервировали базу...

Без единого слова они спустились по бетонным ступеням, двинулись низким коридором в глубь монастыря. Хотя какой это монастырь? Ни лампад, ни образов, ни прочих атрибутов обители затворников – голые стены, голый пол, потолок со свисающими лампами в металлической оплетке. Бункер, обыкновеннейший военный бункер, типичнейший... А что нам говорит чувство опасности? Чувство опасности безмолвствует. Ну, это как всегда.

Коридор закончился, упершись в круглую бронированную дверь с гидравлическим воротом. Люк был открыт настежь, изнутри струился тусклый электрический свет, и провожатая, все так же молча, пригласила Сварога заходить. Типа, будьте как дома, уважаемый.

Ну-ну.

Сварог опасливо заглянул внутрь. Ничего эдакого. Никаких тебе перевернутых распятий, пентаграмм и замученных черных петухов вкупе с черными козлятами. Обширный полукруглый бетонный зал. Полупустой, полутемный. Лишь посреди возвышается небольшой подиум с двумя аскетичными деревянными креслицами, да около противоположной стены, на полу, застыл силуэт согбенной монашки на коленях. По всему видать, молится. Сварог глянул на провожатую. Провожатая кивнула. Сварог вздохнул. Просканировал обстановку по всем параметрам – магическое присутствие, угроза проявления черного колдовства – ничего подозрительного не обнаружил (ну, кроме слабого магического фона) и, пробормотав: «Надеюсь, ты меня тут не замуруешь, сестра...», – храбро шагнул в зал.

А ведь это, кстати и между прочим, бывший командный пункт, ногу можно дать на отсечение, разве что разворованный до голых стен. Вон и обрывки проводов через равные промежутки из стен свисают, и темные квадраты на стенах – на том месте, где были прикручены пульта и всяческие панели управления, и дырки в полу, где крепились кресла...

Он обернулся: провожатую как ветром сдуло.

И? Чего ждем?

«Отверзнутся Врата, кон виширь до пределов земных, вглубь до черных кипящих камней и еще глубже, – параснев вдруг продекламировала молящаяся монашка и медленно встала. -- Падут ниц народы и расы. Отринут богов неправедных и примут богов истинных...» Так говорится в предсказании, которому около тысячи лет, человек по имени Сварог.

Ах, вот в чем дело...

Интересно, – сказал Сварог вежливо. – Только лично мне напрочь непонятно.

– Ключ у тебя? – спросила монашка. И пояснила: – Камень, который вы называете Око Бога.

Сварог смотрел на нее, нахмурившись и пытаясь понять, в какие игры играет девчонка. Ну да, именно что девчонка. В точно таком же сари, только темно-темно-зеленом, скорее даже – черном с прозеленью, большеглазой, с русыми распущенными волосами до лопаток, ей было не больше восемнадцати. И о чем, позвольте узнать, мне с ней разговаривать? А фигурка-то фотомодельная... «Правильных, однако, послушниц принимают в сию обитель», – совершенно некстати промелькнуло в голове у Сварога.

Поколебавшись, он развязал шнуровку плаща, снял с шеи мешочек, вытряхнул кристалл на ладонь. По бун-

керу тут же растеклось переливчатое лимонно-желтое сияние, густое, как кисель. Девица смотрела куда-то мимо кристалла, склонив голову набок, но даже не делая попытки притронуться к нему.

– Да, это он, – протянула она задумчиво, нараспев. – Что ж, значит, предначертанное исполняется. Значит, так тому и быть. Сотни лет ожидания закончились, и благодать переполняет наши сердца... – она поклонилась Оку Бога и вдруг сказала нормальным голосом: – Меня зовут Праматерь Пон-Тулла. Вы можете обращаться ко мне просто: госпожа Праматерь. Я – старшая Ожидающая.

– О, – позволил себе толику удивления Сварог. Какие бы порядки не руководили монастырем, но, хоть убейте, на бабушку восемнадцатилетняя красотка отчетливо не тянула.

– Так было заведено много лет назад, – очень серьезно объяснила юная Праматерь, по-прежнему на гостя не глядя. Глаза ее были очень светлыми, бледно-голубая радужка почти сливалась с цветом белка, – и не нам ломать старые устои. Глава монастыря испокон века именуется Праматерью, ее ближайшие помощницы – Матерями, дальше идут Сестры – и так далее, до Младших Дщерей...

Сварог собрался было спросить насчет Праотцов и Сыновей, но вовремя прикусил язык.

– Что такое человек? – неожиданно спросила Пон-Тулла. – Материальное тело? Но если отрезать человеку руку, или лишить зрения, станет ли он от этого меньше человеком? Вряд ли. Значит, тело – это лишь одежда. Тогда, может быть, человек – это его разум, его мысли?

И она замолчала, глядя куда-то поверх головы Сварога и явно ожидая ответа. Ожидающая, прамаму ее дышло...

Сварог, признаться, смешался. Уж куда-куда, а на философский диспут он попасть не рассчитывал. Чего ей надо? Проверяет подкованность в вопросах, о которые обломало зубы не одно поколение высоколобых очкариков?.. Но что-то ответить надо, бляха-муха. И Сварог, чувствуя себя полным кретином, ляпнул первое, что пришло на ум:

– Я мыслю, следовательно, существую.

Праматерь несколько секунд размышляла над ответом, потом покачала головой:

– Хорошо сказано. Но... Если человек спит? Или находится в забытьи? Или пьян? Значит, в тот момент его не существует?.. Может быть, человек – это душа. Но что такое душа? Какая у нее форма, какой цвет, сколько она весит и какой длины? Как ее измерить?

И опять выжидательное молчание. Сварог начал злиться. Хоть бы присесть предложила.

– А какого цвета гром? – проникновенно спросил он. – И как звучит хлопок одной рукой?

На этот раз обдумывание длилось чуть дольше. Наконец Пон-Тулла сказала, не замечая колкости:

– Красиво. Но непонятно. Потому что красивое не может быть понятным, оно не поддается измерению... Как объяснить просто: что такое человек?

Ах так, да? Ну я щас тебя... Он сформулировал в голове фразу и медленно, чтоб дошло сразу (ну, и чтоб не сбиться) произнес:

– Человек – это комплекс параметров, которые принято называть личностью: интеллект, память, эмоциональный ряд и мотивационные характеристики, причем последние два определяются условиями обитания носителя этой личности, памятью прошлых поколений,

привитыми инстинктами и выборочными индивидуальными особенностями тела.

Уф. —

На что Ожидающая понятливо кивнула... А вот интересно: она филфак часом не заканчивала?

— Человек, — сказала она, — это то маленькое нечто, которое смотрит в иллюминаторы ваших глаз, поворачивает штурвал и нажимает на рычаги. Это нечто мы называем Осью. Ось — постоянная, но изменяющаяся с течением времени главная составляющая человека. Ее можно измерить, а значит, ее можно отделить от тела... Я просто хотела узнать твое мнение на этот счет, человек по имени Сварог.

— А еще вы хотели встретиться со мной, — холодно напомнил Сварог.

Ей что, поговорить больше не с кем?

— Хотели, — наконец-таки улыбнулась Пон-Тулл. — Вот и встретились. Как и было предсказано... Впрочем, позволь мне опустить все причитающиеся великому событию слова и сразу перейти к делу. А о делах лучше говорить сидя. Прошу. Я рада, что ты, человек по имени Сварог, оказался именно таким.

Это каким, позвольте спросить, таким?! Ох, беда с этими затворниками...

Она плавно, неторопливо взошла на подиум, опустилась в кресло. Сказать, что Сварог чувствовал себя преглупо, значит ничего не сказать. Он последовал за ней. Сел.

Да и сидеть было дьявольски неудобно. И, главное, в который раз Сварог понял, что не он управляет событиями, а вовсе даже наоборот. И это, признаться, раздражало. Ага, вот именно. Пауза затягивалась, но Сварог понятия не имел, что сказать. «А где тут у вас Дверь

в Поток?» Или: «А откуда вы знаете, что я не местный?»... Бред.

– Око Бога, – сказала наконец Пон-Тулл, водрузив подбородок на сжатый кулак. – Или Ключ. Полагаю, ты уже понял, что этот камень – не просто предмет, имеющий магическое, но весьма поверхностное воздействие на живые организмы... Его нельзя пощупать, нельзя взвесить, нельзя измерить его размеры. А все потому, что этот предмет, Ключ, *не существует в нашей реальности*. Это, если хочешь, одна из проекций, теней, отражений Истинного Ключа на все плоскости мироздания. Ключа, который отпирает Книгу...

Под кайфом она, что ли? Странно было слышать метафизические заключения из уст восемнадцатилетней девчонки. Пусть и зовущейся Праматерью.

– Книгу Вселенной, – вспомнив Рошаля, понятно ввернул Сварог, но Праматерь восприняла его осведомленность со спокойствием сфинкса.

– Именно, – кивнула она. – Свет Ключа пронизывает все страницы Книги, все миры во Вселенной, и в каждом оставляет свой след. Есть такой след и на нашем бедном мире... Человек, способный пройти вдоль по лучу, способен добраться и до Оглавления. Прочитать его. Или изменить.

Сварог молчал, склонив голову набок.

– По лучу способен пройти ты, человек по имени Сварог, – размеренно, как заученное стихотворение, продолжала Праматерь. – Почему? Потому что ты не принадлежишь этому миру. Ты чужой. *Ты везде чужой*, человек по имени Сварог. Скиталец. Мечешься, не видя дороги... А дорога есть. И мы готовы помочь тебе ее увидеть.

– Дорога, Тропа, Стежка... – наконец позволил себе поморщиться Сварог. – Какая разница? Я хочу вернуть-

СПАСИТЕЛЬ КОРОНЫ

ся на Талар, вот и все. При помощи Ока, или же без оной. И если вы в состоянии...

– В состоянии, – отрезала Пон-Тулла. – Показать дорогу, которая приведет тебя туда, куда ты захочешь прийти... Око Бога как раз и открывает выход на нее. Вот только... – она вздохнула, раскинула руки по подлокотникам и окончательно перестала быть похожей на монахиню. – Вот только воспользоваться Оком-Ключом не так-то просто. Око становится Ключом в определенные моменты времени и при совпадении множества условий.

Та-ак... Впрочем, никто и не говорил, что будет легко.

– И когда наступит такой момент? – очень вежливо спросил он.

– Ты неправильно ставишь вопрос, человек по имени Сварог. Ты должен спросить: «А когда я смогу создать все условия для того, чтобы воспользоваться Ключом?»

– Ну, считайте, спросил, – вздохнул Сварог.

– Ты должен замкнуть круг. Свести порванные нити судеб воедино.

Все-таки она издевается, – понял он. Хотя и не врет, как показывает детектор.

– Ты пришел в этот мир, и очень многое изменилось. Должен быть восстановлен порядок – и тогда Ключ сработает.

– И как мне восстановить порядок? – устало спросил он.

– Наша миссия завершена, – невпопад ответила Праматерь. – Скоро монастырь исчезнет с лица земли, но не бойся: твое тело останется в целости и сохранности, даже если сверху рухнут горы.

Чего?!

– Так, стоп, – Сварог привстал. – Это в каком смысле?

– Запоминай точно. Найди свое тело, и найдешь Ключ. Найдешь Ключ – найдешь выход из этого мира... Ось, о которой я говорила, та самая неизменная составляющая человека – не нуждается в физической оболочке. Она сама найдет подходящую оболочку, чтобы замкнуть круг.

Сварог вдруг заметил, что до побелевших костяшек сжимает подлокотники кресла. Он расслабил пальцы, потряс ладонями и признался:

– Я ничего не понял, госпожа Праматерь. Можете сказать мне просто и понятно: что я должен сделать, чтобы покинуть Гаранд?

Она грустно улыбнулась.

– Слов не всегда хватает. Но я попробую. Итак. Чтобы воспользоваться Ключом, ты должен исправить то, что в этом мире, замкнуть круг судеб. Но в этом теле ты не сможешь ничего сделать.

– Почему? – быстро спросил Сварог.

– Потому что тебя ищет твой Враг. И потому что это твоя судьба.

Сварог поднял брови и сказал:

– Ах, вот как... Ну ладно. Позволь, теперь я попробую, с самого начала. Чтобы убраться из этого мира, я должен замкнуть какой-то круг судеб. Допустим. Но в своем собственном теле я этого сделать не могу, потому что не судьба. Так?

– Так.

– Во, уже продвинулись... Идем дальше. Для исполнения предначертанного мою душу – Ось нужно перенести в другое тело. Так?

– Не так. Ось сама найдет другое тело, ей соответствующее.

– Ну пусть сама, пусть! – он едва сдержался. – А что потом?

СПАСИТЕЛЬ КОРОНЫ

– Потом ты должен будешь отыскать свою нынешнюю оболочку. Она будет ждать здесь, на нижнем этаже этого бункера. И когда ты найдешь себя, Ось вернется на место, круг замкнется, и ты покинешь Гаранд.

Сварог с шумом выпустил воздух из легких.

– Последний вопрос, с вашего разрешения. Каким образом вы собираетесь извлечь мою Ось из моей же оболочки?

– Очень простым, – сказала Праматерь Пон-Тулл. – Вот так.

Взвыло чувство опасности, но, как всегда в последнее время, поздно. Сварог и подумать не мог, что у этой девчонки такая реакция... Или он просто был одурманен се бессмысленными словесами?

Так или иначе, но искрой мелькнуло в воздухе лезвие кинжала – ледяной иглой глубоко вонзилось в живот Сварога – чуть повернулось – и вновь спряталось в складках сари. А следом за лезвием на каменный пол громко плеснуло кровью, будто сплюнул кто-то.

Все произошло за какие-то доли секунды, Сварог еще ничего не понимал. Просто сидел и чувствовал, как онемение нарастающими волнами прокатывается по телу. Помещение быстро наполнялось монахинями, они окружали подиум, бесстрастно смотрели на Сварога, ожидали чего-то... Ожидаящие, мать их!

Праматерь наклонилась к нему и наконец посмотрела глаза в глаза:

– Ты обладаешь многими способностями, но я не знаю, входит ли в них умение залечивать раны. Поэтому клинок был смазан ядом, эту рану тебе затянуть не удастся. Однако не бойся, человек по имени Сварог, ты не умрешь. Смерти нет... Найди свое тело здесь, в этом бункере, – и сможешь уйти.

И ДОЛЬШЕ ВЕКА ДЛИТСЯ БОЙ

Черная и густая, как кисель, пустота была повсюду. Хотя слово «черная» не совсем подходило – поскольку в этой пустоте не было *ничего*, даже цвета, и нельзя было сказать: «черная». А на самом деле, не было даже самой пустоты, и уж тем более не было в ней Сварога.

«Но если меня нет, то кто тогда думает, что меня нет?» – подумал... блин, никто не подумал. Ничего не было. Вообще ничего.

Стоп. Как так ничего? А парадокс насчет кто думает, если никто не думает? Значит, как минимум, парадокс есть! А вы говорите – «ничего»...

Эта несуществующая мысль послужила толчком к изменениям. Сначала в черной пустоте появились черные тени, они кружились, перетекали друг в друга, сжижались в точку, распухали до размеров Вселенной, выли, хохотали и издевались над беспомощным, размазанным по бесконечности Сварогом.

Ага, хохотали? Стало быть, есть и звуки!

Зрение прояснилось, Сварог осознал *себя*, отделил от окружающего мира, и...

Вокруг было жарко, душно и влажно, как в плохой бане. Более того: отвратительно тянуло дымом и гарью. И весь окружающий мир был затянут туманом. А еще отовсюду доносился некий настойчивый звук.

«Бульканье, -- вяло подумал Сварог, -- вот что это такое».

С головой творилось примерно то же самое: в мозгу клубился вонючий туман, в мозгу что-то отвратно хлюпало... и вообще было жарко под черепной коробкой.

Ад. Он попал в ад, никаких сомнений. И ножевая рана не болит, вообще не болит... Значит, он и вправду умер.

Резкий порыв ветра подрагонал туман, и... И стало ясно, что никакой это ни туман, а пар. Самый натуральный пар. Повсюду, насколько хватало взгляда, была вода, вода кипела, булькала, вздуваясь огромными пузырями, и над ней поднимался пар.

Ни на ад, ни на рай это похоже не было. Хотя -- кто может утверждать с уверенностью?..

Сварог обнаружил, что лежит на крохотном гранитном островке -- сжали считать в метрах, то где-то три на три -- посреди бурлящей воды. Островок был мшистый, серый, исчерченный трещинами... и очень горячий. Не то чтобы обжигаяще, но все же неприятно. Блин, куда ж это меня занесло?.. Он лежал, приподнявшись на локтях, и вертел головой. Тело было ватным, он едва чувствовал конечности... И вообще с телом было что-то не то, но что именно, он сообразить не мог. Так, а это что еще? Справа от него, на расстоянии вытянутой руки валялось... оружие, что ли? Ну да, похоже. Причем конструкции совершенно бредовой: от деревянного приклада до затвора -- обрез как обрез, а вот вместо ствола к ложу была присобачена вогнутая ме-

таллическая тарелка с короткой антенной посередине. Ни дать ни взять бластер, смастряченный второклассником, насмотревшимся «Звездных войн». Причем с этим бластером, судя по всему, второклассник прошел ни одну галактическую битву против таких же, как он, охламонов во дворе: приклад вытерт до лоска, тарелка-локатор помята и местами даже окапиной покрыта... Как стрелять из такой пукалки, было непонятно: ни магазина, ни прицела.

Он протянул руку, чтобы взять хреновину... Что еще за чертовщина? Мать твою! Рука не повиновалась. Не выполняла приказ, и все! Да и не только рука. Сварог захотел встать – и не смог. Захотел повернуть голову, вытереть пот со лба – не вышло, попытался хотя бы моргнуть – не получилось...

Да что ж это делается-то, а?!

Зато, вопреки намерениям разума, тело вдруг выпрямилось, село, согнуло ногу в колене, руками подтянуло голенище сапога. Только сейчас Сварог обратил внимание, что на нем полевая форма. Пошива так же незнакомого, но форма, несомненно, не офицерская, форма рядового. Судя по отсутствию нашивок на обшлагае рукава – даже не просто рядового, а самого натурального салабона, отслужившего меньше года... Хотя – пес знает, какие здесь приняты знаки отличия, где бы это *здесь* не находилось...

Форма «на нем», говорите? А на ком – на нем? Руки были явно не его, не Сварога, уж ему ли свои не знать! *Эти* ручки принадлежали кому-то помоложе, кому-то, с физическим трудом познакомившимся совсем недавно: тонкие пальчики, обломанные грязные ногти, первые кровоточащие мозоли на ладошках. И ноги шире в бедрах, и голенастее, да и сапоги на два размера мень-

ше Сварогова... И, главное, зубы. *Зубы*, вот что было страшнее всего. Как бы это объяснить... Вам когда-нибудь вырывали зуб? Согласитесь: в течение нескольких дней после сей малоприятной операции ваш язык безостановочно ощупывает дупло, гладит покалеченную десну, елозит по зубам соседним, проверяя, все ли нормально там, и постепенно *привыкая* к изменениям во рту... А теперь отвлекитесь на мгновение и представьте: вы просыпаетесь утром, а некие мистические силы подменили все ваши зубы на совершенно незнакомые: другой прикус, другая форма, другая гладкость...

«Он – это не я. Я в теле кого-то другого!»

Сначала возникло омерзительное чувство тошноты. Потом удушающей волной накрыла паника, впервые за всю жизнь он почувствовал острейший приступ клаустрофобии. Да что зубы! Захотелось немедленно высвободиться, разодрать тесный кокон пленившего его *чужого* тела, бежать куда-то, все равно куда, лишь бы подальше от этого кошмара... но усилием непонятно откуда взявшейся воли он заставил себя успокоиться. Себя? Опять же: кого это – «себя»? Хозяин тела, похоже, присутствия постороннего даже не замечал...

Сейчас бы не мешало вытереть пот с лица, попытавшись заодно смахнуть с глаз наваждение, не говоря уж про то, что не мешало бы закурить. Но как тут закурить, когда руки тебе не принадлежат? А если еще и этот Сварог-прим окажется и вовсе некурящим...» А как, кстати, с заклинаниями? Проговорить ни одно из них я не могу, это точно, но ведь...»

Додумать мысль помешал взрыв.

Грохнуло со звоном, с неестественным дребезжанием, вдавливая барабанные перепонки в мозг. Над бурлящей, как в кастрюле, водой, поднялся столб грязи,

опал... но в воздухе остался висеть его, столба, двойник – полупрозрачный, с застывшими в полете мутными каплями, излучающий желтый нутряной свет... Большого Сварогу рассмотреть не удалось: исконный обладатель тела упал на живот, накрыл голову руками. Сварог же чувствовал себя омерзительно. Так, наверное, мог бы чувствовать себя капитан океанского лайнера, вдруг обнаруживший, что его капитанская рубка – фуфло и полная бутафория. Что он может сколько влезет крутить штурвал, с виду самый что ни есть настоящий, что угодно орать в голосоотвод, любыми зигзагами прокладывать на карте маршрут – все равно кораблем управляет не он, а кто-то другой, из настоящей рубки. И липовому капитану останется только ходить по рубке, любоваться окрестностями, вспоминать былое и ждать, чем закончится плавание... Но Сварог даже ходить был не в состоянии!..

Так. Минутку. Спокойно. Что там Праматерь говорила об Оси, о перемещении? После смерти, слы-палы, он что, переместился в тело этого сопляка? Ренникарнация, блин? Это и есть подходящее для него тело? И что, это теперь до тех пор, пока он не найдет свое тело?! Худшее из заточений, какое можно вообразить! Даже не покончить с собой, потому что нечем покончить!..

Упавшее зернышко тревоги стало на глазах расти, грозя опять вымахать в ощущение беспросветной безнадеги. «Стоять! – сам себе приказал Сварог. – А-ат-ставить паникерство! Вспомни, сам же говорил: я мыслю, следовательно, существую. Еще и пальцем не пошевелил, чтоб исправить и наладить, а туда же – горевать! Кто сказал, что нельзя подчинить себе это тело? Всегда и везде есть лазейка...»

– Эй, Гартош! – услышал он крик.

– Я! – отозвался хозяин их общего тела.

После чего где-то совсем неподалеку зашуршали камни под чьими-то тяжелыми шагами, потом что-то увесистое, железное, звякнув сочленениями, упало на камень, потом стало слышно, как некто разбегается, выкрикивает что-то вроде «опа», – и этот некто, вылетев из белесого пара, приземлился на островке, рядом с рядовым Гартошем-Сварогом.

Рядовой проворно вскочил и вытянулся во фронт. И неудивительно – рядом с ним стоял, отряхиваясь, капрал.

Нет, ну надо же. Стало быть, война? Взрыв опять же... Интересно, которая. И в каком мире, интересно...

Взгляд Гартоша был устремлен за спину капралу, и Сварог его глазами разглядел в клубах пара темные очертания еще одного островка. Или не островка, а большой земли? Но тогда почему... Впрочем, вопросов было столь много, что нечего и перечислять. Начав с одного, тут же запутаешься в них, как рыба в сетях. Р-разберемся во всем помаленьку...

Сварог почувствовал как по не-его телу заструились ручейки пота: по виску, под мышками, по спине. По всей видимости, рядовой Гартош испытывал перед непосредственным начальством нешуточный трепет. Капрал же, сразу видно, был битый, повидавший виды во-яка. Лет сорока, с худым, обветренным лицом героя вестернов. Жилистый, насквозь пропеченный солнцем, как те же герои вестернов. Капрал окинул рядового с ног до головы цепким взглядом.

– Сядем, Гартош. Отдохнем, поговорим.

По одному такому зачину Сварог мог смело утверждать, что ничего хорошего Гартошу от разговора с капралом ждать не приходится.

– На, сынок, выпей! – капрал отстегнул от пояса и протянул рядовому плоскую армейскую флягу.

– Н-нет, – замотал головой Гартош-Сварог, – нет, благодарю вас, я... я не пью. Совсем.

– Пей! – угрожающе прорычал капрал, всунул в руку флягу. – Это приказ.

Гартош, хоть и недолго прослужил, видимо, научился за это время беспрекословно повиноваться. Поднес горлышко фляги к губам, с силой выдохнул, зачем-то зажмурился и, воткнув флягу в губы, наклонил. Жидкость, градусностью сходная со спиртом, но, в отличие от спирта, обладающая вкусом, и вкусом пережаренного сахара, обожгла нёбо, струей горящего бензина понеслась по пищеводу.

Кaprал не дал оторвать Гартошу флягу от губ – придерживал за донышко, другой рукой сжал рядовому подбородок и запрокинул ему голову.

– Все, все, – наконец капрал оторвал флягу от губ рядового и быстро завинтил крышку. – Дыши через нос, солдат! Не сблевывать мне! Попробуй сблевануть, р-расстр-реляю! – проорал он Гартошу в ухо. – Сильнее дыши, еще сильнее!

Гартош закашлялся, схватился за горло. Наклонился вперед, глубоко и часто задышал. Капрал похлопал его по спине.

– Вот так, вот так, хорошо, сынок. Для тебя же делается. Из личного НЗ тебе выделяю. Сам бы сейчас хлебнул за милую душу, да тебе нужнее.

Сварог прекрасно понимал, что происходит. Слишком уж знакомая тоска проступала в усталых глазах капрала. Объяснение этому могло быть только одно. Капрал вынужден посылать необстрелянного новобранца на верную смерть, ему этого не хочется делать, у

него, может быть, у самого такой же сын, но другого выхода нет. И он вынужден пудрить юнцу мозги, изображать, что все идет как надо, заставлять его выпить для поднятия духа.

А крепкий напиток тем временем производил в организме перемены. Сварог-Гартош почувствовал теплоту во всем теле, уходила из организма усталость, на ее месте появлялась легкость. Мышцы налились упругой силой, захотелось эту силу выплеснуть, растратить куда-то. Правда, на ясности рассудка Сварога выпитое не отразилось, но рассудок Гартоша – другое дело, он закрыт от Сварога непроницаемыми шторами.

– Слушай сюда, рядовой Гартош! – деланно бодрым голосом заговорил капрал. – Командование поручает тебе ответственное задание. Вызвал меня верховодящий и спрашивает: кто у вас в полку лучший? «Гартош», – говорю, не задумываясь. – «Тогда ему мы и доверим наши жизни», – говорит верховодящий. – Так и передай ему, – говорит, – что ему вручаем судьбу всего полка и всего наступления. Выполнит, что надо, представим сразу к капралу и наградим Алым Пятилистником».

Капрал расстегнул подсумок, достал связку из двух гранат, протянул Гартошу.

– Подберешься к развалинам Юдоли и кинешь внутрь.

– Но там же...

– Нет там ничего! – гаркнул капрал. Сморщился, точно от лимона, а потом постарался улыбнуться как можно беззаботнее. – И никого там нет. Наши парни давно уже всех оттуда выкурили. Не дрейфь, сынок. И доберись до этих развалин, душевно тебя прошу... Это даже не приказ, это просьба. Очень многое зави-

сит от того, сумеешь ли ты... В общем... Вперед, Гартош. Дорогу знаешь.

Гартош шумно, с каким-то повизгиванием вздохнул, сунул гранаты за ремень, вскочил на ноги, разбежался, перепрыгнул на соседний островок, едва не поскользнувшись на влажном лишайнике. Но на ногах удержался, подошел к краю островка, сел, спустил ноги вниз. Потом аккуратно сполз по осыпающимся камням к самой воде. А вот здесь было по настоящему горячо от пара. Штаны моментально пропитались обжигающей влагой... Куда это его несет? Ага. Вот куда.

Из воды, не более чем на полметра, выступала узкая, в две ладони шириной, каменная гряда, пропадающая из виду в белых парах. По этой неверной тропке и пошел Гартош. Соскользнешь – сваришься, как рак. А тут еще иной раз приходилось прыгать с камня на камень, потому что тропка была не сплошной, имелись в ней разрывы, длиной подчас до метра.

Вот почему капрал влил в рядового Гартоша порцию огненной воды. На такой дорожке, да еще над кипящим болотом, трудноато без допинга не растерять уверенность. Ежели ты, конечно, не специально тренированный человек. А тут? Самый что ни на есть салябон... И потому Сварог думал, что напиток был не простой спиртягой, имелись в нем какие-нибудь хитрые добавки – из числа тех, что на время превращают даже самого отъявленного труса в отъявленного храбреца.

А вот кстати! – промелькнула посторонняя мысль. Что произойдет с его, Сварога, сознанием, душой, Осью – или как там называется то, что переселилось в тело несчастного солдатака, – ежели это самое тело погибнет?

Гартош, к счастью, не упал и не сварился. Добрался до выступающей из воды сварной металлической конструкции, похожей на вышку электропередач. Кто ее знает, может, вышка это и была. Чтобы убедиться, так это или не так, следовало задрать голову, но Гартош наверх отчего-то не смотрел. Гартош оттолкнулся от крайнего камня, пролетел над кипящей водой, ухватился за косую перекладину в виде уголка, удержался – молодец, не упал, а Сварог чувствовал, какого напряжения от него это потребовало! – подтянулся, закинул на перекладину ноги. Повис на перекладине, спиной вниз, поболтался так некоторое время, потом стал продвигаться, перебирая руками и ногами по ржавому металлическому уголку, как по канату. Добрался до толстой вертикальной трубы – надо понимать, опорной стойки вышки. Там забрался ногами на перекладину, застыл, обхватив трубу. Дух переводил. Ему действительно требовался отдых. То, что для тела Сварога было бы сущей ерундой, для тела Гартоша было нелегким испытанием сил.

Отсюда, с высоты, виднелись темные развалины строений... Нет, не так: ничего кроме развалин отсюда видно не было. Он не мог обозреть всю панораму, потому что Гартош головой не вертел, но и без того напрашивались кое-какие выводы. Кажется, Сварог начинал понимать, что это за островки такие, геометрически правильной формы, и при чем тут вода. Некий населенный пункт – город или городской район – подвергся разрушению и затоплению. Хотя и не обязательно в такой последовательности. Непонятно, правда, откуда столько воды – поблизости ни плотины, ни водоема. Более того: городишко, скрытый практически под корень, отчетливо стоял на возвышенности... И совсем

уж непонятно, почему вода кипит... Да хрен его знает! Поди раскуси все, что у них тут творится...

Тем временем Гартош продолжил свой путь. Таким же, что и прежде, макарон, он обогнул вышку по периметру. Добрался до противоположной стороны... и спрыгнул вниз на твердую землю.

Ага. Тут уже не островок, а целый остров. А может, уже и материк. По крайней мере, Сварог противоположного края ссей земли не видел, поди тут увидь сквозь завесу пара. Зато видел он кое-что другое. Трупы. Множество трупов в серой форме, повсюду. И еще... Ну да! Земля была прямо-таки усеяна птичьими трупиками. Сороки, галки, журавли, сороки, голуби, мелкие птицы вроде воробьев и стрижей... Сотни, тысячи. Запаха, однако, гниющей плоти не ощущалось... И что все это значит, а?!

А впереди возвышались руины некоего величественного сооружения. Уж не те ли руины загадочной Юдоли, к которым и был послан боец Гартош? И Гартош уже остановился, присел. Судорожно оглянулся. Или действие похжей на спирт жидкости пошло на убыль, или страх перед этим местом был так силен, что никакая наркотическая встряска не могла его преодолеть. Ладонки солдата затряслись и мгновенно вспотели. Гартош вытер руки о гимнастерку. Он, похоже, не слишком торопился вперед, к руинам. Но приказ есть приказ, и рядовой двинулся в сторону развалин.

Он двигался не спеша, ставил ногу так, чтобы не наступить ни на птицу, ни на человека, сжав рукоять ножа. Оружием, кстати, он был, не увешан – мягко говоря: гранаты и нож...

Нет, а все же что-то странное было в этих трупах, что-то неправильное. Гартош в них не вглядывался, не

наклонялся, не рассматривал, будто и без того знал, что увидит... А может, просто не замечал несообразностей. Зато он всматривался в горизонт, бросал взгляд на небо, к чему-то прислушивался. Ага, вот, выбирая, куда поставить ногу для очередного шага, бросил взгляд на убиенного. Покойник лежал на спине, запрокинув голову... На месте глаз у трупа зияли две рваные черные дыры! И лицо похоже на дырявую маску. Да и у остальных...

То, что Сварог сперва принял за следы массированного обстрела картечью – в клочья изодранная одежда, многочисленные мелкие раны, – это все... это же... Птицы...

Заклеваны!

И едва он сделал это открытие, как послышалось хлопанье тысячи крыльев, и в небе появился черный клин. Исполинская птичья стая, видимо, караулившая где-то неподалеку, поднялась в воздух, и острие клина было нацелено в сторону Гартоша.

«Назад!» – прокричал... Или как это называется? Мысленно прокричал. Словом, Сварог попытался достучаться до сознания Гартоша. Да нет, поди тут достучись... Гартош в ужасе заревел что-то нечленораздельное и метнулся к развалинам. Сварогу оставалось быть лишь зело переживающим за сюжет зрителем этого цветного стереофильма ужасов.

«Да не успешь же, мать твою!»

Вряд ли Гартош каким-то чудом услышал Сварога. Скорее сам понял, что не успеет. Слишком быстро приближалась стая, слишком большое расстояние необходимо было одолеть. И тогда рядовой сделал то, что Сварогу в голову вряд ли пришло бы.

Он перепрыгнул покойника, но зацепился за что-то, рухнул, ощутимо треснувшись локтем о приклад

брошенного «бластера» (Сварог чувствовал его боль, как свою). «Бластер», однако, подбирать не стал, вскочил на ноги, пробежал еще немного, нагнулся, содрал с первого попавшегося трупа каску, нахлобучил себе на голову... а потом взвалил мертвое тело на спину. И уже с мертвецом на спине тяжело побежал к развалинам.

А через несколько пульей пролестевших секунд начался форменный Хичкок. Вокруг потемнело. Вокруг захлопало и затрепетало. Все вокруг наполнилось клекотом, карканьем, визгливыми криками. И посыпались удары: в голени, в бедра, в локти, в щеки... Казалось, десятки пинцетов захватывают кожу через одежду и тянут, тянут, вырывая вместе с кожей и мясо. И когтистые лапы тоже раздирали одежду и плоть. Боль Гартоша была и его, Сварога, большою. Он *чувствовал* тело, которое кромсали клювы, в которое вонзались когти, но управлять им был не в состоянии.

Если б не сообразительность рядового, прикрывшего спину убитым, а голову каской, валяться бы сейчас бедолаге истерзанным на горячей земле среди тех, кто также не дошел до руин. Однако Гартош продвигался вперед, хотя с каждым шагом ему становилось все труднее – уходили силы, раны прибывали. Не шибко физически силен был Гартош, чтобы спокойно волоочь на себе многокилограммовую ношу...

А обезумевшие птицы налетали и налетали, образуя вокруг бредущего человека копошащийся клубок.

Хорошо еще, что крохотный птичий мозг не позволял этим тварям обдумать ситуацию и выбрать верную тактику. А додумайся они атаковать снизу, целя в незащищенные лицо и живот, – все было бы кончено в одночасье. Птицы же пикировали сверху, вклиниваясь в

шевелиющуюся, бьющую крыльями гущу, цеплялись когтями во что придется, долбили и рвали клювами, что оказывалось под ними... а под ними оказывались и их сородичи в том числе. Забитые своими же птицы за-мертво падали под ноги, и Сварог видел распахнутые клювы, бессмысленные бусины глаз. Клубились облака перьев.

Рук он уже не чувствовал и боялся представить себе, во что они превратились. В фарш, не иначе. Разве что ладони Гартош прятал как мог. Ноги и ладони – вот важнейшие для него сейчас части тела.

Однако все шло к тому, что они до руин не дотянут. Тем более уставал Гартош с каждым шагом все сильнее. Лишь бы не сбросил с плеч мертвеца – в противном случае через мгновение его растерзают в клочья.

Ясно было, что рядовой Гартош уже поставил на своей жизни крест. «Пушечное мясо»... Не иначе, сам себя так не называя, солдатик понял, что именно таким и является. И внутренне примирился с необходимостью пожертвовать собой во имя выполнения боевой задачи. Он уяснил истинное положение вещей: единственное, что ему остается – исполнить приказ, спасти боевых товарищей и заработать посмертную славу себе. Ну, быть может, и для родных заработать мало-мальскую пенсию по утрате кормильца. Если, конечно, у него есть родные и если *здесь* назначают подобные пенсии.

Гартош, хоть головы и не поднимал, хоть и петлял, как заяц, но все же каким-то наитием выворачивал к руинам. До каменной кладки оставались считанные шаги.

Гартош споткнулся. Припал на колено. Упасть для него означало погибнуть. Будет уже не подняться.

Рядового спасло то, что он уже перешагнул тот порог, за которым или человек теряет сознание от боли, или совершенно перестает боль чувствовать. Гартош боль чувствовать перестал. Только поэтому он сумел подняться с колена и пройти последние метры.

Он протиснулся в щель в кирпичной стене и ввалился внутрь развалин Юдоли. Птичья сволочь, напоследок ударив в спину всей массой, осталась за разрушенными стенами. Ни одна из пернатых тварей не попыталась преследовать жертву в пределах разрушенного здания – видимо, птичкам вход сюда был кем-то (или чем-то?) заказан. Гартош сбросил с себя ношу, которая уже мало была похожа даже на покойника – нечто изорванное, изодранное; свисающее лоскутами мяса в клочьях ткани. Ладони Гартоша скользнули к поясу, на шаривая гранаты.

Рядовой спас глаза – во многом благодаря тому, что каска оказалась велика и сползала на лицо. И посреди кирпичного крошева, разбросанных скамеек и валяющихся треножников Сварог увидел человека в серой мешковатой хламиде. Тот стоял в центре разрушенного строения, спиной к Гартошу. А под ним...

Под ним, на расчищенном от хлама участке пола, полыхал огонь. Нет, слово «полыхал» не годилось, как, наверное, не годилось и слово «огонь». Под ним с зачаровывающей плавностью перетекала желто-красно-черная лава, взрывалась огненными выплесками, ходила огненными водоворотами, переливалась нутряным светом, как остывающие угли... Вот только лава эта остывать не собиралась. И обладатель в серой хламиде стоял босыми ногами прямо на лаве. Зрелище было, прямо скажем, жутковатое.

Стоял он перед огромным, в две трети человеческого роста, серым котлом с закопченными стенками и что-то аккуратно сыпал из пузатой реторты в кипящую, бурлящую, исходящую паром воду. Котел нагревался, по всей видимости, подземным огнем, поскольку никаких дров под ним не наблюдалось. Когда в развалинах появился Гартош, обитель руин резко обернулся. Отбросил с лица седые лохмы, вперил в Гартоша яростный взгляд. Изможденное бледное лицо, нечесанные волосы, горящие глаза фанатика.

– Баль-Мирг... – потрясенно прошептал Гартош. И крикнул вдруг – облегченно, радостно, в каком-то даже бешеном восторге, будто минуту назад объявили, что война закончилась полной и безоговорочной победой наших и все солдаты – марш по домам. – Баль-Мирг, дружище, ты! Вот это да!

Человек в серой хламиде смотрел на Гартоша бесстрастно, и было непонятно, узнал он салабона или нет.

– Баль-Мирг, черт волосатый, ты-то какими судьбами?

Он скинул каску, от полноты чувств зафутболил ее за груды битого кирпича. При том совершенно не замечая, на чем именно стоит лохматый.

– Гартош, на тебе форма Вольной Республики, – наконец глухо отметил Баль-Мирг.

Гартош-Сварог в недоумении оглядел себя. И наконец до него стало доходить. Наконец он увидел лаву.

– Да, но... а ты... что ты...

Секунду назад у него, пожалуй, еще был шанс унести отсюда ноги.

Но секунда прошла.

– Ты не помешаешь мне, – сказал Баль-Мирг. – Ты не помешаешь *нам*. «Дружище», сказал ты?..

Глава 5. И ДОЛЬШЕ ВЕКА ДЛИТСЯ БОЙ

И зашептал что-то, двигая руками так, будто крутит тяжеленный ворот колодца. Порыв неощутимого ветра рванул его хламиду, растрепал волосы.

– Ты маг? – выкрикнул прозревший Гартош. – Ты – маг?!

Лохматый выбросил в сторону солдатику руку с растопыренной пятерней. Из ниоткуда, из сгустившегося воздуха вырвалось, распластавшись в мощном прыжке, *нечто*. Зверь. Невозможный, огромный, полупрозрачный, ящероподобный: черный, будто вымазанный дегтем, с короткими крокодильими лапами и головой собаки, с полыхающими рубиновым светом глазами. Гартош инстинктивно зажмурился, но тут же пересилил себя, распахнул глаза, заорал нечленораздельно, истошно, страшно, выплескивая из себя всю обиду и злость на несправедливость этого мира, на такую короткую жизнь, и бросился... или вернее кинул себя навстречу черному ящеропсу. На ходу выдергивая гранаты из-за пояса, а из гранат чеки. Клыкастая слюнявая челюсть сомкнулась на шее Гартоша, хрустнули позвонки. Сварог даже не успел почувствовать боль и содрогнуться в своей клетке из чужой плоти, как его накрыл с головой вал бушующего, ослепительно белого пламени, пожирающего все вокруг.

ВОЙНА В ВОЗДУХЕ

Пустая чернота была повсюду. Но на этот раз несуществующий Сварог сориентировался быстрее и задал черноте вопрос: «Что значит – была? А где она сейчас?»

Вопрос, конечно, абсурдный и чисто лингвистический, однако сработало: понятия «пустая», «чернота», «была» и «повсюду» существовали, следовательно, существовало нечто помимо «ничего». И «ничего» существовало – даже если ничего внутри него не существовало... Тьфу, бя...

Легкое покачивание. И знакомое жужжание: так работает электромотор аэропила. Не менее знакомые тросы, что тянутся от хвоста до кабины. Скользящие по ним кресла. В конкретно этой летающей машине кресла, правда, скользили вдоль одного борта всего по двум открытым тросам, остальное пространство салона аэропила было накрыто дощатым помостом. Помост был практически пуст, на нем находился лишь стол, придвинутый вплотную к правому борту, и возле него четыре простых деревянных стула, судя по всему, намертво прикрепленные к полу. Четыре человека скло-

нили головы над картой, расстеленной на столе. И одним из этих четверых был Сварог. А точнее – Сварог смотрел посредством глаз очередного *хозяина* тела. Хозяин этот напряженно глядел в овальный обзорный иллюминатор, за которым кучерявились белые облака.

Ч-черт, а на этот-то раз что?!

– ...следовательно, – произнес чей-то усталый надтреснутый голос, – как ни высокопарно это звучит, но от исхода боя, думаю, будет зависе^{ть} исход всей войны.

Взгляд «Сварога», до того блуждающий по салону машины, опустился на карту, где крупная мужская рука обвела карандашом нанесенный на мелкомасштабную карту город. Прямые белые полосы улиц с указанием километража, окружности площадей с указанием радиусов, заштрихованные зеленым островки парков и скверов, круги и квадраты, обозначающие отдельные здания, множество непонятных значков и символов. В карту в разных местах было воткнуто десяток булавок с белыми и черными флажками. Сварог успел прочитать несколько названий: «Парк фонтанов», «Парк аэропилот Коль-Родога», «Университет святого Пар-Лода».

– Не бойтесь высокопарных слов, резерв-победитель, – раздался глубокий бас слева. – Все просто: удержим Никушд – погоним эту нечисть до самого Эшта. *Они* возьмут город – моральный крах, а затем смерть всей Республике. Нас разрознят и добьют в считанные дни.

– Брать и защищать уже нечего, ваффен-победитель. Города нет, одни руины.

Ого! Оказывается, он присутствует при исторической битве за Некушд! Это ж через сколько дней он перенесся? Или лет?..

Взгляд «Сварога» остановился на лице очень худого человека с четырьмя вышитыми совами на рукаве и

с черным кругом под единственным глазом. Левый глаз прикрывала повязка – матерчатая заплатка на черном шнуре. Ни дать ни взять опереточный адмирал Дрейк. Форма на нем была, несомненно, военная, однако подобной Сварог в Короне еще не встречал: никаких тебе трико, плащей и поясов – строгие серые френчи, несильно разнящиеся лишь покроем да нашивками, с косяными простыми пуговицами, узкие брюки; ни погон, ни аксельбантов... А форма-то, кстати, наверняка высшего офицерского состава, потому как в такой одежке на передовой не повоюешь.

«Совещание штабов, – понял Сварог. – Эвон куда меня закинуло, из рядовых-то...»

Совещание сис проходило отнюдь не в теплой дружественной обстановке. Даже Сварог несуществующей кожей буквально ощущал напряжение в атмосфере.

– Не распускайтесь, Ак-Мистар, – жестко сказал обладатель густого баса, который водил карандашом по карте.

Ага, вот Сварогу довелось рассмотреть и его: невысокий, широкоплечий, с багровым лицом человека, склонного к апоплексии. На рукаве у него алели четыре силуэта оскаленной волчьей морды.

– Я не умею распускаться, – Ак-Мистар холодно посмотрел на оппонента, – и вам это известно. Просто я по-прежнему не вижу ни малейшего смысла продолжать оборону уничтоженной столицы Республики – в то время, когда каждый солдат на счету на других, более важных участках...

– Вы понимаете не хуже меня, – в голосе багроволицего сквозило нескрываемое презрение, – что дело не в руинах, а в том стратегическом положении, которое занимает город. И без поддержки ваших эскадри-

лий не обойтись. Это ключ к побережью, к морской границе... Но гораздо более важен идеологический аспект, смею вас уверить. Победа в битве за Некушд, сердце Вольной Республики, вдохнет силу в одних и деморализует других.

Одноглазый ваффен-победитель мрачно возразил:

– Я родился здесь, Рен-Потор, для меня Некушд никогда не будет просто точкой на штабной карте. Для меня это – мир моего детства и моей юности. Лестница Ушедших Богов. Поле Сияющих Солнц. Первая девушка. Парад на Кубической Площади в честь сорокалетия Белой победы. Здесь я окончил кадетское училище... Однако защищать мертвеца, если миллионы живых нуждаются в твоей помощи...

– Очень образно. Но давайте сантименты оставим на другое время! – раздраженно перебил Рен-Потор. – Город еще не пал, не нужно хоронить его раньше времени!..

– Правительство в мобильной резиденции, – размеренно, со спокойствием тикающего часового механизма сказал Ак-Мистар, – мирное население практически эвакуировано, заводы демонтированы, архивы вывезены... За что вы еще держитесь? За *материальные* ценности?!

В этих словах явно был какой-то подтекст...

– Вчера в бою за район Гиг, – быстро сообщил надтреснутый голос, – противник перешел в контрнаступление с применением новой разновидности колдовства, которое не смогли блокировать наши установки. Контрнаступление, разумеется, захлебнулось, однако тенденция, согласитесь, тревожная. Наши специалисты пока не сумели классифицировать характер магического воздействия. И если враг снова, уже массированно, использует...

«Бла-бла-бла... Черт, – подумал Сварог, – у них тут что, демократическое заседание? Типа – будем защищать город или ну его на фиг? Ай-ай-ай, так войну не выиграешь... А где же главнокомандующий? Они б еще референдум провели...»

– То что?

– Я считаю, мы должны ускорить переговоры с Гвидором. А если надо, то и надавить на него!

Ага, вот и обладатель этого голоса: половина лица у него изуродована огромным фиолетовым пятном от ожога.

– В конце концов, государства Гвидора юридически остаются протекторатами и колониями Короны, и их статус пока никто не менял. По всем установлениям они обязаны нам помочь. Их техника и живая сила...

– Хотелось бы знать, каким образом вы заставите их выполнять свои обязательства *сейчас*, – с сарказмом произнес ваффен-победитель Ак-Мистар. – Когда Империя трещит по швам, резерв-победитель, соседи только и ждут удобного момента, как бы подтолкнуть пошатнувшегося колосса...

– А вам всем не кажется, господа, что подобными вопросами должен заниматься дипломатический корпус? – яростно ударил ладонью по карте ваффен-победитель с волчьими мордами на обшлаге рукава. Посыпались воткнутые булавки. – Если б каждый занимался своим делом, и занимался им *честно*, мы бы не оказались в такой жопе! («Золотые слова», – вздохнул Сварог в черепной коробке молчавшего до сих пор вояки.) И лично мне насрать, что вы там, резерв-победитель, «считаете»! Я хочу знать, готовы ли *ваши* корабли для высадки *моего* десанта на побережье!

– А я говорю, что сила не в числе бойцов! А в боевом духе защитников Некушда! – взорвался резерв-победитель с обожженным лицом. На его рукаве голубели силуэты акул, числом в три штуки. – Они верят, что подкрепление прибудет. Мы убеждали их – они поверили. А перестанут верить – и начнется массовое дезертирство!

Аэропил на мгновенье ухнул в воздушную яму, все ухватились за стол.

Признаться, Сварог был ошеломлен. Чтоб *так* разговаривали с вышестоящим офицером? А тот даже не вспылит! Да что ж тут у них делается? Да их расстрелять мало, всех четверых!.. И, кстати, обратите внимание: на вопрос о готовности кораблей полкаш не ответил. А чего, кстати, мой хозяин отмалчивается? Сказать нечего? Ох, как я его понимаю...

Нет, в его молчании было что-то другое. Он нервничал. Он волновался, как перед олимпийским забегом, но природу этого волнения Сварог определить не смог. Можст, он высоты боится?..

Ваффен-победитель Рен-Потор будто прочитал его мысли. Он круто повернулся и пристально посмотрел Сварогу в глаза. Будто разглядел чужую личность в сознании соратника. Спросил отрывисто:

– А вы что думаете?

И тут Сварог наконец определил *свое* звание. Исконный обладатель их общего тела поднял руку, чтобы потерев кончик носа (наверное, одно из неконтролируемых, невротической природы движений, которые есть у каждого из людей). Нашивки на его рукаве оказались так же полковничьи – три желтых паука. Любопытно, какой род войск он представляет на этом позорще.

– Я думаю, – услышал он «собственный» невозмутимый голос, – весьма прискорбно, что верх-командир Рошаль не смог прибыть на это позорище. («Он никак мои мысли читает? Ай, молодец...») Если б необходимость личного присутствия на перегоне «Буреносца» не заставила его задержаться...

Нет, Сварог ошибся: расстрелять следовало не четверых, а троих. *Его* резерв-победитель вроде бы оказался мужиком нормальным.

– Сегодняшнее совещание, – высокомерно перебил одноглазый, – прекрасно обойдется и без того, кто умеет принимать только собственные решения.

Сварогу захотелось немедленно двинуть уроду в оставшееся буркало...

Рука «резерв-победителя Сварога», уж было опущенная вниз, вдруг как-то странно дернулась, будто некий кукловод случайно задел невидимые нити. И Сварог вдруг неведомым образом почувствовал чужие недоумение и растерянность... А вот эт-то уже до жути интересно и до крайности важно. Неужели можно достучаться?

Сварог поднапрягся, приказал левой руке пригладить волосы. Резерв-победитель неуверенно повел плечом... и все, на этом все и закончилось.

Как бы не так, «закончилось»! Воображаемая переборка между сознаниями колыхнулась, выгнулась в сторону истинного «носителя» тела. Черт знает какими фибрами души и иными потасанными путями, но Сварог это явственно почувствовал. Ага, блин, значит, все же можно *прорваться*!

Вот оно! *Носитель* провел ладонью по лбу. Видимо, и он ощутил некие странности в собственном организме.

– Господа офицеры, подлетаем, – сказал багроволицый ваффен-победитель Рен-Потор, пресекая назревающий конфликт, и вытянул руку в сторону панорамного иллюминатора.

Там, за окном, уже не было сплошных облаков – видимо, аэропил спустился ниже «перины», и теперь ничто не заслоняло вид на город.

Ох ты, е-мое... Сварог неожиданно для себя почувствовал грусть. Зрелище удручало. Так или примерно так, наверное, выглядел с высоты птичьего полета Сталинград сорок третьего. Ни одного уцелевшего здания. Помните, некий пилот по имени Юж-Крагт назвал Некушд «Городом тысячи шишей». Сварог помнил серпантины виадуков с летящими по ним мобилиями, высоченные башни из стекла и металла, ажурные эстакады, движущиеся тротуары. А теперь... Все было обращено в руины. В пыль. В прах. От некогда высотных зданий остались лишь решетчатые несущие конструкции, выгоревшие изнутри дотла, царапающие небо изогнутыми крючьями арматуры, полотно скоростных автострад тут и там зияли черными провалами, от целых кварталов вообще ничего не осталось – кроме груд бетонных обломков, размерами сравнимых с пирамидами Гизы. То и дело панораму локального армагеддона заволакивали черные копотные дымы, подсвеченные огнями пожаров. То здесь, то там в теле умирающего города лопались гнойники взрывов... причем некоторые взрывы были весьма и весьма странные: в отличие от обычных, *эти* более всего походили на стремительно растущие мыльные пузыри, полупрозрачные, переливающиеся. А потом, достигнув примерно двадцатиметрового диаметра, лопающиеся на тысячи радужных осколков и исчезающие без следа... Что происходило в результате этих непонятных

разрывов, Сварог не понимал, при виде очередного всплывающего пузыря честный полковник старательно отводил взгляд, и на душе у него становилось как-то... как-то маятно, что ли. Неуютно и тоскливо.

А, вот и знакомый железнодорожный вокзал! Сварог узнал не здание. Здания-то, собственно говоря, и не осталось, лишь похожий на руины рейхстага обгоревший остов полукруглой крыши и издырявленные, как кусок пемзы, истерзанные стены. Сварог *угадал* вокзал лишь по обилию рельсовых путей, веером расходящихся из одной точки, да по темным полосам перронов. А над вокзалом, над перронами, над путями склестывались ослепительные ветвистые молнии, свивались в невообразимые петли, змеились, раскручивались в небо, изгибались дугой и вонзались в землю, поднимая в месте удара фонтаны фиолетовых искр. Вот как, оказывается, выглядит война между техникой и магией... Офицеры в аэропиле ничуть не удивлялись этой свистопляске молний. Да и вообще они ничему не удивлялись. Похоже, битва за Некушд продолжалась уже давно, всякого тут повидали. Тем временем аэропил спустился еще ниже, стали видны черные точки, суматошно передвигающиеся по разоренным улицам и эстакадам. Люди? Вряд ли, с такой высоты людей не разглядеть. Техника? Тоже сомнительно: уж больно хаотично движутся точки... Аэропил пролетал над пересекающим город каналом – судя по его исключительной прямоте, искусственного происхождения, все до единого мосты были разрушены – и взял курс на окраины.

– Посмотрите на поля Десяцкого двора. Видите, где у гребного канала смыкаются черная и рыжая пустоши? – сказал ваффен-победитель Рен-Потор, который водил карандашом по карте. Карандашом он сейчас

показывал и на иллюминатор. – Сюда предлагаю направить резерв. Ночью соорудим понтоны, по ним переправимся через канал и ударим с тыла.

Никто не возразил.

– Пилот! – повысил голос ваффен-победитель. – Курс на Башню Солнечной Обители! – и повернулся к офицерам: – Посмотрим западную линию обороны.

Рука «резерв-победителя Сварога» скользнула под френч, ладонь легла на рукоять стилета, большой палец незаметным, уверенным движением сбросил петлю, фиксирующую клинок в ножнах. Сварог подумал, что это еще одно неконтролируемое невротической природы движение.

Но ошибся. И случилось невероятное.

«Резерв-победитель» стремительно шагнул влево, вырывая стилет из ножен, и по самую рукоять всадил лезвие в сердце Рен-Потора.

Карандаш вывалился из разжатых пальцев, ваффен-победитель, не успевший даже удивиться, так и не успевший ничего понять, стал заваливаться на пол. «Резерв-победитель» же резким движением вытянул клинок из тела, сильно толкнул мертвого ваффен-победителя, убирая прочь с пути, прыгнул к одноглазому, который дрожащими пальцами пытался нащарить что-то в кармане брюк. Лицо его было искажено более чем изумлением – столь сильное потрясение может испытать только человек, на глазах которого рушатся основы мира. Он не успел вытащить руку: «резерв-победитель» вонзил клинок ему в горло.

Бли-ин, вот от чего он нервничал, вот к чему готовился!

А резерв-победителя с ожоговым пятном в пол-лица врасплох застать не удалось. Тот уже был готов дос-

тойно встретить свихнувшегося соратника. Стоял, широко расставив ноги, и в его руках посверкивал точно такой же стилет.

Два резерв-победителя встали напротив друг друга, готовые сойтись в ножевом бою.

– Почему? – приглушенно спросил резерв-победитель с изуродованным лицом, поигрывая стилетом.

– Потому что так надо, – спокойно сказал «резерв-победитель Сварог». – Только и всего.

В нем не было ненависти, одна только холодная рассудительность и готовность к драке.

– Сам погибнешь. На что надеешься?!

– Во-первых, с чего это я погибну? – снисходительно улыбнулся «резерв-победитель Сварог». – Во-вторых, пусть и погибну. Меня возродят. Мне обещали.

– Дур-рак...

Два резерв-победителя одновременно рванулись друг к другу. Одновременно выбросили руки со стилетами. Скрестившись, зазвенели клинки.

Оба неплохо владели приемами ножевого боя – Сварог в этом понимал, но ничего, абсолютно ничего не мог сделать, лишь тупо наблюдать за происходящим, – только один из бойцов пользовался прямым хватом, другой – обратным.

Что наступила развязка Сварог понял, когда стилет, который сжимала рука «резерв-победителя Сварога», вошел во что-то мягкое и податливое, уперся гардой. Каким-то неуловимым маневром «резерв-победитель Сварог» на миг оказался за спиной противника и всадил ему стилет сзади в шею. Потом клинок выдернул, и резерв-победитель с ожоговым пятном рухнул на пол.

– В самом деле ты спрашивал – почему, – «резерв-победитель Сварог» легонько пнул ногой убитого. –

Глава 6. ВОЙНА В ВОЗДУХЕ

Потому что меня попросили. И за выполнение этой просьбы пообещали достойную награду. Знаешь, какую? Вечную жизнь. Даже если я погибну, меня ожилят... Ты бы не согласился?

И «резерв-победитель Сварог» направился к пилоту. А тот, выбравшись из кресла, уже открутил дрожащими пальцами панель под приборной доской, уже освободил от предохраняющих скоб выкрашенный красным рычаг и теперь обеими руками держался за круглый набалдашник. С ужасом наблюдая за приближением «полковника».

– Что происходит? – испуганно закричал пилот.

– Они оказались предателями, – «резерв-победитель» шел к кабине, держа в руке окровавленный стилет. – Перебежчиками. Они задали тебе курс на вражеский тыл. Теперь все хорошо. Мы летим на базу.

– Стойте, полковник! Не подходите! – От страха пилот дал петуха. – Я дерну рубильник! Стойте! Положите стилет и идите в салон. Мы... вернемся на базу, сядем, там пусть разберутся... Стой!..

Пилоту было страшно, запредельно страшно. «Резерв-победитель» шага не сбавлял. И стилет не прятал.

– С-своло-очь... – захныкал пилот.

Он отнял одну руку от рукоятки, рукавом вытер нос... а другой, зажмурившись изо всех сил, завыв, рванул рубильник.

В хвосте что-то протяжно затрещало с тошнотворным звуком, аэропил резко клюнул носом, кабина вдруг наполнилась сизым дымом. «Резерв-победитель» на ногах не устоял, полетел вперед, вцепился плечом в выступ переборки. Предплечье пронзила ледяная игла боли...

И это было последним, что он почувствовал.

ПРОЕКТ «БУРЕНОСЕЦ»

На этот раз чернота-пустота лишь мелькнула кошмарной тенью перед глазами и сгинула.

Реальность же была такова.

Было страшно, хоть он и старался не подавать вида. Он что-то шептал, плавно поднимая руки от бедер вперед и вверх. Сварог не слышал, что там шепчет... *напарник*, будем так его называть, зато *слышал* его мысли. Вернее, отголоски мыслей.

Перед внутренним взором Сварога проносились обрывки мыслеобразов. Какие-то черные вихри, разбитое молнией, обугленное дерево, человек с развевающейся белой бородой, испуганное женское лицо. И доносились отзвуки слов, но ни одно из этих слов он не расслышал явственно — может быть, из-за того, что они были на незнакомом языке.

Хозяин тела поднял руки над головой, задрал голову вверх, соединил, касаясь одними подушками, растопыренные пальцы двух рук. Потом, выкрикнув непонятное слово, он резко бросил руки вниз, словно стряхивая с кистей воду.

Унеслась вдаль ослепительная фиолетовая молния, и сумерки поблекли, стало светлее. Ага, оказывается, сейчас сумерки.

Хозяин тела тяжело выдохнул и глубоко согнулся в поясе, словно его скрючил ревматический приступ. Постоял так, и в этот момент его голова была совершенно свободна от мыслей, чувств, смутных образов – от всего. Сварог каким-то непостижимым образом отчетливо это чувствовал.

«Колдун? – подумал Сварог. – Очень на то похоже. Интересно, я действительно видел его мысли, или мне померещилось?»

Обладатель тела выпрямился, повернулся, сделал шаг, наклонился, поднял с земли тяжеленный черный тубус, повесил на плечо. Оглянулся вокруг... Пейзаж, куда ни посмотри, расстился преунылый. А может, таковым его делал дождь, который хлестал прямо-таки как ненормальный. Дождь заштриховывал окружающее серыми линиями, смазывал очертания предметов, превращал землю в хлябь.

Хозяин тела стоял на краю огромного черного поля. Вдали виднелось странное сооружение – группа полукруглых башен, соединенных трубами-переходами. Все обгорелое, изрытое снарядами. Прямо за строснием начинались стройные леса ветряков. Впрочем, бывшая стройность их рядов была изрядно подпорчена войной: часть стояков повалена, часть покорежена – иные согнуты, скручены в штопоры неведомой силой, у других оторваны или превращены в лохмотья лопасти.

И везде виднелись взбугорья и холмики, которые не могли быть ничем иным, кроме как человеческими телами. Мертвыми телами. А в глубинах поля стоял, сильно накренившись, неведомым образом занесен-

СПАСИТЕЛЬ КОРОНЫ

ный сюда электромобиль, который – Сварог это прекрасно знал – может передвигаться только по ровной дороге.

Колдун повернулся, быстро пошел по хлюпающей земле к тянущемуся на многие километры перелеску. Перепрыгнул ров, в котором вповалку валялись трупы. Таковы реалии: трупы не успевают вовремя убирать и хоронить. Обычная картина для любой войны, которую обычно не показывают в фильмах. «Хорошо, что дождь, – подумал Сварог, – стояла бы жара, воняло бы на десятки метров окрест. И мухи...»

Хозяин тела вдруг споткнулся и замер, наклонившись вперед. Потом поднял руки и схватился за голову. «Не может быть! – догадался Сварог. – Так это ж он меня услышал!»

Что с этим всем делать, Сварог пока не понимал.

Но маг быстро справился с потрясением и пошел дальше, правда, не столь быстро, как прежде; его заметно пошатывало. Похоже, старик очень спешил и не позволял себе тратить время на самокопание, выяснение, что творится с головой. Тубус оттягивал плечо.

Миновав перелесок, он вышел на дорогу. Простую грунтовку, не слишком-то и разбитую. Дождь прекратился, в воздухе осталась висеть противная мокрая взвесь.

– Дол-Мах! Сюда! Сюда! Дол-Мах! Сюда!

Из придорожных кустов выскочил человек, закутанный в длинный, до пят, черный плащ из непромокаемой ткани.

– Ну наконец-то! – облегченно тараторил он. – Наконец-то... Очень тяжело. Пойдемте скорее!

Человек сделал под плащом движение рукой – получилось как крылом взмахнул. И повел мага за собой.

– «Буреносец» здесь! – частил он, то и дело оглядываясь. – Мы просчитались, они готовят прорыв на нашем участке. А... мага третьей ступени не нашлось?

– Не нашлось, – отрывисто сказал маг. – Ош-Гнеси погиб. Исви-Болъг держит Сухой канал. Других на нашем участке фронта нет.

Человек в плаще раздвинул кусты – за ними обнаружился спуск (вырезанные в земле ступени, на которые были положены доски) в довольно-таки глубокий окоп. Они спустились вниз, двинулись налево, следуя всем изгибам траншеи, скрывающей их с головой.

– Вы справитесь, Дол-Мах? – в очередной раз оглянулся человек в плаще.

– Я здесь, чтобы справиться, – ответил маг и отдал тубус провожатому.

– Что это?

– Оружие против «Буреносца», – ответил маг и не стал развивать тему.

Раздался нарастающий свист, люди в траншее присели, прижались к стене. Совсем близко прогремел взрыв, в траншею посыпалась земля.

– Где Тар-Энобис? – спросил Дол-Мах, вставая и отряхивая землю с плеч и головы.

– Держит высоту. Можно посмотреть, но... никогда, верно?

– Я должен его увидеть, – твердо сказал маг.

– Хорошо, – согласился человек в плаще. – Давайте поднимемся.

За следующим поворотом траншеи оказалась сложенная из бревен лестница, и маг, ни слова не говоря, проворно поднялся наверх. Лестница вывела его к оборудованному месту наблюдателя – укрепленному бревнами, с деревянным бруствером.

Отсюда, с небольшого возвышения, открывался преотличный вид. Взгляд мага сразу выцелил высокий холм и одинокую фигуру в развевающихся одеждах на его вершине. Он произнес соответствующее заклинание, и фигурка на холме стремительно приблизилась.

– Тар-Энобис, – прошептал маг Дол-Мах.

Невысокий худой человек в свисающем лоскутьями коротком плаще перемещался по холму в диковинном, зачаровывающем танце. Он то сгибал ногу в колене, то скрещивал руки над головой, то приседал, выставляя вперед ногу и вытягивая руку, а другую поднимая над головой и на манер кобры загибая кисть. Если пытаться угадать в его движениях какой-то смысл, то создавалось впечатление – и черт его знает, откуда оно бралось – что танцующий ловит из эфира невидимые нити и наматывает на руку. Его руки разрезали дождевые струи, ноги взбивали грязь, каждым шагом поднимая фонтаны брызг.

Так-так, а это... Это были темно-зеленые фигуры, вырастающие над изгибом холма. Продолговатые, расширяющиеся на концах предметы в их руках, несомненно, были теми самыми «бластерами».

Тар-Энобис развернулся в их сторону. Танцевальным шагом двинулся навстречу. Не прекращая танец, крест-накрест рубанул воздух ладонью. В голове мага словно теплая волна прошла, смазывая очертания предметов и людей.

А когда вернулась четкость, стало видно, что людей с винтовками отшвырнуло назад, повалило, у многих выбило из рук оружие, некоторые развернулись и в панике бегут, другие копошатся в грязи и ошеломленно, как после сильной контузии, трясут головой.

Маг Тар-Энобис остановился. И аккуратно над стоящей на земле емкостью, напоминающей березовый туесок. Нагнулся, опустил в него руки, вынул... с ладоней стекала изумрудного цвета и сиропной густоты жидкость. Он соединил ладони, потом раскинул руки в стороны, чуть нагнулся вперед и побежал к другому краю холма, постепенно разгоняясь и оставляя позади себя висящий в воздухе изумрудный след от капающей с ладоней жидкости.

Вверх по склону холма карабкались люди в полевой солдатской форме, в касках, с «бластерами» наперевес. А маг Тар-Энобис, добежав до края холма, упал животом на землю и вонзил ладони в податливый, мягкий от дождя грунт. Будто в землю вогнали не кисти рук, а электроды – в месте соприкосновения пальцев и земли зажглась яркая до рези в глазах изумрудно-зеленая дуга. Дуга побежала в обе стороны ломаной линией, быстро обогнула холм по окружности, зеленым обручем забралась на макушку холма... А потом вниз по склону покатилась зеленая волна. Она была похожа на горную лавину, за тем лишь исключением, что закручивала в себя и тянула вниз не снежную массу, а дерн, землю, камни. Но так же, как горная лавина накрывает и уносит встретившихся ей альпинистов, эта местного масштаба лавина смела атакующих, отбросила их вниз, к подножью.

А Тар-Энобис вскочил и вновь закружил свой дикий танец.

– Как он еще держится... – удивленно прошептал маг, в чьем теле находился Сварог.

Сварог не мог разделить это удивление – ему было неизвестно, много ли сил отнимает ведение столь специфического рода боевых действий. Зато он прекрасно

понимал, почему за этот холм идет такой яростный бой – высота занимает господствующее положение на местности. Кто будет на этой высоте, тот станет диктовать противнику свои условия...

Дол-Мах спустился обратно в траншею, бегом вернулся к нетерпеливо притопывающему человеку в плаще. Забрал у него тубус.

– Обеспечьте мыслесвязь со всеми подразделениями, – приказал он, вешая тяжелую ношу на плечо. – Начинаем.

– Но Тар-Энобис...

– Он справляется.

– А мы... мы справимся? Скажите мне! Этот монстр, он уже близко... Его же не остановить!

– Прекратить панику! – во весь голос крикнул Дол-Мах. – Обеспечивать связь!

Он вновь поднялся на поверхность, поставил тубус на землю и принялся вглядываться в сумерки. Но теперь он смотрел в другую сторону – на обширное поле, тянущееся, как стол, чуть ли не до самого горизонта, с темными полосами леса по краям. Вновь начался дождь, холодный, морозящий, видимость упала метров до пяти. Дол-Мах включил «кинжальное зрение». По-прежнему ничего, мерцают лишь яркие пятнышки окопавшихся на пути «Буреносца» магов и едва тлеют точки немагов, сторонников Монитории. Самого монстра пока не видно, зато, задействовав «летучую мышь», Дол-Мах *услышал* его: ровное гудение, лязг, дребезжание. «Буреносец», последняя разработка ученых Республики, приближался.

Маг сглотнул. Он вовсе не был уверен, что справится. В мозгу возникла картинка: рой рассерженных пчел атакует лезущего в улей медведя. Пчел сотни, но им не

пронзить толстую шкуру. Зато медведь, лениво отмахиваясь, ненароком убивает нападающих по десятку за раз... Он отогнал видение. Рано сдаваться. «Алый свет» может пронзить любую защиту от магии – поскольку он сам ничуть не магическое оружие. Вот и проверим, так ли уж непобедим «Буреносец», как его расписывают... Образ черного тубуса заслонил все остальное.

Пелена дождя посветлела на левой оконечности поля. Маг напрягся. Свет нарастал, ширился, и вот уже можно различить десятки прожекторов, вразнобой шарящих по окрестностям, и темную бесформенную громаду, на которой они установлены. Рокочущий монотонный звук усиливался, стали различимы тарахтенье, скрежет, ритмичные...

«Танк! – вдруг понял Сварог. – Это же танк, японая мать!»

Это был не просто танк. Это был танковый монстр. Тут хочешь не хочешь, а вспомнишь Первую мировую и ползущие по театрам военных действий многобашенные бронированные крепости. Точно такая же крепость ползла сейчас и по залитому дождем черному полю... вот только габаритами она отличалась. *Этот* танк был размером с трехэтажный дом, не меньше. Гусеничные механизмы в два человеческих роста, взрывая раскисшую почву, толкали вперед сотни тонн стали. К носу монстра был приварен клиновидный ковш, способный протаранить любую преграду, над ним возвышался десяток башен, оцетинившихся разнокалиберными стволами орудий. Гусеницы по ширине превосходили обычные танковые по меньшей мере раз в пять...

«"Буреносец"», – прошептал совладелец их общего со Сварогом тела в благоговейном ужасе, но с места не двинулся.

Танк полз неторопливо, тяжело переваливаясь через неровности почвы, он казался неуклюжим и неповоротливым, но если присмотреться, становилось понятно, что это неуклюжесть дракона, который, не обладая повышенной маневренностью, одной своей массой и силищей сломит любую преграду.

«Неужели на электричестве работает?» – подумал Сварог.

«Пора», – подумал Дол-Мах. И отдал мысленный приказ.

Во вневизуальном поле зрения взвились над полем отряды владеющих левитацией магов, точно полчища светлячков. В небе они развернулись, перестроились в два клина и атаковали танк с фронта и тыла. На «Буреносце» заработал генератор антиматического поля, вокруг танка появилось игольчатое сияние, формой повторяющее его абрис, и летуны, которых коснулись мерцающие иглы, падали на землю, как подстреленные птицы. Секунду спустя на борту чудовища застрекотали обычные пулеметы, навсегда впечатывая павших икаров в грязь. Каждая смерть болью отдавалась в сердце Дол-Маха.

«Двойники!», – мысленно крикнул маг.

Летуны круг за кругом продолжали заходить на танк, сбрасывая гранаты, а тем временем на поле появились полчища чудовищ. Взрывы гранат редкими вспышками высвечивали панораму боя, и без того подсвеченную десятком прожекторов, и от этого картина становилась вовсе уж нереальной. Все чудовища – и те, что с пучком шевелящихся щупалец вместо голов, и что передвигались на омерзительно длинных паучьих лапах, и перекатывались по грязи, оставляя за собой фосфоресцирующий след – были порождениями

магов-«двойников». Но экипажу «Буреносца» это было неизвестно! И ему пришлось распределять огонь между пикирующими летунами и пустотными тварями.

Пора. Маг кубарем скатился по склизкому склону, стараясь не повредить тубус, с трудом поднялся на ноги и побежал по хлюпающей грязи в сторону танка. «Лава!!!» – заорал он, не раскрывая рта.

Дол-Мах рассчитал точно: едва он поравнялся с линией окопов, как оттуда выпрыгнули сотни, тысячи мертвецов, вызванных к жизни магами нулевого уровня, хлынули бурным потоком в сторону танка. Затарахтели другие пулеметы, забухали пушки. Пули и осколки расчленяли бегущих, вырывали куски мяса из их тел, но они неслись вперед – лишившись руки, головы, половины туловища. Откуда бойцам в «Буреносце» было знать, что они никого не убивают, что несущаяся на них людская лавина уже мертва? Восставшие мертвецы тупо бежали туда, куда им прикажут, не понимая, зачем бегут, бежали, пока точный выстрел не лишил их ног.

Однако лава укрыла Дол-Маха от прицельного огня.

Он рухнул на колени, задыхаясь, то и дело оттирая лицо от потоков непрекращающегося ливня, раскрыл тубус, с усилием вытянул из него блестящую трубу «красного свста». Вскинул ее на плечо и стал ждать, пока громадина пересечет радиус действия.

Лязгающая, гроыхающая куча брони приближалась. Маг едва сдерживал себя, чтобы не броситься прочь даже не в паническом, а в мистическом ужасе. Сжав зубы, он ждал. Сварог же, подселившийся в его разум, сейчас прекрасно понимал солдат Первой мировой, оставляющих винтовки и разбегающихся прочь от первого поколения многобашенных танков. А те танки по сравнению с *этим* были как фургон-«газель» по

СПАСИТЕЛЬ КОРОНЫ

сравнению с «БелАЗом». Из отводных труб, расположенных над гусеницами по обе стороны, ритмично вырывались струи пара... Видимо, внутри громадины нагревались некие механизмы, их охлаждали водой, а вода выходила паром. Есть! Дол-Мах плавно нажал кнопку на корпусе «красного света». Алый, тонкий, как спица, луч прорезал дождь, уперся в броню нависшего над магом чудовища. Капли воды, попадая на этот луч, превращались в облачка пара, от чего нитка света казалась угрожающе толстой призрачной палкой, ткнувшейся в «Буреносец». И в том месте, где лучик света касался танка, сталь наливалась вишневым цветом, размягчалась, текла медленными тягучими каплями.

Луч резал броню!

На «Буреносце» примерно выцелили стрелка, сосредоточили огонь на нем. Но сотни безруких, безголовых, падающих и снова поднимающихся мертвецов мешали канонирам, принимали огонь на себя, заслоняли мага своими разлагающимися телами. Наконец луч взрезал некий, судя по всему, жизненно важный орган чудовища. Раздался взрыв, ударной волной разметавший напирających зомби в радиусе километра... И это было последнее, что видел раздавленный взрывом маг Дол-Мах.

Глава 8

ПРИБЫТИЕ

Он снова открыл глаза. Батальон зомби, эскадрилья летающих колдунов, лазер, вскрывший броню испанского танка как консервную банку – все исчезло, как предутренний кошмар.

О, на этот раз что-то новенькое, быть того не может...

На сей раз снаряды не рвались, не трескали электро-разряды, над головой не проплывал черный дым, не пахло гарью и озоном, не вспучивалась земля под ударами заклинаний и никто не кричал в предсмертной агонии. И ни одного летающего колдуна. Стояла полная, оглушающая после всех последних событий тишина.

Нуте-с, и куда это нас занесло?

Над головой белел потолок. Самый обыкновенный потолок, высокий, чистый, ровный. Уж никак не потолок блиндажа. Более того: по бордюру шла позолоченная лепка в виде плюща, перевитого виноградом. Сварог чуть повернул голову влево и увидел матовый шар размером чуть больше футбольного, неподвижно висящий под самым потолком, но что это такое, сообразить не успел, потому что...

Стоп. Да стоп же. Минуточку!

Он повернул голову! Тело вновь принадлежит ему!

Сварог рывком сел. И опять все получилось. Тело слушалось и повиновалось, как и положено родному телу! Быстро осмотрелся... и замер, затаив дыхание. Весь восторг улетучился, как корова языком слизнула.

М-да, приехали.

Оказывается, он лежит в постели. А рядом, отвернувшись к стене, разметав светлые волосы по подушке, мирно посапывает некая барышня.

Та-ак... Спокойствие, только спокойствие. Что у нас в первоочередных задачах? Соседку по кровати он рассмотреть еще успеет, сперва надо увидеть себя. И что-то подсказывало Сварогу, что увиденное ему не понравится. В углу спальни стояло большое, в человеческий рост овальное зеркало. Даже ни к чему себя ощупывать и рассматривать отдельно руки и ноги, когда разом можно все и увидеть.

Сварог аккуратненько, чтоб, не дай бог, не разбудить, опустил босые ноги на навощенный паркет. Походя заметил, что облачен в пижаму, и скорчил рожу: никогда, ни при каких условиях он не заставил бы себя влезть в подобный похабный костюмчик. Но, черт возьми, как это, оказывается, приятно – захотеть скорчить рожу, и скорчить ее... Тут где-то должны быть тапочки, не могут не быть, но тапки он искать не стал, босым прошлепал к зеркалу.

– Че ты топаешь, – пробурчала сквозь сон женщина. Голос у нее, надо сказать, был далеко не ангельским, чувствовалась в нем укоренившаяся сварливость. Такие голоса обычно бывают у законных жен, уж Сварог-то не забыл свое земное существование. Гм... ну, ладно, потом разберемся.

Сварог прикрыл веки, встал перед зеркалом. Открыл глаза. И снова закрыл.

Гос-споди, ну за что мне все это... Конечно, чувствовалось что-то не то в организме, когда поднимался, когда шел. Была некоторая *инакость* ощущений. Что-то не так было... Но чтобы до такой степени не *так*!

В зеркале отражался невысокий человечек с большими залысинами, внушительным брюшком и несколько одутловатой физиономией, выдающей пристрастие ее, физии, обладателя к алкоголесодержащим напиткам... Типичный бургер, короче. Которому очень пошла бы запотевшая кружка пенистого пива в короткопалой руке. И у которого, по всем канонам, должна иметься всенепременно сварливая жена. А еще такому типу полагается быть хозяином булочной. Или бухгалтером. Или, на крайний случай, чиновником средней паршивости. О, кстати: на голове, для полноты картины, дурацкий ночной колпак с идиотской кисточкой. Сварог в сердцах сорвал колпак и запустил его в сторону зашторенного окна. Почему-то все сильнее крепла уверенность, что на этот раз он прилип к этому телу, что называется, всерьез и надолго. Может, оттого происходила эта уверенность, что в спаянности плоти и души не ощущалось ни малейшего разрыва? Швы, конечно, чувствовались. Но швы, как известно, со временем рассасываются... Так что, это и есть конечная остановка, финальное воплощение? Да лучше б я действительно умер от удара кинжалом Праматери...

Между прочим: хоть окно и было зашторено, но сквозь занавески лился дневной свет. Значит, на улице уже давно встало солнце, расталдыкнуло свои лучики по белу свету, туды его в качель!

Одно утешает – он бесспорно владеет, управляет этим малосимпатичным телом. Например, можно закурить. Не то чтобы Сварогу хотелось, физиологических позывов он не чувствовал – видимо, предыдущий хозяин тела был некурящим («А куда он сам, интересно знать, делся?»). Но сказывалась привычка нервное волнение унимать табачным дымком. Сварог создал сигарету...

Стоп, стоп. Что за фигня. Ну-ка, еще раз... Сигарета должна была появиться между пальцев. Обязана! Он попробовал зажечь огонь на пальце. И это не сработало. «Третий глаз»? Кошачий глаз? Он стал шептать заклинанья одно за другим. Ни одного положительного результата во всей, как говорится, серии опытов. Или он забыл как это делается, или...

Или все его способности остались *там*, в обители Ожидających. В его истинном теле... Блин, а шаур?!!

Ну, насчет безотказного метателя звездочек и вовсе можно было не сомневаться. Даже если он и не рассыпался на атомы, то наверняка остался там, в бункере. В общем, прощай, оружие.

Сварог громко, от души, сочно выматерился. И услышал свой новый голос. Вот спасибо, хоть голос был не писклявым или гундосым. Нормальный мужской баритончик. В меру хрипловатый, в меру сексуальный. Как у главных героев в американских черно-белых фильмах.

Но без уже привычных способностей лара он чувствовал себя голым.

– Ну че ты орешь. Че тебе все неймется... – сонно заворочалась на постели супруга... Отчего-то Сварог ни капельки не сомневался, что это именно супруга и никто иной.

Он притих. Сейчас меньше всего на свете ему хотелось вступать в пререкания с теткой, раскинувшейся под шелковым, с узорами и вышивкой одеялом. Потеря магических возможностей – удар сильный, но еще не нокаут. Повоюем. Сейчас архиважно выяснить, *где* он. И *когда*. И Корона ли это вообще... На цыпочках он прошел к окну, отодвинул занавеску, – выглянул с опаской, как преступник из дома, окруженного полицией. Снаружи не обнаружилось ничего примечательного, кроме дерева. Небольшой простенький дворик внутри высокой каменной ограды, аккуратно постриженная травка, обыкновенное солнце, нормальные облачка, банальное голубое небо.

Но вот то, что торчало посреди двора...

Это да, это, признаться, впечатляло. Сварогу понадобилось некоторое время, чтобы разобраться: а что именно он видит и как ему к этому зрелищу относиться.

Если существуют где-нибудь растения семейства барокко, то это дерево, несомненно, принадлежало к нему. Напоминающее вставшего на голову осьминога с сотней-другой щупалец и отростков, увешанное плодами всевозможных форм и расцветок, покрытое густейшей темно-зеленой листвой – каковая, впрочем, была практически не видна под покрывалом из цветов, разнообразием очертаний и кислотных расцветок не уступающих плодам... Совсем как если бы какой-нибудь переполненный впечатлениями туземец, побывавший на елке в Кремле, разукрасил подобным манером родную пальму, дабы наглядно продемонстрировать соплеменникам эдакое чудо. Но при всем при том, дерево казалось *живым*. Цветы и плоды вроде бы не прикручены к ветвям скрытыми проволочками, полное ощущение, что они *растут* на вычурном символе изобилия.

Дерево – полная чаша. Идеи Мичурина живут и побеждают, так что ли? Бред...

Он задернул занавеску, чтобы уродец не отвлекал от более насущных проблем, быстро огляделся.

С другой стороны кровати возвышалось пышное троподобное кресло, заваленное одеждой. Значит, там должен был быть и пояс. Какое-то время Сварог все же пожил на Гаранде и немножко разбирался в поясах, – сможет, по крайней мере, определить, к какому сословию принадлежит этот... в общем, человек, чье тело он занял.

Сварог подошел к креслу. Два халата: женский – белый, с опушкой по вороту и рукавам, и мужской – бордовый, с золотистыми галунами по бокам и по краям карманов. Пояс Сварог тут отыскал, да не тот. Пояс был от халата – с золотистыми кистями. А где у нас верхняя одежда? Посмотрите в шкафу, Ватсон. Черт возьми, Холмс, как вы догадались?!

Шкаф тянулся через полстены и был похож на здание Смольного в Ленинграде: помпезный, монументальный, с порталом и колоннами – правда, декоративными. Сварог раздвинул створки. И невольно ухмыльнулся. Ну, это нам знакомо. Как тут в очередной раз не вспомнить первую супругу и особенности, так сказать, их совместного проживания. Девять десятых шкафа занимала женская одежда, все остальное – мужская. И это только та одежда, что висит на плечиках! Что именно хранится на полках и в ящиках, даже не стоит ворошить и сравнивать соотношение – Сварог готов был голову прозакладывать – еще более внушительное.

Но вот чего не было ни среди женского, ни среди мужского гардеробного имущества, так это одежды, хотя бы отдаленно напоминающей трико, помнится, столь

популярное у подданных Короны. Не заметил он и коротких плащей. И никаких поясов не висело на скобах, не лежало на полках, не хранилось в ящиках – он не поленился, выдвинул-таки все ящики (стоит ли говорить, кому из супругов принадлежало их содержимое?).

Тэк-с. И что это значит? Значит, он не в Короне? И вообще не на Гаранде? Или же его забросило в будущее этого мира? Или в прошлое? И что теперь прикажете делать? Что делать вот прямо сейчас? Сварог в задумчивости пересбирал плечики с мужской одеждой. Мода была другой. Если гардероб тутошнего обитателя является показателем, то *теперь* и *здесь* мужская часть населения поголовно носит чуть мешковатые пары не первой свежести, застиранные белые сорочки с обтрепанными воротничками и манжетами, широкие мягкие галстуки и тупоносые ботинки на толстой подошве – черные или рыжие, однако и те и другие нуждающиеся в незамедлительной чистке.

По крайней мере, других фасонов Сварог в шкафу не отыскал.

Так, ладно. Что сейчас? Смысла и дальше торчать в спальне нет никакого, неровен час пробудится ото сна дражайшая... Поэтому сейчас будем надеяться, что выводы Сварога правильны и он (ну, в смысле – не он, а пузатый обладатель пижамы) здесь хозяин, а не ночной гость и имеет полное право разгуливать по дому в любое время дня и ночи.

Сварог накинул на себя халат, затянул пояс, сунул ноги (с ногтями, тьфу ты пропасть, траченными грибом) в валявшиеся возле самой кровати тапки с длинными загибающимися кверху носами...

– Куда собрался? – донеслось со стороны постели.

Глава 9

БУДНИ САМОЗВАНЦА

Проснулась все-таки! Сварог нехотя обернулся.

Почему-то ему подумалось, что благоверная сейчас перевернется на другой бок, вытаращит глаза, зажмет в испуге рот, а потом взорвется истошным визгом – говаривал же один горбатый персонаж: «Баба – она сердцем чувствует»... Но пока все было спокойно. Может, оттого, что женщина поворачиваться и не собиралась, разговаривала, демонстрируя любимому белокурый затылок.

– Ну и че молчишь? – Она перевалилась на спину, чуть приоткрыла глаза. Ухмыльнулась и констатировала с откровенным сарказмом: – Водички поутру захотелось. Сушит во рту.

Судя по этим словам, сердцем она пока ничего не учуяла. Даже того, что супруга своего обвиняет облыжно. Сварог, как полноправный владелец тела, мог утверждать, что накануне в этот организм спиртное не вливали. Уж похмельные симптомы он бы распознал, можете не сомневаться.

И что посоветуете отвечать любимой жене? Как к подобным созданиям обращаются субъекты, одного из

которых он давеча наблюдал в зеркале? Кисонька, рыбонька, пусик-мусик?

Пока Сварог решил промолчать. Скорчил гримасу, долженствующую изображать смирение и покорность, и виновато развел руками. Похоже, примерно такой реакции от него и ждали. С чувством собственной правоты и превосходства мадам завалилась обратно в перины. «Супруга. Ни малейших сомнений. На сто двадцать процентов – супруга».

Не сказать, чтобы Сварог как следует рассмотрел свою вторую половину, но, вроде бы, любоваться там было совершенно нечем. Тем более, дамочка была поутреннему растрепанна и помята лицом. Однакось, на лицо глядячи и по лицу судючи, женщина дородная. Да и под одеялом угадывались очертания весьма внушительных форм.

На цыпочках, дабы снова не разбудить и не вызвать новую порцию вопросов и упреков, Сварог выскользнул в коридор. С одной стороны коридор заканчивался глухой стеной, с другой – выходом на лестницу, ведущую вниз. Под потолком плавали такие же, как в спальне, матовые шары – но эти излучали приглушенный свет. Ага, светильники, это мы понимать можем.

А квартирка-то, похоже, двухэтажная. Значит, ли это, что зажиточно живем? Не обязательно. На бедняцкое жилище она, конечно, не похожа, но не это удивительно. Домик, судя по всему, был не из самых дешевых, обстановка – тоже, а вот гардероб наводит на грустные размышления о скоротечности финансового благополучия: все три костюмчика были куплены явно в безбедный период, но со временем поизносились, измялись, залоснились на коленях и локтях...

Сварог открыл первую попавшуюся дверь – чулан, набитый коробками, ведрами и швабрами. Тут ловить нечего. Следующая дверь вела в ванную комнату, совмещенную с сортиром. По-русски говоря, «Гаванна» – *gav-**no* и ванна. Тоже ничего примечательного, экстраординарного или же сходу проливающего свет на тайну места и времени Сварогова пришествия.

Сварог (по причине полного слияния тела и души он решил себя и тело разными именами не называть, дабы не свихнуться пенароком от лингвистических и психологических заморочек), так вот Сварог вышел в коридор. На этаже осталось проверить еще одну дверь. Он повернул ручку... Заперто. Опустился на корточки, заглянул в замочную скважину, ни черта не увидел, поднялся и, уже делая шаг прочь, случайно, по инерции нажал на ручку. И на сей раз сим-сим открылся легко и податливо, будто вообще никакого замка, никакого запора не было и в помине.

Ну-ка... Проверяя догадку, Сварог снова закрыл дверь и, как было в первый раз, надавил на дверную ручку правой рукой. Дверь не поддавалась, стояла намертво, как немцы под Берлином. Попробовал левой рукой – и дверь открылась с необычайной легкостью.

-- Полна ты, жизнь, чудес всяческих и небывалых, – прошептал Сварог, заходя внутрь.

Внутри было темно, свет падал только из коридора, но он уже с порога определил, что это нечто вроде кабинета. Причем кабинета, принадлежащего всецело и безраздельно мужчине, куда не ступает нога женщины, где есть место уютному слою пыли, где на огромном столе мирно сосуществуют тяжеленные фолианты, справочники, фривольные журнальчики, немытая чашка из-под кофе, недопитый бокал и переполненная

пепельница, а шляпа нахлобучена на пыльное чучело совы. И где все пропахло табачным дымом. Короче говоря, Сварог тут понравилось.

Под потолком плавал давешний шарообразный светильник, но погасший. Сварог искал глазами выключатель, не нашел, плюнул на это дело и сел в полумраке на скрипучий стул с высокой спинкой. Взялся за ручку верхнего ящика стола, скаламбурил вполголоса:

– Я не я, если где-то здесь не найду то, о чем сейчас подумал...

И выиграл сам у себя: в верхнем же ящике, поверх исписанных мелким почерком листов, лежала плоская фляжка, где-то – прикинул на глаз Сварог – граммов на триста. Не густо. Поболтал фляжкой. Совсем не густо, дай бог половина. Он открутил крышечку, поднес ее к носу. Пахло приятно, пахло тем, чем нужно, и Сварог безбоязненно прильнул к горлышку.

М-м-м... славно. Что ж, *этот* мир не совсем пропащ... Но вот чего трудно было ожидать: неужели у такого тюти, чье отражение Сварог рассматривал в зеркале, и при такой жене может в квартире оказаться своя собственная комната, эдакий оазис мужского отдыха, куда швабрам и тряпкам вход заказан?

Сделав еще один приличный глоток и ничуть не помышляя убирать флягу в ящик, Сварог приступил к скрупулезному исследованию того, что находилось на и в столе. В первую очередь следовало отыскать табачок, чей запах вьелся в эти стены. Потому как -- чертовски хочется курить, как говорила тетушка Чарли.

А на столе, помимо фолиантов и бокалов, находилось много еще чего прелюбопытного. Например, часы. Настольные часики, стилизованные под часы песочные, но с циферблатом, укрепленном на самой перемычке

между колбами. Сварог некоторое время задумчиво понаблюдал за движением секундной стрелки, послушал тиканье, потом почувствовал неладное и нахмурился. Повернул хронометр тыльной стороной к себе. Это был некий гибрид обыкновенного анкерного механизма и песочных часов: пересыпаясь, синий песок заставлял работать анкер, вот и все. Но... Песок сыпался, сыпался, однако в верхней колбе его нисколько не убывало, а в нижней соответственно ничуть не прибавлялось, хотя Сварог отчетливо видел синюю струйку, безостановочно бегущую через узкую перемычку... Магия? Еще какая-нибудь фигня? Кто знает... Как бы то ни было, часы шли, и, если им верить, сейчас было половина десятого. В общем, трудовой народ уже давно сеет, пашет и дурака не валяет. Да и сам Сварог, в прежнем теле пребывая, подолгу не засыпался. Когда отдашь армии лучшие годы и все эти годы регулярно просыпаясь в шесть, это, знаете ли, как-то входит в привычку.

Получается, новый однополовец ведет ночной образ жизни? При такой-то супруге?! Ой, сомнительно... Сварог скептически покачал головой. Разве только супруга не принимает в ночной жизни самое деятельное участие. Но на светскую красавицу она как-то не похожа...

Дверь кабинета тоненько скрипнула, приоткрылась. В щель проскользнуло очаровательное юное создание в передничке, с выбившимися из-под накрахмаленного чепчика каштановыми локонами. На одной руке она ловко держала поднос, другой до щелчка приотворила за собой дверь и, смущенно улыбаясь, направилась к Сварогу. Е-мое, значит, у меня еще и служанка есть?

«А, ну так это совсем другое дело», – такова была первая мысль, которая посетила опешившего Сварога.

Живущий в нем офицер и милорд приказал ему подняться. Сварог повиновался, но тут же сделал вид, будто решил просто ноги размять: хрен знает, принято ли тут вставать в присутствии служанки, пусть и дамы. Или же в присутствии дамы, пусть и служанки. Посмотрел на гостью вопросительно.

– Газета, кофе, – не поднимая глаз, она поставила поднос на стол, вернее, на стопку толстых книг. Сварог, поразмыслив, снова сел.

– Услышала, что вы ходите, значит, проснулись, – она несмело показала на потолок. – Значит, пора пить кофе. Я же знаю, раз проснулись – снова не ляжете.

Двумя пальчиками подняла белую скатерку, прикрывающую поднос. Дымящаяся, распространяющая соблазнительный аромат чашка, две булочки на блюде и не слишком толстая газета. Ну-ну...

– Но не думайте, я помню, через полчаса я бы вас разбудила!

И сказавши это, создание опустилось Сварогу на колени. Уверенно, бестрепетно, привычно. Прижалась к плечу грудью.

Все страньше и страньше! Сварога с головой окунули в чужие сложности. Правда... кое-какие из этих сложностей весьма даже ничего. Сварог мысленно подкрутил ус.

– Эта, – небрежный кивок в сторону спальни, – все равно до полудня не встанет. У нас уйма времени... Так, это что еще за запах? – она чуть отстранилась. – Опять коньяк с утра? Фи. Правильно тебя же нушка достает. Слушай... – на ее хорошеньком личике вдруг отразилась легкая тревога. – По-моему, она что-то подозревает. Начинает расспрашивать про твою

покойную сестру из Радры... Как думашь, она не догадается, что я никакая не сиротка-племянница, приехавшая покорять Вардрон?

«Ай да предшественничек! – с некоторой оторопью подумал Сварог. – Вот тебе и бюргер с кружкой пива... Дает прикурить!»

Слово «прикурить» вызвало у Сварога естественное желание. Ну, вообще-то, желаний набиралось немало. Аромат кофе будоражит и вызывает желание енто кофе выпить. И хлебнуть коньячка очень даже желается, пусть и с утра. И девица на коленях без желаний не оставляет, а совсем даже наоборот. Неплохо бы испытать новое тело с этой точки зрения... ну, просто в качестве эксперимента...

– Да что ты такой бука! – она обиженно хлопнула ладошкой ему по груди. – Молчишь и молчишь...

Эх, милая, если б знать, что говорить! Вот как спрошу тебя, который сейчас год и на какой матушке-планете мы находимся, будешь знать. Или как тебя зовут, к примеру...

– Что-то сегодня состояние... не того, -- наконец позволил себе раскрыть рот Сварог и крутанул пальцами в воздухе самым неопределеннейшим образом: мол, понимай, как знаешь. – И настроение под стать.

Услышав его голос, расслышав его слова, девица отнюдь не вскочила с воплем: «Ты кто такой!», – не бросилась к двери с палитыми ужасом глазами. Наоборот – игриво щелкнула Сварога по носу:

– Это, наверное, потому, что вчера ты не мог себе позволить ни капли из-за этой встречи...

– Не иначе, -- горестно покачал головой Сварог, лихо радочно соображая, чтобы такое сказать, чтобы не выглядеть тупицей.

– Мамочки, встреча! – девица вдруг приложила ладошки к щекам и вскочила с чужих коленей. – Ты не опоздаешь? Уже без пятнадцати! Где твоя книжка?

Нагнулась над столом, повернувшись... э-э... спиной – коротенькая юбчонка задернулась, бесстыдно обнажив стройные ножки практически до самых ажурных трусиков – Сварог, непроизвольно сглотив, почувствовал, как тело *предшественника* реагирует правильным и совершенно естественным для мужика образом и приказал телу не нагнеть... Короче, девица нагнулась над столом, выдрала из нагроможденияхлама потрепанную пухлую книжицу в кожаной обложке, застегнутой на замочек. Сварог с невозмутимым видом книжицу принял, замочек расстегнул, раскрыл на странице, где лежала матерчатая закладка...

Страница была пуста. Равно как и все страницы до закладки и все после – Сварог, из всех сил пытаясь сохранить невозмутимость, пролистал книжицу. Ничего. Ни слова, ни кляксы. Эх, если б законный владелец тела присутствовал где-нибудь рядышком в сознании! Объяснил бы, что тут к чему...

– Почему-то медленно работает, – отместила служаночка, нахально заглядывая ему через плечо. И не удержалась от шпильки: – Наверное, не узнает тебя трезвого... Или ты просто не хочешь, чтобы я смотрела?..

Разумного ответа Сварог придумать не успел: книжка в его руках вдруг завибрировала мелко-мелко, и страницы принялись сами собой стремительно заполняться плотными строчками рукописных слов, небрежными рисунками на полях, какими-то кривыми табличками...

Ах, вот оно что! Книжица *настроена* на хозяина, содержание проявляется только в его руках, а в чужих,

должно быть, так и останется пустой. Умно. Значит, опять магия. Что же случилось с Рошалем, со Щепкой?

Это был ежедневник. А последняя запись, датированная девятнадцатым числом, на странице с закладкой гласила: «1.00 “Зел. ж.” Ч.-А. Тот ли? Никушд. ПРОВЕРИТЬ!!! Гров. ст. в/зк.» Ага, стало значительно понятнее... Ну, по крайней мере, хоть выяснили, какое сегодня число, и на том спасибо. Других записей на странице не было.

Безымянная девица, по-свойски склонившись над ним, фыркнула:

– Опять назначил встречу в «Зеленой жабе»?

«Зеленая жаба», во как. Кабачок, что ли, – судя по слову «опять»? Остается узнать, что такое «Гров. ст. в/зк.»

– А что такое «Гров. ст. в/зк.»? – спросила чертовка.

Сварог захлопнул книжку.

– Душа моя, а ты знаешь, что такое профессиональная тайна?

– Ну и ладно, – нисколько не обиделась она. – До «Жабы» четверть стражи на такси, время еще есть. Может, потратим это время с пользой? – и запустила ладошку ему в вырез халата.

– Нет, извини, – твердо сказал Сварог, отводя ее руку и мысленно приободрившись. Пока все идет гладко, даже удивительно. – Мне надо еще... поработать кое над чем.

– Ну и ладно, – повторила она. – Тогда чего в темноте сидишь?

Служаночка посмотрела на выключенный светильник, прошептала что-то короткое, невнятное, и кабинет оказался залит неярким уютным светом.

– Значит, встретимся, как обычно? – чмокнула Сварога в щеку и, демонстративно покачивая бедрами, дви-

нулась к выходу. Обернулась у самых дверей, спросила с неожиданной серьезностью: – Ты все хорошо помнишь, о чем мы вчера говорили?

Сварог энергично кивнул. Дескать, ну как можно забыть! О чем ты говоришь, лапочка!

...Оставшись один, Сварог мрачно глянул на светильник, влил в себя изрядную дозу коньяка (с сожалением отметив, что во фляжке остается всего ничего) и принялся искать курительные принадлежности. Нашел трубку и табак, закурил. Табачок не шедевр, но сойдет. Поставил, чтоб далеко не тянуться, чашку кофе на край стола. Глянул на газету. Газета называлась «Новая Корона».

Уф... Вот и ладненько, вот и хорошо. Если б он очутился не только в чужом теле, но и в чужом мире, то легче было бы сразу в петлю.

Итак, первый раунд он выиграл. Особо не напрягаясь, выяснил массу полезных вещей: это Корона, и это его столица Вардрон. Время *здесь* по-прежнему измеряют в стражах. Курят трубки. Война, судя по всему, закончилась. Судя по всему, полной победой магии, как и предсказывала сволочная Праматерь. Дальше: его *предшественник* назначил с кем-то встречу, причем важную, – потому что он вчера *не* пил. Встречу в некоем заведении, куда можно добраться на такси. Значит, надо ехать. Может быть, за неявку на встречу тут принято безжалостно убивать или лишать вспомоществования. А поскольку проблем мы хотим как можно меньше, все-таки следует по возможности их избегать. Тем более – в еженедельнике написано: «Некушд». Значит, встреча как-то связана с целью Сварога. Ну, это потом.

А пока...

А пока следовало разобраться с самим собой. Кто таков, какого рода деятельностью занимается, как следует себя держать с людьми... ну и все такое прочее. Газеты можно просмотреть после, в каком-нибудь кабачке – надо только деньги найти, на кабачки и прочие излишества, ведь должны же быть какие-никакие сбережения. И вообще из дома надо убраться как можно скорее, в спокойной обстановке разобраться с происходящим и выработать план действий. Программа минимум – добраться до Некушда, программа максимум – убраться с Гаранда.

Сварог принялся листать ежедневник. И удивлялся. Самому себе удивлялся. Оказывается, он вел весьма бурную жизнь!

Практически ни один день не оставался без записи. Из записей понятными были лишь немногие, типа: «Куп. кольцо, иначе сожрет», -- но большинство требовало вдумчивой дешифровки. Например, что же такое -- «Кривой Гаст-орт. алх. и скоб тов. буз. Два кр. Точно»? Это стояло позавчерашним числом в строчке 8.00.

Если он простой бухгалтер или мелкий чиновник, то к чему такая тайнопись? Одолевают конкуренты? А что, вполне. Достаточно сорваться парочке крайне выгодных и уже обговоренных сделок, чтобы начать дуть на молоко и бояться каждого куста, в том числе и того, что растет в твоём собственном доме. Чтобы заделаться параноиком. Может, предшественник и был параноик. Кто сказал, что рядовой бухгалтер не может свихнуться?..

Сварог кинул ежедневник на стол. Нет, без ключа эти шифровки прочесть невозможно. Он отхлебнул остывающий кофе – вкусно – и оглядел кабинет пристальнее. Будем логичными: у хозяина этой квартир-

ки есть кабинет, куда имеет право входить только он. У него есть записная книжка, открыть которую может только он. Книжка пестрит шифрованными записями – и это не просто скоропись, это именно шифрованный текст. Следовательно, что?

Следовательно, где-то здесь должен находиться и тайничок, не может не быть тайника, ну вот разве что где-то вне стен этого дома... Нет, тайник должен быть в пределах досягаемости.

Ну-ка, ну-ка... Чересчур уж много всякой дряни свалено в углу. По всей комнате хлам разбросан более-менее равномерно, а в углу наблюдается явное изобилие хлама. Разбросав ногами газеты и тряпки, отшвырнув сломанный костыль, отодвинув руками обросшую паутиной сломанную лампу на могучей мраморной подставке, Сварог присел на корточки и принялся простукивать паркет.

Ага, отзывается, родимый! Отчетливая пустота под паркетом. Сварог внимательно взгляделся в зазоры между дощечками. Так-так, вот между этими мусора и пыли поменьше. Заранее прихваченным со стола ножиком для резки бумаг Сварог подценил паркетину, надавил. Опа! Отошла не одна паркетина, а внушительный кусок паркета, открылось углубление в полу.

Но торжествовать победу было рано. Его предшественник надежно упрятал свои секреты – в тайнике под паркетом скрывался небольшой сейф.

– Что ж я там упрятал? – пробормотал Сварог. – Золото-брильянты?

А самое смешное, что на дверце сейфа не было ни замочной скважины, ни кодового замка. Имелась лишь ручка. Массивная, по виду бронзовая, с завитушками и оскаленной мордой зверя непонятной породы. Если

ларчик открывается посредством заклинания, то все, труба. Но, может, сработает как с дверью? Дверь кабинета была законтачена исключительно на его руку. При чем только на левую. А тут?

А тут дверца сейфа сработала на прикосновение правой ладони.

– Ну мы и не такое видывали, нас особо-то не удивишь, – сказал Сварог, берясь за ручку.

В сейфе имелось два отделения. В первом хранилось несколько пухлых кожаных папок, а во втором...

Во втором лежал револьвер.

Однако! Вот тебе и бухгалтер...

Сварог осторожно вытащил его, осмотрел, выслескнул барабан. Тяжелый, блестящий, ухоженный. Вылитый «бульдог», разве что десятизарядный, зато патроны не какие-нибудь там электрические – самые нормальные патроны. Вот только пули в этих патронах странные: прозрачные, из непонятного материала, и внутри каждой клубится как будто голубоватый дымок... Магия, етить ее.

Подумав, Сварог сунул револьвер в карман халата. Пригодится. Вряд ли встреча, назначенная в людном месте, опасна для жизни, но, знаете ли, когда ежедневно не расстаешься с оружием, трудно бывает перестроиться. Ну и опять же, кто может поручиться, что у них тут не пошаливают на углах и в подворотнях?

После чего он достал несколько папок, бегло проглядел названия – каждая папка была снабжена наклейкой с аккуратной надписью от руки: «Бухгалтерия», «Донесения», «Отчеты», «Досье 1, Г.-Д.», «Досье 2, И.-Г.», «Досье 3, А.-Л.»... Папок «Досье» набралось аж восемь штук. Сварог наугад раскрыл ту, что была «Г.-Д.»... блин, на пол посыпались самые обыкновенные

черно-белые фотографии, обрывки каких-то квитанций, какие-то официального вида документы с фиолетовыми печатями, какие-то конверты – вывалилась из папки даже простенькая серебряная сережка с прозрачным камешком. На фотографиях в разных ракурсах был запечатлен хмурый, седовласый, лет пятидесяти, дядька выправки явно военной. Вот он в компании смазливых барышень, вот – в дверях несомненно государственного учреждения, вот о чем-то разговаривает с двумя типами наружности самой продувной...

Версия насчет профессии бухгалтера трещала по всем швам. Е-мое, неужели я иностранный шпион?!

Так, стойте, в отделении, где хранился револьвер, на дне что-то еще есть...

Он запустил руку в сейф по локоть, нашарил разбросанные в беспорядке бумажки, выудил несколько.

Та-ак... «Разрешение на ношение оружия». «Договор аренды». «Лицензия на магическую деятельность». А это что?

Простая белая карточка размером с визитку. Похожа на пластиковую. Чистая с обеих сторон... Нет, не фига. Подобно тому, как еженедельник заполнился записями, стоило взять его в руки, карточка вдруг стала стремительно темнеть, обрела объем, хотя оставалась плоской – ну совсем как голограмма, и там, в глубине изображения, Сварог увидел медленно поворачивающееся то влево, то вправо лицо человека. Это было его нынешнее лицо, одутловатое и невыразительное. А рядом появилась объемная надпись: «Ирви-Лонг. Частный детектив».

Глава 10

«ЗЕЛЕНАЯ ЖАБА»

Пожалуй, никогда в жизни Сварог так не опасался нечаянно разбудить даму, которая мирно спала в его постели. Повезло: ему удалось переодеться в один из висящих в шкафу костюмов и выбраться из спальни, не потревожив сон благоверной. Теперь прочь из этого дома, прочь.

Повезло и вторично: во внутреннем кармане мятого пиджака отыскался мятый кошелек, в котором покоилось несколько мятых купюр напрочь незнакомого вида и различного достоинства – от пяти до двадцати «корон». Значит, коммунизм здесь пока не наступил. Что ж, «корона» – это скромненько и с выдумкой. Будем надеяться, на такси хватит. В другом внутреннем кармане лежали документы, а револьвер приятно оттягивал карман боковой, газета в руках – Сварог приободрился. Тем более что частный детектив – это неплохо. Это все же лучше, чем счетовод. Открывает кое-какие возможности... Он вышел на улицу, посмотрел вправо-влево, остановился у бровки тротуара и поднял руку. Улица была как улица, дома как дома – не шибко бога-

тые, но и не лачуги. Так, обиталище среднего класса. Ничего экстраординарного, даже как-то, знаете ли, скучно.

Электромобиль остановился практически тут же. Водитель без предварительных расспросов: «Куда едем?» и «Сколько платим?», – вышел и распахнул перед ним заднюю дверцу, но потрясенный Сварог некоторое время не смог двинуться с места. Он уже встречал этого человека! Постаревший, полысевший, располневший, одетый не в форму, а в простую куртку поверх водолазки, однако это был именно он. Капрал. Тот самый, что послал юного солдатику на верную смерть во время войны. Вот вам и скучно...

«Нити судеб сойдутся в точку», – так, кажется, говорила Праматерь?

Таксист Сварога, естественно, не признал, смотрел на него вопросительно. Сварог тряхнул головой, подобрал нижнюю челюсть, полез на заднее сиденье. После будем думать, что означает эта встреча. И означает ли что-нибудь вообще...

За время Сварогова отсутствия столица изменилась мало – наверное, война сюда не докатилась. Вот разве что движение транспорта на улице менее оживленное, чем было в годы всеобщей электрификации. Впрочем, возможно это потому, что улица малопросезжая, а время неразъездно... Хотя нет: после того, как они выехали на центральные столичные улицы, стало очевидным, что это объяснение не годится. Ибо в центре столицы – Сварог отлично помнил – движение всегда было плотное, вне зависимости от времени суток.

Да и вообще... Нечто странное было со всеми этими машинами. В этом, например, приборная доска, и без того, помнится, не обремененная лишними приборами,

сейчас была таковых лишена напрочь – чернели одни пустые гнезда. Зато в отверстие перед лобовым стеклом, какого допрежь не было – да и зачем оно нужно, скажите на милость! – был вставлен металлический стержень, оканчивающийся хрустальным навершием. Граненый шарик из хрусталя мерцал желтым светом.

А вот по встречной проехал мобиль, у которого та часть, где, как помнил Сварог, размещались аккумуляторы, была переделана в подобие кузова, и в кузове этом покачивались какие-то ящики. Аккумуляторам же, получается, места в этой машине просто не оставалось. Да и вообще, все машины – если брать общее от них впечатление – стали... изношенные какие-то. Что-то это Сварогу мучительно напоминало. И он наконец вспомнил – что именно.

Куба. Социалистическая Куба. Остров Свободы. Прекрасное место, где он, увы, так и не сумел побывать. Служить его туда не отправляли, а самому поехать... Зато Кубу частенько показывали во всяческих «Клубах кинопутешествий». Так вот, по улицам Гаваны и прочих кубинских городов разъезжали автомобили сплошь американские и преимущественно дорогих марок – наследство от богатеньких янки, которых в одночасье, не дав толком собрать вещички, погнали с их любимого курорта. Машины еще исправно ездили, все ж таки были сделаны добротнo. Но поскольку с момента победы партизан Фиделя прошло времени немало, прежние блеск и лоск с тех авто сошел, как снег в положенное время, да и экстерьером они безнадежно устарели. Примерно так же, как кубинские, выглядели и здешние *бывшие* электромобили. Да, бывшие – Сварог ничуть не сомневался, что нынче эта техника работает на са-авсем другой энергии...

Головой он старался не вертеть, бросал вокруг себя якобы скучающие взгляды, но старался подмечать все. Сам себе он напоминал срочника, оттрубившего службу без отпусков, а теперь вернувшегося домой и прогуливающегося по родному кварталу. Вроде все то же, но мелких отличий не счесть, дома и улицы обросли множеством мелких изменений, открывающихся только свежему взгляду. Трещины на крыльце, каких не было, облупившаяся краска, потускневшая облицовка стен, еще более прежнего покосившийся заборчик.

Понятно, *здесь* сразу бросалась в глаза *неподвижность* над зданиями. Раньше крыши, из-за установленных на них ветряков, были похожи на заросли диковинных серых камышей, вечно шевелящихся под нестихающим ветром. Теперь же крыши более всего напоминали мертвый лес: стояки ветряков все еще возвышались над ними, однако лопасти были сняты. А кое-где в этом лесу наблюдались прореди – видимо, взялись снимать и стояки, да почему-то бросили это дело. Над головой раньше висели паутины проводов, теперь – лишь отдельные ниточки, и те, думается, просто еще не успели убрать. Люди на улицах. Изменилась мода, никто не носит трико с плащами. Раньше деловито сновали, как и положено в столичных городах, теперь прогуливались неспешно.

Водитель какое-то время молчал, но запас его молчания, видимо, иссяк, как топливо в баке.

– Нет, ну задолбали уже эти «туземцы» и «герои»! – выпалил он вдруг и раздраженно шарахнул ладонями по рулевому колесу. – Вот вы, сразу видать, из «гнездовых». Меня не обманешь, у меня глаз наметан.

На всякий случай он все же обернулся проверить реакцию пассажира на свои слова. Реакция, вернее,

полное ее отсутствие, его вполне устроила, и, приободренный, он продолжил:

– Вот смотрите – я, – он еще раз обернулся назад и ткнул себя пальцем в лоб. – Я никогда не скрывал, что воевал за Каскад – ну да, ну и что? Потом-то одумался, перешел на другую сторону, опять воевал! Без всякой магии, грудью на «Буреносец» шел! Своими глазами видел, как его подорвали! Потом, после победы, сидел, конечно, но искупил, ведь! И ведь выгрыз свое право на два магических умения! А что сейчас? Сейчас каждый второй кричит, что именно он «Буреносец» разнес вдребезги! – Таксист снова, еще более раздраженно двинул рукой по «баранке». – А если всем верить, то что? То окажется, что тогда нас шло на танк несколько тысяч! И вот теперь, значит, эти «герои», мать их, где-то находят свидетелей своих подвигов, где-то добывают документы о своем участии в боях и трсбуют себе по второму *умению*! И некоторым дают, дают ведь, мать их! Куда прешь, мать твою!

Последнее относилось к водителю, подрезавшему их мобиль на перекрестке. Они как раз проезжали мимо знакомого Сварогу по первому посещению Вардрона помпезного строения с гигантским куполом Шара Мироздания и каменными буквами через весь фасад: «Музей Новейшей Истории Великой Короны». Ага, понятно, значитца, старую историю вон поганой метлой, началась История Новейшая. Что ж, надо бы сюда зайти. Глядишь, и узнаем что-нибудь о судьбе Рошала и Щепки...

– Подонки, – согласился с водителем Сварог, и во-дила немедля перешел на «ты»:

– Воевал?

– Еще как... – вырвалось у Сварога.

– Я и говорю! Сразу видно, что ты настоящий ветеран... А «туземцы»?! – он разошелся не на шутку, и плевать ему было, что пассажир активного участия в беседе не принимает. – Где они были, когда мы кровь проливали! Отсиживались за океаном в своих колониях, дожидались, чем кончится. А теперь, гляди-ка, валом повалили в Корону, и подавай им всем *умение*. А за что?! Я так считаю: пускай сперва повкалывают своими ручонками, без всякой магии. Рабочие руки до сих пор нужны, скажешь нет? «Искупитель» надо строить? Надо. Оборонять страну от Тварей надо? Вот и пусть докажут, так сказать, горбом, что они достойны, и тогда уж посмотрим, одаривать их магией или нет...

Тварей? Это, простите, кто имеется в виду? Оппортунисты? Очередные подпольщики?

Ничего подобного, как вскоре выяснилось.

Под нескончаемую болтовню выехали на ту самую площадь, куда пилот Юж-Крагт столь памятно приземлил Сварога и Рошалья на спасательном куполе аэропила, и мобиль снизил скорость, объезжая воронки от снарядов... Елки-палки, а это как понимать? Сварог наклонился к окну, уже не скрывая недоуменного любопытства.

Площадь была обращена в руины. Причем уже давно.

Памятник, ранее возвышавшийся в центре, был разрушен, а точнее – раздавлен исполинской лапищей, фонари выворочены с корнем, некогда движущиеся тротуары изуродованы, словно их топтал в ярости великан, на стенах домов, на уровне этажа пятого, остались глубокие отметины когтей и выщерблины от пулеметных очередей... Полное создавалось впечатление, что некогда на площади материализовался Кинг-Конг

и принялся, по своему обыкновению, крушить все на своем пути, а люди подтянули боевую технику и... И что? Победили? Или чудовище исчезло само по себе?

– Во-во, – с чувством кивнул таксист, заметив интелес Сварога, – я про что и толкую. Разве с Тварями какой-то магией справишься? Разве *здесь* справились десять лет назад, когда они только появились? Нет! Обычным оружием Паука завалили, голыми, можно сказать, руками...

Сварог почел за лучшее промолчать. Подумал лишь: «Дела...»

Интересно, почему площадь не реставрировали? Оставили как память?

Остановились минут через семь – на тихой улочке, около неброского входа в подвальчик, над которым висела табличка «Зеленая жаба». Сварог расплатился – отдал двадцатник, и пес его знает, не содрал ли бывший капрал с него лишнюю десятку. А пожалуй что и содрал, поскольку улыбнулся шире ушей и предложил:

– А хочешь, я тебя здесь подожду.

– Да я не знаю, когда освобожусь, – честно ответил Сварог. – И освобожусь ли.

– Плевать, – махнул ладошкой шофер. – Подожду. Задолбало меня всяких уродов возить, а с понятливым человеком и поговорить приятно.

Сварог лишь пожал плечами.

Когда он спустился в подвальчик, часы пробили половину первой стражи. Пробили весьма своеобразно – кваканьем. Да и сами часы тоже были вполне оригинальны и вполне созвучны названию заведения: громадная нефритовая жаба стояла на стойке, распахнувши рот во всю ширь, во рту и помещался циферблат со стрелками в виде перекрещивающихся меча и кинжала.

С порога Сварог огляделся. Для столь раннего времени народу в заведении было немало. В основном мужская шатия-братия, но имелось и несколько девиц, удобно устроившихся на мужских коленях и хохочущих на всю «Жабу».

Свободных столиков насчитывалось всего два. Сварог выбрал тот, что в темном углу и подальше от двери. Без малейшей проволоочки подкатился щекастый кабатчик в белом фартуке, расплылся в настолько радушной улыбке, что она никак не могла быть искренней.

– Давненько, давненько, господин Ирви-Лонг, – промурлыкал он. – Все дела?

«Не будь ты человеком, – подумал Сварог, – быть тебе котом на сметанном погребке».

– Они, проклятые, – Сварог выдал тяжкий вздох.

– Понимаю, понимаю. В нынешнее время приходится вертеться, иначе пропадаешь. Как всегда?

– Как всегда, – сказал Сварог: весьма любопытно будет узнать, что за питейные и гастрономические пристрастия имел *предыдущий*.

– Сейчас все принесут. Давайте вашу... неизменную, – и выжидательно уставился на Сварога.

Сварог тоже уставился на него – непонимающе.

– Ваша фляжечка ведь при вас? – осторожно, как у больного спрашивают о здоровье, спросил Сварога кабатчик.

– Э-э... забыл, представьте. День сегодня какой-то... С утра хожу рассеянный, как полный... Короче, забыл.

– Это мы исправим, – пообещал кабатчик. – Не беспокойтесь, о постоянных клиентах наша полная забота.

Похоже, он еще что-то хотел сказать, уж его рот было открылся, но... в последний момент передумал. Кабатчик скрылся на кухне, а буквально через минуту

оттуда выпорхнула проворная девица в белом передничке и с россыпью веснушек на простоватом, но довольно-таки миловидном личике. Она поставила поднос на стол и взглянула на Сварога столь выразительно, что... В общем, никаких недомолвок и неясностей. «Хоть кого-нибудь мой предшественничек пропускал?» – подумал Сварог.

Девица выставила перед ним литровую кружку, над которой возвышалась шапка пены, и блюдо с запеченной рыбой и овощами. Ни мучного, ни картофеля, ни мяса. Похоже, предшественничек вел неравный бой с лишним весом. А еще на столе появилась фляжечка – один в один такая же, что он оставил пустой в ящике стола. Эта – Сварог побултыхал – была полным-полнешенька.

Отлично. До встречи еще полстражи, так что есть время полнестать газетку, попытаться разобраться, что это за Твари и кто такой Искупитель...

Время от времени прикладываясь к кружке и делая махонькие глотки, Сварог для начала просмотрел заголовки, и сразу наткнулся на знакомое имя в информационном сообщении: «Президент Визари высказывает мнение касательно торгового договора с Гвидором».

Черт возьми, Визари! Жива! Взбалмошная предводительница магов удержалась-таки у власти! Ну, девка, ну Щепка... Заглянуть, что ли, по старой памяти... Сварог быстро прочитал информашку, ничего интересного, пустая газетная болтовня, и сделал глоток из кружки. Что там еще?

«Обнаружен тайный изготовитель тептов», «Появление...»

Ага, вот, пожалуйста: «Появление Тварей в провинции Тур». Он пробежал статейку глазами... и по-пре-

жнему ничего не понял, что это за звери такие. В заметке говорилось, что Твари напали на несколько деревень в провинции Тур, вырезали почти весь скот и убили около сотни крестьян-немагов. Вовремя прибывшие силы противодействия уничтожили восемнадцать исполинских Ичел, остальным Тварям удалось скрыться. И теперь в полный рост встала проблема снабжения питанием целого района, поскольку, маги, обладающие соответствующим *умением*, заняты на других участках. Доколе, дескать, мы будем терпеть вторжения чужеродных организмов на нашу родную планету?!

Тон заметки, набранной петитом и помещенной в «подвале» на второй странице, был спокойным и ровным. Значит, ничего сенсационного в смерти сотни крестьян редакция не видела. Типа, обычное дело. Однако надрыв в финальном призыве искоренить чужеродную заразу столь резко контрастировал с общим фоном, что, пожалуй, был достоин передовицы и крупного шрифта... Дальше.

«Очередная победа магии над природой». Ну-ка, ну-ка... «Группой магов-естествоиспытателей... разработан и испытан... новейший комплекс заклинаний, позволяющий... а также освободить от ручного и умственного труда такие производства, как мосты, опорные конструкции, подвесные сооружения и т. д. Комплекс состоит из последовательных слогов и пассивов, выполняемых...»

Ну да, все правильно, сам себе кивнул Сварог, большой снец в области строительного волшебства. Вспомним, милорды, Хоттабыча, который пытался создать телефонный аппарат, и ни фиги из этого не получилось – потому что он не знал, как устроен телефон. Ведь это

только в народных сказках достаточно произнести: «Трах-тибидох!», – и вот перед тобой уже сверкает замок из золота и брильянтов... Но магия-то не знает архитектуры, сопромата, правил выплавки золота или огранки алмазов! Ей глубоко плевать на расчет опор, изгибы балки и прочие крутящие моменты. И на каждое колдовское действие, будь то создание гвоздя или возведение стены требуется отдельное, тщательно выверенное заклинание. Или отдельный специалист, обладающий, скажем, даром превращать свинец в аурум. Разумеется, потом эти заклинания можно скомпилировать, объединить и упростить до отдельного «трах-тибидох», но это тоже требует времени и сил...

Дальше.

Статья, занимающая весь центральный разворот и озаглавленная «Черная Планета будет побеждена», начиналась с таких строк:

«Мечется в огне стеклона пламя. Болът-Лагар усмиряет его, делает ручным. Он заставляет пламя покориться. И вот из жерла стеклона стекает, на глазах тяжелея, светящаяся капля. Капля делается все больше и превращается в тонкостенный, с красным отливом шар. Болът-Лагар опускает шар в холодную воду и достает уже готовый эррабус – важнейший элемент "Искупителя". На мой вопрос, сколько всего необходимо изготовить эррабусов для "Искупителя", Болът-Лагар отвечает, усмехаясь в усы: "Хорошо, что я сам не знаю об этом. Чем меньше людей знает самые важные тайны Короны, тем скорее их не узнают враги". Болът-Лагар – один из тысячи рядовых тружеников, которые ежедневно и еженочно работают, приближая Час Победы, приближая час падения Черной Планеты. Горят огни, стучат молотки, возникают и стыкуются детали на огром-

ной Пустоши Победы. Не за горами день последнего эррабуса и последней заклепки для "Искупителя" – мы все это знаем, мы все в это верим».

И все в таком духе, в духе советских газет. Сварог пробежал несколько абзацев, не читая. Заглянул в середину.

«Я смотрю на *Пустошь*, и душа моя ликует. Я закрываю глаза и вижу ближайшее будущее. Я как наяву вижу "Искупитель", вонзивший опоры в поганую землю Черной Планеты. Я вижу, как по широким трапам на Черную Планету сходит Небесная Гвардия, ведомая жрецами. Я вижу, как разбегаются в страхе Твари... И я вспоминаю тот день десять лет назад, когда первая Тварь появилась в самом сердце нашего родного Вардрона, и когда, после победы над ней, победы, давшей нам с таким трудом, всем нам стало ясно, что мирная послевоенная жизнь еще не наступила, что нас ждут немалые испытания, что все жители Короны, и обладающие *умениями*, и лишенные их, должны в едином строю, неусыпно ковать очередную победу...

Тем временем наступает ночь. Но не прекращаются работы на *Пустоши*. Болът-Логар, закончив очередной эррабус, поднимает голову к небу и грозит кулаком Черной Планете. Он, как и мы все, не сомневается – Твари будут повержены»...

Блин!

Это что, это значит – инопланетное вторжение? Война миров? Да что ж за непруха у несчастной Короны, то Каскад, то Чужие...

Совсем рядом раздалось вежливое покашливание, и Сварог поднял голову. Высокий худощавый человек с вытянутым, несколько лошадиным лицом без приглашения присел за его столик.

– Господин Ирви-Лонг, полагаю? – спросил незнакомец.

Ага, значит, в лицо мы друг друга не видели, раз спрашивает.

– С кем имею?

– Это от меня вчера приходил человек.

– А-а, – понимающе протянул Сварог, откровенно изучая собеседника. – Скажу вам по секрету, я отчего-то так сразу и подумал.

И внутренне подобрался. Уверенные движения, отточенные манеры, дорогой костюм, за лигу видно, – это, ребята, не простой обыватель. Это если не ферзь, то слон как минимум. И какого хрена ему надо от скромного частного детектива...

– Вы готовы взяться за работу?

– Э-э... Давайте по порядку. Как говорится, сперва чаек, потом закуска, – и Сварог подмигнул собеседнику. Пес его ведаёт, почему он выбрал именно такой, развязный, стиль поведения, но уж так как-то само показало. Ну, например, ляпни он какую-нибудь глупость, ее всегда можно будет объяснить некоторой недалекостью сыщика. – Как мне вас сегодня называть?

– Точно так же: господин Чофо-Агайр. Так вы согласны, господин Ирви-Лонг?

– Тут на удивление славное пиво наливают, – сказал Сварог. – Не желаете? Я угощаю.

Ага! Лошадиное лицо Чофо-Агайра малость взбледнуло, но он великолепно умел держать себя в руках и лишь вежливо покачал головой в ответ: мол, спасибо, пиво я употребляю-с... Какой из этого следует вывод?

– Так вы согласны, или мне обратиться к другому специалисту? – холодно спросил собеседник.

А вот фига ты, уважаемый, обратишься к другому. Предложение выпить на халяву явственно оскорбило его, однако господин заказчик подавил в себе ярость, значит, ему нужен именно Сварог. То есть, Ирви-Лонг, конечно.

– Это зависит, – Сварог окунул губы в кружку, отхлебнул, вытер губы ладонью, – от того, как сложится наш с вами разговор.

– Хорошо. Давайте его складывать. Итак... – Чофо-Агайр побарабанил пальцами по столу. – Как вы уже поняли, дело носит исключительно интимный характер и все, что вы сейчас услышите...

– Предназначено только для вот этого, – бесцеремонно перебил Сварог, тронув себя за мочки ушей, – и дальше не пойдет. Можете не сомневаться. Я дорожу своей репутацией, и если вы решили пригласить именно меня, то должны знать, что я не из болтливых.

– Знаю, – собеседник вытер пот со лба. – Дело, полагаю, вам знакомое и привычное. Ваш профессиональный опыт...

– Можете переходить прямо к делу, – опять перебил Сварог, и опять Чофо-Агайр проглотил бестактность увальня-детектива.

– Хорошо, к делу, – господин Чофо-Агайр заметно волновался... или делал вид, что волнуется. – У меня есть... жена. Ничего необычного, впрочем. – Он нервно хохотнул. – Даже трудно усмотреть нечто необычное в том, что жена младше меня... в общем, намного младше. И у меня появились некие... обоснованные сомнения в ее...

– Иными словами, вы хотите удостовериться, – пришел ему на выручку Сварог. Ему вдруг стало скучно. «Тьфу ты. Примитивная слежка за неверными мужьями и женами... А я-то думал...»

– Я хочу удостовериться, – кивнул господин Чофо-Агайр, внимательно наблюдая за реакцией Ирви-Лонга. – И вы мне в этом поможете. Я создал условия, скажем так, наибольшего благоприятствования для проявления ее сущности, а вам остается удостовериться порядочность моей жены или, чего я признаю, боюсь – ее... непорядочности.

– Что это за условия?

– Я сказал, что уезжаю до вечера в Лирд с инспекцией... В общем, к чему вдаваться в подробности. Главное – она будет уверена, что до вечера я не появлюсь. Прислугу я тоже отпустил. Все условия... Вы согласны взяться за дело?

– Стойте-ка, – сказал Сварог. – Это что, прямо сегодня?

– Это прямо сейчас, – раздвинул губы в хищной улыбке Чофо-Агайр. – И, может быть, до моего «возвращения».

Наверно, можно было отказаться. Только... зачем? Придется искать весомые причины для отказа. Образ, в котором выступал сейчас Сварог, обязывал его дать согласие. Откажешься – выпадешь из образа. А это есть подозрительно.

– А если ваш... э-э... потенциальный, назовем его так, соперник именно сегодня не придет?

– Этого не может быть, – уверенно покачал головой заказчик. – Вот именно сегодня он не может не прийти. Потому что завтра он уезжает в другой город. Надолго.

– Кто он?

– Вы его не знаете.

– Я берусь за ваше дело, – сказал Сварог неожиданно для самого себя. И отхлебнул пива. Если вдуматься, неожиданное предложение можно обратить себе на

пользу. Этот подозрительный муж, по всем признакам судя, не только при деньгах, но и при влиянии. Помогу ему – будет повод потом обратиться к нему с ответной просьбой... Например, доставить его, Сварога, побыстрее в пригород Некушда.

Чофо-Агайр опять улыбнулся, на этот раз как сытый кот. Спросил по-деловому:

– Сколько вы хотите за выполнение?

«А я почему знаю!» – подумал Сварог и сказал:

– Вы в курсе, сколько я беру обычно?

– Мне говорили, -- кивнул господин Чофо-Агайр.

– Умножьте на два, – бухнул Сварог. И подумал: «Это я хорошо придумал! Вот все само собой и разрешилось. Переплачивать он не захочет, я упрюсь, и пускай катит к моим конкурентам». – Это мое последнее слово, – добавил он для верности.

Господин Чофо-Агайр простучал пальцами по столешнице какой-то ритм, по-прежнему наблюдая за лицом Сварога. Однако теперь в его взгляде читалось легкое недоумение.

– Я знал, с кем имею дело, – задумчиво сказал он. – Навел, знаете ли, справки. Поэтому не удивлен. Конечно, вы подготовились к этому разговору и тоже узнали обо мне... многое. В том числе и о моих финансовых возможностях. Я ожидал повышения ставки. Хотя, на мой взгляд, вдвойне – это, пожалуй, перебор...

– Слушайте, – вдруг сказал Сварог, – я, наверное, слабо разбираюсь в подобных делах, но... А почему бы вам самому не спрятаться где-нибудь в чулане? И лично убедитесь, и не потратитесь.

Чофо-Агайр надолго замолчал, о чем-то напряженно размышляя, потом вдруг заговорщицки наклонился к Сварогу:

— Что ж, если вы настаиваете... Я отвечу. Давайте вообразим себе на минутку человека, который умеет быть невидимым. Речь ни в коем случае не о вас, откуда взяться запрещенному *умению* у простого частного сыщика! Но давайте просто предположим. Просто поиграем в допущения. И если мы допустим такую возможность, что некий господин владеет подобным *умением*, то двойная цена вполне оправдана. Правда, и спрос с него тоже будет двойной. Вот, к примеру...

Заказчик достал из кармана черную коробочку размером с портсигар.

— Это фотографический аппарат. Никакой магии. То есть вообще. Правда-правда, не обращайтесь внимания на миниатюрные размеры, модель новая, хотя... хотя, полагаю, вряд ли попадет в массовое производство. Не в том дело. Дело в том, что я бы потребовал от означенного гипотетического невидимки заснять на фотокарточки доказательства.

Теперь настала очередь замолчать Сварогу. Он смотрел на коробочку с крошечным объективом, но думал вовсе не о размерах чудо-аппарата.

«Вот тебе и елки с дымом! Этот гражданин напрямую намекает, что я умею быть невидимым... Интересно, а я умею? Или, если поставить вопрос *ширше*: а что я вообще умею?...»

— Итак, — сказал господин Чофо-Агайр и покосился на рыбу, к которой Лонг-Сварог даже не успел притронуться, — если мы договорились и если вы готовы, рекомендую отправляться. Надеюсь, более чем щедрая награда возместит вам тот ущерб, что вы понесете от несъеденного обеда. И, смею надеяться, уже сегодня вечером. А пока позвольте заплатить за вас.

— Отчего же нет, — буркнул Ирви-Лонг.

– Свою машину я отпустил... в целях, так сказать, конспирации. Не против, если поедем на такси?

– О, да. Тем более что *своему* шоферу я наказал ждать у выхода, – осклабился детектив.

Чофо-Агайр посмотрел на него с удивлением.

Уходя, Сварог все же прихватил со стола фляжку. Требовалось многое обдумать, и фляжка в этом деле уж никак не помешает.

Глава 11

«И НЮХ, КАК У СОБАКИ, И ГЛАЗ, КАК У ОРЛА!»

Господин Чофо-Агайр проживал в двухэтажном доме, окруженном вековыми дубами. Весь квартал был застроен такими домами и, судя по ухоженности дорожек, оград, палисадников, судя по безупречному виду самих домов, в этом квартале проживали люди, что называется, с положением в обществе.

Подозрительный муж остановил такси на соседней улице, оттуда до места они пробирались мимо других домов, через калитки в железных оградах, какими было окружено каждое из жилых строений. Калитки, кстати, тоже были, как и замки в доме Сварога, с *хитрецей*. Руке господина Чофо-Агайра они покорялись, отъезжали со всей готовностью и покорностью. А когда Сварог попробовал первым дернуть ручку одной из таких калиток — фигушки.

Видимо, подобные замочки у них тут нынче в моде. Насколько Сварог представлял себе устройство *ихнего* общества, существует некая гильдия замочников или сообщество отдельных частников, владеющих закли-

нанием замка. Эта способность позволяет настраивать замок или запор только на руку владельца или же на руки тех, кому всецело доверяет этот владелец. А тутошные калитки, думается, настроены на ладони обитателей квартала, чтобы всякий залетный народец не болтался где не попадая.

В собственный дом господина Чофо-Агайра они не вошли, а, можно сказать, прокрались. С многочисленными оглядками и предосторожностями проникли через заднюю дверь, поднялись по узкой темной лестнице на второй этаж. Чофо-Агайр открыл неказистую обшарпанную дверь, они прошли очень узким – плечи стены задевают – тускло освещенным скрытыми светильниками коридором, и через еще одну дверь попали прямо в рабочий кабинет господина Чофо-Агайра. (Как успел объяснить Сварогу сей господин, его часто посещают люди, которые не желают, чтобы их видела прислуга. Детектив объяснение схавал, не подвергая сомнениям и не задавая дополнительных вопросов.)

В кабинете хозяин Сварога и оставил, снабдив инструкциями. Инструкции были такие: дожидаться его, Чофо-Агайра, ухода, прикинуть к щели между дверью и косяком (дверь кабинета хозяин в свое отсутствие никогда не закрывает). В случае появления постороннего мужчины «применить свое искусство слушать и наблюдать, что будет происходить в доме» (вот так дословно и сказал), и нажать вот на эту кнопку на аппарате, видите? В случае же «обнаружения неверности» нажимать кнопку неоднократно, ну а фотографический аппарат потом приложить к отчету. Ничего сложного.

После всех этих наставлений ревнивый супруг тем же черным ходом выбрался на улицу и зашел в дом вторично, на этот раз с парадного входа – Сварог услышал

его голос с другой стороны, за *официальной* дверью кабинета, там находился холл, куда выходили двери спальни и комнаты жены.

Господин Чофо-Агайр многословно объяснял жене, какого рода производственная необходимость заставляет его столь надолго, аж до позднего вечера, а не исключено, и до ночи, оставлять родимый дом. Вслушиваться Сварог не стал. Откровенно говоря, паршивым ремеслом кормился его предшественничек, и Сварог уже жалел, что согласился работать на влиятельного ревнивца. Пусть себе эти господа и госпожи морально разлагаются, сколько захочу. «А об моральном облике пусть ихний синод печется», – вспомнил он фразу из кинофильма, тоже про сыщиков, правда, далеко не про частных. Но теперь уже отступить поздно.

В ожидании гипотетически порочной женщины и ее пока неустановленного хахалю Сварогу было чем заняться. Во-первых, следовало разобраться с этими намеками на его якобы умение быть невидимым. Очченно это все, знаете ли, любопытно. Открывает, так сказать, нешуточные перспективы. А особенно если учесть, что Сварог лишился всех прочих магических навыков, без которых враз стало неуютно и одиноко. Вот, значит, задача номер один – додуматься, как да что с превращением в невидимку. И откладывать решение этой задачи в долгий ящик Сварог не стал.

Для начала он решил испробовать простейший способ, который срабатывал с некоторыми простейшими заклинаниями ларов: пожелать чего-то конкретного, отчетливо сие конкретное представить, и нате – срабатывал неведомый ему механизм, посредством магической энергии апейрона материализующий некоторые предметы, сигарету там, или кофе с бутербродами.

Сварог сосредоточился, вообразил желаемое состояние, то есть представил себя невидимым, дал установку мозгу и подчиненным ему силам организма акцентировать усилия на достижении цели... Ни фига не произошло.

А за дверью, возле которой устроился на стульчике Сварог, между тем стало тихо. Значит, муж ушел. Жена осталась. Ну и славно, пусть себе живут своей жизнью. А мы проживем своей.

Так, теперь используем что-нибудь иное. Да, не исключено, что требуется произнести некое заклинание. Тогда – сорри, господин Чофо-Агайр, придется ваш гостеприимный особнячок по-тихому покинуть тем же путем, которым они сюда проникли, вернуться *домой* и покопаться в бумагах и записях предшественника, расспросить жену и... домработницу. Правда, в таком случае, он наживет себе врага в лице ревнивого господина, но тут уж ничего не попишешь: ну не удалось на этот раз стать невидимым, не удалось и все. Непредвиденные обстоятельства. Магия -- она материя тонкая, видите ли, бывает, что и рвется в самую неподходящую минуту...

Сварог вспомнил, как во время собственных реинкарнаций после *смерти* от кинжала Праматери представлял себе перегородку между сознаниями, вынужденными сосуществовать в одном теле. А если попробовать вообразить себе такую перегородку и сейчас? Кто его знает, где сейчас обретается сознание бывшего хозяина тела, найдена ли ему новая оболочка, или же оно погружено в глубокую, сродни коме, дрему, или в пассивное созерцание того, что творит с его телом новый владелец. Предположим, сознание дремлет. Стало быть, можно до него достучаться, проник-

нуть сквозь ту самую воображаемую преграду. Нет ничего невозможного.

В общем-то азы аутотренинга. Полностью отрешиться от сущего. Это удалось без усилий, благо в доме стояла гробовая тишина. Представить себе одну-единственную точку, кроме которой ничего в мироздании более не существует. Начать с этой точки и вывести, построить из нее требуемый образ. Сварог представил себе перегородку. С одной стороны – его собственное сознание, с другой – память человека по имени Ирви-Лонг. В перегородке просверлена дырка. Сквозь эту дырку, как дым, просачивается вложенное однажды в эту память знание о том, как сделать себя невидимым. И это знание делает тебя невидимым. Делает невидимым...

Опять не сработало. Ну что ж...

Однако с выводами Сварог явно поторопился. Как раз таки сработало! Потому что руки, на которые он смотрел, вдруг стали тускнеть, меркнуть. И вот он уже сквозь них видит собственные колени, а вот уже сквозь колени видит пол. К подобному зрелищу привыкнуть нелегко, если вообще возможно. Сердечко невольно начинает колотиться сильнее. И как бы ты ни был крепок нервами, а закрадывается тревога – ну как не сумеешь вернуть себе видимость, так и останешься чертешем, недочеловеком.

Ладно, теперь попытаемся *вернуться*. Он представил себя на пленке кинофильма и прокрутил ленту обратно. Сработало! В общем, впору было ударить себя кулаком в грудь и выдать: «Ай да Сварог, ай да сукин сын!»

Для закрепления, так сказать, навыка Сварог попробовал еще. Как сплошь и рядом бывает, трудно только

в первый раз, а дальше идет как по мазаному. Ну, может не как по мазаному, но все же сделать себя невидимым вторично получилось легче и быстрее.

Что интересно: вместе с плотью становилась невидимой и одежда, что не могло не радовать. Интересно, а прочие вещи? Из невидимого кармана он достал невидимый фотоаппарат. Ну-ка... Положил его на ковер, отпихнул от себя ногой. И вот ведь фокус – оказавшись от Сварога на отдалении в пару уардов, фотоаппарат стал стремительно *проявляться*, словно его быстро-быстро рисовали на стекле, обретать плотность, вес, *материальность*. В общем, не бином Ньютона.

Итак, с невидимостью разобрались. Не самое последнее умение, если подумать... Итак, пока нет никакого резона покидать жилище Чофо-Агайра. Следует беречь, блин, свой образ частного детектива от проблем. Этот образ еще понадобится какое-то время. И, может быть, даже на довольно внушительный срок. Посему не стоило обзаводиться столь влиятельным недругом как господин Чофо-Агайр, поскольку он, как Сварог вывел из недолгого с ним общения, отнюдь не принадлежал к людям, верящим в людскую порядочность, а также другим людям на слово. Подобного сорта люди вообще никому не верят, включая, возможно, и самих себя, и совершенно не исключено, что Чофо-Агайр посадил возле дома верного слугу или еще одного частного детектива, поставив тому одну-единственную задачу: зафиксировать время ухода невыского полного человека в мятом костюме. Можно, конечно, проскочить невидимкой, но вдруг наблюдатель догадается по пригибающейся траве или по следам на песке дорожки...

Ага! А там у нас происходят какие-то подвижки. Подобрал фотоаппарат, Сварог прислушался. Звенел

колокольчик. Дверной? Похоже. Потом простучали быстрые шаги, раздались голоса. Женский и мужской.

Это что ж выходит? Выходит, прав старый муж, ревнивый муж?.. Голоса приближались и теперь доносились уже из холла. Чтобы разобрать, о чем они там воркуют, надо было надеть на себя невидимость и подойти к приоткрытой двери. Стукнула дверь и голоса стихли. Жена господина Чофо-Агайра и ес... г-хм... гость зашли либо в женскую половину, либо в спальню. Дилемма, господа! К лицу ли графу, лару, барону и тэ-дэ подслушивать у замочной скважины, аки охочему до барских тайн службе? А с другой стороны, частному детективу, зарабатывающему на жизнь именно вот такими...

Оглушительный рык!

Сварога аж подбросило на стуле, рука привычно метнулась к поясу, за которым всегда находила теплую, нагретую животом рукоять шаура. Шаура не было. Черт возьми, зато револьвер в кармане!

Едва он успел вытянуть оружие, как опять повторился тот же звук – могучий рев, переходящий в крик, похожий на обезьяний. За ним последовал глухой удар в стену, от которого в кабинете задребезжали даже стеклянные подвески настольного абажура. И тогда по нервам ударил, пройдя сквозь все перегородки, вопль настолько пронзительный, что совершенно невозможно было понять, человеческий ли. Ударил – и оборвался, словно кричащему с размаху заткнули рот.

Раскудрить твою! Что ж это у них за любовь такая!..

На сей раз у Сварога не сразу получилось сделать себя невидимкой. Наверное, помешал нервный взвод – не настолько он еще мастеровит в новой для него магии, чтобы колдовать, не обращая внимания ни на что. Но со второй попытки он все же управился с задачей.

Человек-невидимка по имени Сварог рывком распахнул дверь, выскочил в холл, держа револьвер наизготовку. А в холле глаза слепит от позолоты, все стены в картинах, чей-то мраморный бюст на подставке, зеркало в золоченой раме от пола до потолка, стулья и кресла из дерева красноватого отлива, все, от ножек до спиннок, резные.

За какой из дверей скрылась парочка, Сварог не знал. Распахнул ближайшую дверь и – попал куда надо.

То есть наоборот: совсем не надо было ему туда попадать. Попал он крайне неудачно. Именно что – *попал*.

Женская комната: диванчики, пуфики, розовые занавесочки на окнах, шкаф во всю стену, небольшой, для часпитий предназначенный столик на гнутых ножках, аж три зеркала разной величины и формы. Оба любовничка находились здесь. И жена господина Чофо-Агайра, и ее гость мужеского полу. Любовничка? Да ничего подобного! Оба одеты. Секунду назад сидели за столиком, пили что-то из маленьких чашек, мирно беседовали. За этим занятием их и *застало*...

Оба были мертвы. Хотя «мертвы» – слишком уж нейтральное слово. Жена Чофо-Агайра лежала на спине... И от шеи до живота ее тело было распорото. Даже не подходя и не вглядываясь пристально, Сварог мог сказать, что рана глубокая. Глубочайшая, до самого позвоночника. Неизвестно, как предшественник, который специализировался на слежке за неверными супругами, а уж Сварог повидал всякие раны и кое-что в них понимал. *Такую* рану могли нанести бритвенно острым клинком или же... длинным и не менее острым когтем. Под женщиной расплылась, увеличивалась на глазах лужа темной крови.

А ее гость был обезглавлен. Как саблей голову снесли. Тело завалилось под столик, голова откатилась к порогу и паялилась на Сварога вытаращенными пустыми глазами. На лице застыло выражение полного, запредельного ужаса.

Твою мать, надо ж было так влипнуть... Сварог прошелся взглядом по обоям, забрызганным кровью. Возле окна на бежевых с синими цветочками обоях темнели в обрамлении рваной бумаги пять параллельных полос, похожих на следы, оставленные когтями. Сварог отступил на шаг, чтобы не вляпаться в растекающуюся кровь. Мозг работал с лихорадочной быстротой.

Куда делся убийца? Не исключено, что он где-то здесь. Сварог почувствовал, как его мышцы напряглись, подчиняясь рефлексу. Мышцы, кстати, не самые дряблые, но рассчитывать на крепость рук и ног не следует. Станешь действовать, как привык, а руки и ноги тебя подведут. Скорее уж, если на что-то и уповать, то на невидимость. Невидимость даст бесспорное преимущество перед убийцей, если он, допустим, выскочит из шкафа или выкатится из-под кровати...

Есть, кстати, и другой не менее головоломный вопрос: откуда пришел убийца? Окно закрыто, дверь за своим гостем хозяйка наверняка заперла. Еще один потайной ход, подобный тому, через который проник в дом горе-детектив?

Проклятие, а ведь его, Ирви-Лонга... какого, на хрен, Ирви-Лонга, – *его*, Сварога! – местная полиция заметет за милую душу в первую очередь, и поди доказывай, что ты не верблюд! А как докажешь, если понятия не имеешь, как выглядит местный верблюд?! И дернул черт связаться с этим долбанным Чофо-Агайром!.. Лад-

но, потом, все потом, сейчас надо уносить отсюда ноги. И быстро. Делать здесь совершенно нечего.

Тишину мертвого дома нарушило судорожное треньканье дверного колокольчика. И тут же посыпались требовательные удары в дверь. Стучали явно во множество рук, и в этот грохот вплетались громкие голоса. Так настойчиво ломиться в чужой дом могли только те самые, недавно помянутые Сварогом органы правопорядка.

Одна радость во всей этой сволочной истории – невидимость. Есть шанс выскользнуть из дома непойманным и незамеченным. Сварог выскользнул в холл.

А входную дверь между тем выламывали уже вовсю. Не надолго ж хватило терпения у господ из органов. Или заранее знали, что никто им по доброй двери не откроет?

Сварог метнулся в кабинет, на ходу засовывая револьвер за пояс, распахнул дверь черного хода. Да чтоб вас всех! И здесь ломают! Узкий коридорчик, соединяющий кабинет с черным ходом, сотрясается от дружных, ритмичных ударов. Секундочку! Выламывают дверь? И это как прикажете понять? Господин Чофо-Агайр уверял, что оставит черный ход незапертым... Л-ладно... Этим направлением прорываться безнадежно. Через окно?

Сварог бросился к кабинетному окну. Высоко, ноги переломать проще простого. А ведь это не тело лара, которому падения с высоты не страшны. Сварог подергал шпингалет окна – как приваренный. Опять эти ихние штучки с заклинаниями на замки!

Заклинания заклинаниями, а куда им против крепких полицейских плеч, впечатываемых в дверь с разгона. Центральная входная дверь не выдержала, и

холл наполнился голосами. Дверь черного хода тоже, думается, держится последние минуты, если не секунды.

Л-ладно, уроды! Единственная возможность – пробираться в режиме невидимости через холл, по парадной лестнице. Больше пространства для маневров и, соответственно, меньше шансов столкнуться с кем-нибудь из непрошенных гостей, чем на узкой черной лестнице. В холле Сварог едва успел увернуться от дюжего молодца, спешащего проверить кабинет. Тут уже металось с десятков человек в форме, распахиались двери во все комнаты. Разумеется, не замедлил и прорезаться возглас:

– Сюда! Сюда!

Вот один из тех, кто первым ворвался в комнату жены господина Чофо-Агайра, вывалился наружу, его вырвало на ковер.

– Ничего не трогать!

Этот плечистый и усатый, понятно, главный в следственной бригаде. Широкой походкой он прошел через холл к месту преступления...

Бочком, бочком, ступая по-кошачьи мягко, не торопясь – сейчас на его стороне играет не спешка, а предельная осторожность -- Сварог мимо суетящихся полицейских («Ну а кого ж это еще, такие физиономии не подделаешь!») выскользнул в коридор. Распахнутая настежь входная дверь манила шагах в пятнадцати по прямому широкому коридору...

Навстречу Сварогу топал один из подотставших блюстителей порядка. Почему-то Сварог вдруг вспомнил, что полиция обычно ненавидит своих коллег из частного сектора и при любой возможности пытается навесить на них всех собак...

Он прижался к стене, разбросал в стороны руки. Не заденет. Ну разве если поскользнется аккуратно на против Сварога и его мотыльнет на эту стену. Да проходи же, ну!

Полицейский встал, как вкопанный. Более того: вылутился на Сварога, распахнувши рот! Сварог быстро опустил взгляд... А, дьявол! Он становился видимым! Проявлялся в воздухе, как снимок на фотобумаге! То-то остоленел страж закона. Его чуть подрагивающая рука поползла к поясу. Дождаться, когда представитель полиции окончательно оправится от потрясения, Сварог не собирался. И от души врезал ему по чавке.

Эх, в прежнем теле Сварог вырубил бы гражданина начальника с одного удара, вырубил бы качественно, надолго. Кулак же частного сыскаря Ирви-Лонга подобного эффекта не произвел – полисмен остался в сознании и на ногах, лишь отшатнулся. А сзади уже вопили истошными голосами: «Вот он! Вот он! Хватай! Убийца!»

Сварог скользнул мимо схватившегося за скулу полицейского, выскочил на лестницу. Промчался по ступеням два пролета, и – слава Таросу, который почему-то припомнился первым! – на лестнице полицейские не болтались. Зато внизу, около дверей топтался один хлопчик – судя по молодой и простецкой физиономии, явно низший чин.

– А я как раз за тобой! – заорал Сварог. – Ты нам нужен! Живо наверх!

Ход примитивный, никто не спорит, однако ж действовало. Какую-то долю секунды юнец переваривал услышанное и безнадежно инициативу упустил. Сварог с последней (или первой, смотря откуда как счи-

тать) ступени, сильно оттолкнувшись, прыгнул на него и свалил с ног.

А сзади по лестнице с грохотом и криками скатывалась погоня.

Сварог выскочил во двор.

Бежать в направлении распахнутых ворот – значит пробегать мимо полицейского мобиля, мимо выбирающихся из него полицейских. (Бляха, да сколько ж их сюда понаехало!) Любое другое направление было перекрыто: ограда. В своем собственном теле Сварог и не задумывался бы – заборчик всего лишь в человеческий рост, пусть и ощерившийся копейными остриями, не преграда... Но вот на что способно тело старины Ирви-Лонга, он пока не знал. Брюшко, незавидный рост и тесная дружба с крепкими напитками особого оптимизма на этот счет не внушали. Но ничего другого не оставалось.

Сварог припустил к ограде. Сзади орали обычное в таких случаях: «Стой!», «Именем закона!», «Стреляю на поражение!» Схватившись за острия, он попытался забросить себя наверх. С первого раза, лихим наскоком, не вышло. Тогда Сварог полез неуклюже, неказисто, елозя ногами по скользким прутьям. Закинул одну ногу, подтянул другую. Уф, наверху.

Ну и разумеется! Спрыгивая, Сварог зацепился штаниной за копейное острие, какими была увенчана ограда, и с треском, слышным наверное, во всех окрестных домах, штанина порвалась. Хорошо еще, что именно порвалась, оставив на острие клочок, а то Сварог мог бы и повиснуть, как Буратино, головой вниз. Во где позор-то!

...Он бежал тем же путем, каким вел его к дому Чофо-Агайр. И выскочил точно к тому месту, где они покинули таксомобиль. Выскочил, запыхавшись, как последний ярмарочный карманник, преследуемый улю-

люкающей толпой. «Лонг, мать твою, ну ты хотя бы курить бросил, при такой-то жизни!»

Самое смешное – таксомобиль стоял на прежнем месте. Но болтливого водителя в нем не было.

Однажды Сварог уже угонял электромобиль. *Эта* машина отличалась от прежней лишь отсутствием первого корня: «электро». И, выходит, сложнее от такой потери она не стала. Возможно, все упростилось до полного беспредела, садись и жми педали, магия все сделает за тебя сама. Возможно...

Сварог прыгнул на водительское сиденье. Ни одного тумблера, ни одной надписи «Прогрев механизмов» не увидел. Ну и наплевать. Он двинул вперед рычаг, который, помнится, был связан с реостатом.

Ни хрена. Мотор молчал. Так, а если...

– Ага! – раздался над головой довольный возглас, затем что-то мерзко зашуршало, дробно застучало, покатилося. А горло опутало стальное, удушающее и неотвратимое – как анаконда. Да никакая, на хрен, не анаконда, а чья-то сволочная рука.

– Попался, с-сучара! – прозвучало над ухом.

Сварог узнал голос. Водитель, мать его. И как только подкрался...

Вываться из захвата не было ни единого шанса. Надо было что-то срочно изобретать.

– Я рядовой Гартош... – прохрипел Сварог первое, что пришло на ум. – Вспомни... Фронт... Юдоль... мертвые солдаты, птицы... Я... был там...

– Врешь, – выдохнул водила, но захват чуть ослабил. – Как попадетесь, так все на фронте были!

– Капрал, ты послал меня взорвать развалины Юдоли, – проговорил Сварог, стараясь не думать, как близко уже могла подобраться погоня.

СПАСИТЕЛЬ КОРОНЫ

– Это ты мог и прочитать! О нашем Кипящем Прорыве у Юдоли где только не писали!

– Ты напоил меня какой-то дрянью, спирт с жженым сахаром... Сказал: не сблюй! Сказал: награжу Алым Пятилистником, если бросишь гранаты...

Таксист снял захват так неожиданно, что Сварог едва не вывалился из кабины. Глаза водилы были по пять копеек.

– Откуда ты знаешь... Рядом ведь ни души не... Гартош? Но как ты... как ты выбрался? У-у, суки, колдунишки долбанные! – И он от души двинул ногой по борту мобиля.

Сварог быстро огляделся, растирая горло. Погоня уже появилась, причем появилась с двух сторон. Видимо, одни охранители закона неслись, как гончие, по следам детектива, другие зашли с тыла, через улицу. И что теперь?! Прочь из мобиля, бежать? Куда?! Это тело через сотню метров начнет задыхаться, а еще через пятьдесят рухнет...

– За мной гонятся! – крикнул он.

– Сидеть! – гаркнул таксист, мигом преображаясь. – Кто, эти? Абагоны трёхнутые? Ну, я их щас... Марш с моего места!

Он силой выпихал Сварога на пассажирское сиденье, плюхнулся на место водителя и воткнул жезл с маленьким желтым огоньком, плавающим внутри круглого набалдашника, в отверстие перед стеклом. На миг прикрыл глаза, сосредоточился... Мотор взвыл на повышенных оборотах. А Сварог некстати заметил, что именно там катилось и шуршало. Это водитель выпустил из рук пакет с продуктами, и тот шлепнулся за сиденьями, по полу мобиля рассыпались булочки, конфеты, яблоки и прочая дребедень.

– Ты не врешь, рядовой, – сквозь зубы процедил таксист, резво, с визгом покрышек взял с места и бросил мобиль в переулок, в сторону от погони, не обращая внимания на приказы остановиться. – Ума не приложу как, но ты выжил... Я послал тебя на смерть, а ты выжил, клянусь четырнадцатым полком! Ты там был! А они не были! По тылам жировали, мудачье! Полицейские, ха! Понабрали из всякого сброда! Половина из них «костяники», а половина «туземцы»! Ща, отдадим мы тебя, разбежались!

– С огнем играешь, – напомнил Сварог. Мобиль на повороте занесло, едва не впечатало бортом в осветительный столб. Он обернулся к заднему стеклу. Никого, лишь улетает назад дорожное полотно.

– За меня не ссы, я отбодаюсь, не впервой! Скажу придуркам, что ты приставил мне к горлу свою пушку и потребовал вести тебя на Эшт. И вообще задолбало возить всякую шелупонь! Вот возьму и подамся в Небесную Гвардию!

«Интересно, как он разглядел, что у меня в кармане револьвер?...»

– Они же видели, что ты не... -- начал Сварог.

– Эти слепые уроды не увидят даже дулю под своим носом! – заорал водила. – У меня медаль за Никушд! У меня две контузии и ранение! Чтоб меня прижали к стене какие-то вонючие абагоны! Я тебе так скажу. Я не знаю, что там у тебя за дела с ними, но раз они за тобой гонятся всей толпой, значит ты – правильный человек. Наш человек. «Гнездовой».

– Куда мы?

– А я тебя назад везу, – сообщил таксист, лихо сворачивая на оживленную улицу и ни малейшего внимания не обращая на протестующие вопли клаксонов и

СПАСИТЕЛЬ КОРОНЫ

вой тормозов. Перегрузка прижала Сварога к дверце. – К тому вонючему подвалу, откуда вы с дружкой сегодня на пару вырулили. К «Зеленой жабе». Или тебе не туда?

– Давай лучше к тому дому, где ты меня подобрал! Помнишь?

– Я все помню! – взревел таксист, как турбина, и заложил очередной вираж, которому позавидовал бы и товарищ Нестеров. – К дому, так к дому. Я помню, как мы поджарили «Буреносец»! И тебе скажу, солдат, вот что: это были наши лучшие денечки. А теперь? Дохлятина кругом. Тухлятина и дохлятина. Жару нету! Я тебе так скажу: сейчас есть только одно место, где остались «гнездовые». Небесная Гвардия!..

Сварог прикрыл глаза. В голове гудело, мелькали обрывки каких-то невнятных мыслей.

Рано или поздно личность Ирви-Лонга установят. Но даже если рано – у него есть в запасе какое-то время. Во всяком случае, времени должно хватить, чтобы добраться до тайника и выгрести из него все подчистую. Что-нибудь полезное там должно быть, не может не быть – не стал бы несчастный Лонг держать в сейфе всякий хлам. При такой работе он обязан был подстраховаться, именно на подобный случай...

МНОГО ШУМА ПО РАЗНОМУ ПОВОДУ

Сварог открыл дверь «своего» дома и тут же на миг отшатнулся. Не может быть. Ну не могли полицейские опередить его! Разве что номер такси срисовали и проследили, куда оно умчалось?.. Но тогда, по уму, полиция должна была оставить здесь засаду, а засада, по логике, должна сидеть тихо... Тогда как изнутри доносились явственные вопли. Женские.

Впрочем, вслушавшись, Сварог понял, что блюстители порядка здесь абсолютно не при чем. Неистово и самозабвенно ругались женщины. Долетало, казалось, до противоположной стороны улицы: «Шлюха!», «Сама шлюха!», «Старая жирная уродина!», «Подстилка!», «Он меня любит!», «Да ему на тебя плевать!» Что-то разбилось. Что-то покатилося с кваканьем пустого ведра. Раздался визг и звуки возни. Короче говоря, уж точно не засада. Сварог быстро захлопнул за собой дверь. Вот смеху-то будет, ежели соседи вызовут полицию... Очень хотелось проскользнуть мимо разъяренных фурий незамеченным, но сие было никак невыполнимо — женщины затеяли свару аккурат в холле возле лестни-

цы и к моменту появления на сцене Сварога азартно возили друг друга за волосы. Причем верх пока брала законная супруга – видимо, сказывалось превосходство в габаритах. Она же первой заметила муженька.

– А, явился, кобель! – Она отпустила волосы «племянницы», но перекрыла Сварогу путь на лестницу. – Ты кого здесь пригрозил, гад?!

Вот сейчас только и дела было Сварогу, что ввязываться в семейные войны, да к тому же еще и отвечать не за собственные грехи, а разгребать навороченное его сластолюбивым предшественником... Так что он попытался прибегнуть к незатейливой, но действенной военной хитрости.

– Сядем и спокойно поговорим, – он подошел к столу, отодвинул два стула. – Сейчас я все объясню...

– Ты у меня сейчас за все ответишь! – взвизгнула жена.

– У меня с собой, здесь, – не слушая, он похлопал себя по груди, – такие документы, что вы забудете обо всем! Теперь у всех у нас начнется новая, сказочно богатая жизнь. Всем хватит, всех это примирит. Давайте сядем, я вам покажу бумаги, а потом мы разберем наши маленькие неурядицы.

Женское любопытство пересилило все остальное. Растрепанные дамочки, испепеляя друг друга ненавидящими взглядами, прошли к столу и покорно уселись на отодвинутые стулья. «Да провались ты со своими бумагами!», – дала пробный залп благоверная, но выстрел пропал втуне, и она уставилась на мужа глазами бешеной коровы.

А Сварог рванул по лестнице вверх. Да, все это выглядело по-детски, но когда у тебя на хвосте висит полицейская погоня и не исключено, что ввиду особой

опасности и изворотливости преступника преследователям дано указание особо с оным преступником не церемониться, – тут уж становится не до выбора средств.

– Подлец! – раздался вдогон полный триумфа вопль прозревшей жены.

Сварог промчался по коридору, открыл кабинет, заперся изнутри. Добрался до сейфа, выдернул папки, сколько смог ухватить, сунул под мышку, выгреб бумаги из второго отделения, запихнул в карман. Некогда разбираться, отсеивая ненужные, сперва следовало убираться как можно дальше от опасного места.

В дверь заколотили, сквозь деревянную перегородку что-то требовал и чем-то угрожал визгливый голос супруги. «Нет, все же хорошис в здешнем мире заклинания на замки», – мельком подумал Сварог. Правда, все равно предстояло пройти сквозь строй женщин, никак этого не избежишь... Так, все, больше из этого дома забирать нечего. И Сварог распахнул дверь, рывкнул с порога: – Ма-алчать, дура! – перехватил занесенную для оплеухи пухлую руку, сдвинул. Поджал верхнюю губу, чтоб показались зубы, и заорал голосом десантного генерала: – Стоять! Пришибу, тварь! Забыла, кто тебя содержит? Еще раз тявкнешь на меня! На панель пойдешь!

– Ирви... – булькнула жена, резво снизив децибелы. – Ирви, ты что, милый...

Видимо, никогда допрежь она не видела *такого* супруга, и от потрясения теперича лишь беззвучно открывала-закрывала рот, как вытасченная на берег пучеглазая рыбина. Чтобы прийти в себя и нанести ответный термоядерный удар, ей потребуется некоторое вре...

Но времени, как оказалось, нет ни у кого. Внизу раздались уже до слез знакомые звуки. Внизу принялись ломать дверь, причем без всяких там предварительных стуков и просьб впустить по-хорошему. Посыпалось стекло.

– Полиция! – донесся чей-то мощный, прекрасно обходящийся без мегафонов голос. – Дом окружен!

– Что ты еще натворил?.. – драгоценная женушка без сил прислонилась к коридорной стене и вдруг стала медленно оползать на пол, как студень.

Можно было бы, конечно, присесть возле нее на корточки и подробно расписывать, что и где он натворил, но времени оставалось только на то, чтобы задействовать невидимость. А потом прорываться сквозь окружение. Конечно, бойцы уже в курсе, с кем имеют дело, наверняка встанут плотным, плечо к плечу, кольцом, а то, может, и еще какую каверзу приготовят типа почившего «третьего глаза», но выбора у Сварога не было. Он сосредоточился...

– Чего ты ждешь! – дернула его за руку «племянница». – Сейчас они будут здесь!

И поволокла его по коридору.

– Куда?! – Сварог остановился и свободной развернул служаночку лицом к себе. – Сиди здесь, ни во что не вмешивайся, ничему не удивляйся. Тебя не тронут.

– Да скорей ты! – от волнения она даже подпрыгнула, пропуская его слова мимо ушей. – Они уже в доме!

И в самом деле: судя по звукам, полиция успешно взломала дверь и проникла внутрь.

«Тьфу ты, пропасть! – Сварог мысленно ударил себя по лбу. – Потайной ход!»

– Вперед, чего стоишь! – он чуть подтолкнул «племяшку», чтоб бежала немного впереди.

Девушка подскочила к кладовке, распахнула дверь, принялась лихорадочно отбрасывать метлы и ведра из правого дальнего угла. И вскоре освободила люк. Сварог пришел ей на помощь, откинул крышку... Открылся круглый лаз, в центре которого была закреплена металлическая труба – как в пожарных командах, для скоростного спуска.

– Иди первой, – скомандовал Сварог.

«Племянница» без слов юркнула в лаз, ухватилась за трубу, скользнула вниз и скрылась в темноте. Сварог, прежде чем последовать за ней, пододвинул поближе к люку ведра, швабры и ящики. Потом бросил вниз драгоценные папки. А погоня уже грохотала в коридоре, закрывая за собой крышку, он услышал гневный бас: «Где он?!», – однако дожидаться ответа не стал. И так ясно, что скажет вторая половина.

Столь же ловко втиснуться в лаз, как у худенькой чертовки, у Сварога не получилось. Пришлось попытаться, поизвиваться, – но вот и его ноги, наконец, коснулись твердой поверхности. Откуда взялся тут этот ход и как о нем узнала «племянница», Сварог, опять же, выяснять не стал. Плевать. Драпать надо.

Драпали с максимально возможной для низкого, узкого, темного коридора скоростью, но, к счастью, ход оказался коротким. То есть, к сожалению, – хотя вряд ли стоило ожидать, что он выведет на окраину города. Ход вывел их в садовый домик, построенный перед коттеджем соседей. Еще пришлось повозиться, отодвигая всяческие грабли и совки. В щель между досками стены Сварог разглядел покинутый дом, фигурки бегущих вокруг него бойцов, крыши двух полицейских мобилей. Вот черт! Дверка садового домика была обращена точнехонько к семейному гнездышку детекти-

ва, так что в здравом уме выходить через нее не рекомендовалось. Можно, конечно, увешаться граблями и взять в руки по три ведра, -- авось, примут за садовника. Но отчего-то казалось, что не примут.

Короче. Вряд ли детектив Лонг, проложивший аварийный ход аккурат до сего места, не позаботился вынуть гвозди из двух-трех досок, не то придется отгибать доски самому. Ну-ка... Сварог потрогал доски и без труда нашел те, что висели на одном верхнем гвоздике.

Раздвинув их, Сварог и «племянница» нырнули прямо в заросли сирени... Или не сирени, а помеси сирени с какой-то чертовщиной. И хвойные иголки тут, и – ба-тюшки святы – вербные почки... Прячась за деревьями, они отбежали подальше от эпицентра полицейской операции, остановились на идиллической лужайке. Откашлялись, отдышались.

– Ты прелесть! Если б ты не предусмотрел все заранее... – и «племянница» с пылающими восторгом глазами чмокнула его в щеку. – Я тобой восхищаюсь!

– Некогда сентиментальничать, – буркнул Сварог. Поправил норовящие вывалиться из-под мышки папки «Досье». И подумал мельком, но с явным оттенком ревности: «Блин-компот, и чем это Ирви-Лонг баб-то привораживал?». – Давай определяться, подруга.

– Я с тобой, – поспешно заявила «племянница».

– «С тобой»... Со мной, вишь ты, опасно. Ты даже не знаешь, во что я вляпался.

– Мне все равно! – она топнула ножкой.

– Ну и куда ты со мной собираешься?

– А куда мне без тебя собираться?.. Тем более что значит – «куда»? К этому, Эрму-Вадло, разумеется!

– Ну-у... – неопределенно протянул Сварог. Имя точно было незнакомым.

– Ты же все время говорил, что когда под тобой загорится земля, то сможешь довериться только Эрму... и мне.

«Любопытно, а чего так опасался мой сыскарек? – подумал Сварог. – А ведь опасался определенно. Не исключал, что однажды за ним придут. Просто так потайные ходы в собственном доме не устраивают... Впрочем, когда хранишь дома столько *досье* на всяких разных, в том числе и влиятельных людей, рано или поздно земля обязана загореться под ногами».

– К Эрму, говоришь, – задумчиво проговорил Сварог.

Тут было над чем задуматься. Ни крыши над головой, ни знакомых. Ни спасительной, не раз выручавшей магии, акромья невидимости. Он один-одинешенек. И под колпаком у полиции... А ежели имеется человек, готовый помочь, не следует ли прибегнуть к этой помощи? По крайней мере, обрести временное пристанище и разузнать то, что жизненно необходимо разузнать: как добраться до бывшего города Некушда. А тем более есть все основания надеяться, что друг частного детектива – примерно того же поля ягодка и знаком с разнообразными сторонами здешней жизни и способен дать пару дельных советов, как быть.

Да, но вот вопрос: где он живет? Вряд ли адрес друга Ирви-Лонг держал среди «досье». И ежедневник с записями про слежку тоже незачем листать, слюнявя пальцы и с жадностью вчитываться в текст. Сомнительно, что там отыщется запись: «Весь день ходил по пятам за лучшим другом. Проследил за ним до самого дома по улице Блюменштрассе дом 10, кв. 15, где он живет». В голове, понятно, держал адресок господин частный детектив, где же еще. Странно, если б было поиному.

СПАСИТЕЛЬ КРОНЫ

Может, барышня знает?..

– Слушай-ка, племянница... Если нас вдруг случайно разлучат, ты сама сможешь найти дорогу к Эрму?

Она надула губки.

– Я, по-твоему, совсем дура? Как эта? Своей дорогой супруге можешь пять раз показать на дом, мимо которого проходишь, она его не запомнит... Пошли, доведу уж тебя.

...А самое смешное, что он даже не знал, как зовут лучшую подругу. Да и вообще ничего о ней не знал. Но не станешь же спрашивать: «Прости, детка, я тебя люблю, но ты не напомним свое имя?..»

КОЕ-ЧТО О ФАЛЬШИВКАХ

Лучший друг Эрм-Вадло жил всего через две улицы от дома частного детектива, так что удалось добраться быстро и без происшествий. Главное, не пришлось выходить в людные места.

Дверь распахнулась, едва Сварог потянулся, чтобы дернуть шнурок колокольчика, и на пороге возник худощавый мужик неопределенного возраста, с всклокоченными светлыми волосами, в засаленном, заляпанном краской, прожженном в нескольких местах халате.

– Так и знал, что этот переполох на улице из-за тебя, – проворчал он, размешивая пестиком в ступке некую ядовито-зеленую массу. – Ныряйте, чего уж там...

Сварог и псевдоплемянница вошли в полутемную прихожую, где их встретил запах жженной пробки. Зато в гостиной было светло и пахло намного более приятно – жасмином.

Квартирка Эрма-Вадло более всего напоминала склад забытых вещей – такой же бессистемный набор совершенно нестыкуемых друг с другом предметов.

А теперь представьте, что на этом складе проводили обыск... даже не обыск – форменный шмон, вороша, разбрасывая и распахивая вещи по углам в совершеннейшем беспорядке.

– Ну? – повернулся Эрм-Вадло к Сварогу, продолжая орудовать пестиком. – Ты во что вляпался, чучело? Я ж вижу, что вляпался. Такой серьезной и печальной твоя физиономия была всего лишь однажды – на собственной свадьбе.

– А тебе охота знать? Чем меньше знаешь, тем живее будешь.

– Как хочешь. Только учти, из дома я выхожу редко, но знаю обо всем больше других. Иногда и больше тебя.

– И... что тебе известно?

Эрм подмигнул Сварогу.

– Я ж почти целыми днями у окна сижу. И вот сегодня вижу, как полицейские мобили к твоему дому – шурх! А потом целый отряд туда же – дух-дух-дух! Я на улице, отловил пробегающего мимо одного старого приятеля по совместной службе... ну, ты понимаешь где. И спросил, с чего этот переполох?

Он замолчал.

– Ну? – уставился на него Сварог.

Эрм, продолжая орудовать пестиком, зашел так, чтобы «племянница» оказалась у него за спиной, взгляд его тут же с изменился со смешливо-благoduшного на колкий и цепкий, резко контрастирующий с шутовской внешностью. Движением глаз он спросил у Сварога: говорить ли при *этой*? И, в общем-то был прав: зачем посвящать лишних людей.

– Потом поговорим, – сказал Сварог.

Взгляд у Эрма вновь стал смешливо-благoduшным. Он повернулся сперва к девушке, потом к Сварогу:

– И как зовут твою... подругу?

«Мне тоже хочется знать». Сварог пожал плечами.

– Сам спроси. Не беспокойся, язык у нее весьма бойкий, скажу тебе по секрету. А ты мне пока дай что-нибудь промочить горло.

– Узнаю старину Ирви-Лонга! Возьми вон в том шкафу.

– Меня зовут Лиома-Эспай, – сказала «племянница», игриво склонив голову набок. – На правах друга Ирви можете звать меня просто Лиома.

– В таком случае, я просто Эрм.

Он лизнул зеленоватую массу на пестике, покатал во рту, закатив глаза к потолку, удовлетворенно кивнул.

– А что вы готовите? – спросила Лиома.

– Приворотное зелье, – на полном серьезе сказал Эрм. – Ненастоящее, разумеется. По моим сведениям, с завтрашнего дня начнется спрос в лавочках на Рваной улице. Не хотите, кстати, отведать, дети мои? Может, подействует...

Сварог тем временем положил папки на крошечное свободное местечко на столе и открыл шкафчик. Про «горло промочить» он спросил не токмо ради имиджа закоренелого выпивохи, но еще и потому, что организм действительно испытывал потребность в живительной влаге из магазина «крепкие спиртные напитки». Ай-ай-ай, а вот это не есть хорошо. С этим надо завязывать... Из батареи бутылок он выбрал ту, в которой желтела жидкость того же вида, что он прихлебывал весь сегодняшний день из фляжек. Сразу было понятно, что в этом доме церемоний можно не разводить, так что он скрутил пробку и отпил прямо из горла.

– Ну как? – прищурился, с хитрецей поинтересовался «просто Эрм».

В вопросе явно чувствовался подвох, Сварог не понял, какой именно, и честно ответил:

– Неплохо.

– А теперь глянь на этикетку.

Сварог глянул. «Эрминьок "Древесный лед". Двадцатилетней выдержки. Из личных подвалов ваффен-победителя Брокко-Ганта, город Камкас». И что, собственно? На выручку пришла племянница:

– Мамочки, неужели это эрминьок эпохи Каскада! Его же запретили!

– Что запрещено, всегда стоит уйму денег, крошка! – рассмеялся Эрм. – Только это не настоящий эрминьок.

– Как ненастоящий?

– Как и все остальное, что ты здесь видишь, исключая меня и твоего приятеля Ирви... Деточка, в этом доме ты не найдешь ни одной настоящей вещи, – с гордостью заявил Эрм-Вадло. – Ну-ка, скажи мне, что это такое?

Он наконец отпустил пестик и выдернул из залежей барахла на комодке бриллиантовое кольцо. Глаза Лиомы округлились:

– Это же... Это же кольцо госпожи Неско...

– А вот и нет! Колье Неско пока на ней, покоится в уютной ложбинке, близехонько от сердца госпожи. Но скоро, думаю, его место займет эта скромная и отнюдь не такая дорогая безделушка моего производства. Ох, как бы я не хотел быть рядом, когда госпожа Неско открывает подмену... Но я никогда не спрашиваю у своих заказчиков, для чего им то или другое, однако... делаю предположения. И, знаете, иногда они оправдываются.

– А какое у вас умение? – спросила Лиома.

– Да пустяки, не о чем говорить. А вот умение моего брата – это да! Во время инициации он получил ред-

костное умение. Дотронувшись пальцем до стенки сосуда, он может вскипятить в нем воду. В два счета кипит огромные котлы, а уж в кружках... Сейчас работает кипятильщиком на кухне в «Поющем гриффоне», в лучшем ресторане столицы. Большим человеком стал, не нам чета. Посмотрите, прелестная Лиома, на это растение, что скажете?

Он подошел к подоконнику, на котором в большом цветочном горшке росло... ну, в общем, то, что с очень большой натяжкой можно было назвать растением. Из насыпанных поверху цветочной земли мелких камней и ракушек поднимался коричневый сосновый ствол толщиной в палец, по всей длине которого были вкраплены крохотные блестящие камушки – то ли стеклянные, то ли драгоценные. От ствола карликовой сосны отходили ветви, и ни одна не повторяла другую: ветвь алоэ, карликовой березы, миниатюрный бамбуковый стебель, тонкая гибкая пупырчатая ветвь неизвестного Сварогу дерева, карликовая пальмовая, ветвь из серебра, ветви из цветного стекла... Листья переливались зеленым и красным нутряным светом. С веток свисали совершенно фантастического вида миниатюрные плоды – и не дотронувшись, нельзя было сказать, из чего они сделаны.

– Красиво, – восторженно прошептала Лиома.

– А что написано на табличке?

– Мастер Юлд-Мажэ, – прочитала Лиома табличку, приклеенную к горшку. – Где-то я слышала это имя.

– Раз вы слышали его всего лишь «где-то», значит, вы не возвращаетесь в высших сферах. Собственно, об этом я и сам догадался. А если б возвращались, так томно закатывали бы глаза при упоминании одного только имени мастера. Когда в моду вошло искусство рорике,

древесного портрета, тут же появились и модные мастера. За возможность приобрести их изделия люди из высших сфер готовы были платить огромные деньги. И я ничуть не удивился, когда однажды получил заказ изобразить что-нибудь в непередаваемом стиле мастера Юлд-Мажэ. Ну и изобразил. Но заказчик так и не явился. Подозреваю, не дошел. А я никому другому продавать не стал, себе оставил. Вот, люблюсь каждый день.

– Значит, вы зарабатываете на жизнь подделкой, – серьезно кивнула Лиома.

Эрм склонил голову в изящном поклоне. – К вашим услугам, моя прелестная госпожа. Если хотите, я изготовлю для вас в точности такое же платье, какое носит супруга Старшего Советника Президента Визари, самонадеянно полагая, что ни у кого нет даже похожего и никогда не будет. И я дам вам самую большую скидку в истории подделок.

– Ну-ка пойдем поговорим, – сказал Сварог, захлопывая папку и подходя к Эрму.

Эрм развел руками.

– У мужчин всегда найдутся дела, чаровница Лиома. Мы вас пока оставим, а вы, душевно вас прошу, ничего здесь не трогайте

Этого предупреждения Эрму показалось недостаточным, и он добавил:

– Допустим, от вашего неосторожного прикосновения с какой-нибудь вещицы поднимется страшная лиловая пыльца, она может попортить вашу красоту!

Сварог и Эрм вышли на кухню, и Сварог подумал, что более захламленных кухонь он не видел даже в самой первой, советской, жизни. – Что тебе сказал твой знакомый?

– Это который? – округлил глаза Эрм.

– Не прикидывайся. Которого ты отловил на улице, – Сварог отвинтил крышку прихваченной с собой бутылки этого... как его... эрминьока. Эрм потер подбородок.

– Да он сам мало знает. Им сказали, что совершено убийство второй значимости и будут объявлены «Кольца» до окончательной поимки. Давненько, говорит, не случалось убийств второй значимости... Давай, Лонг, рассказывай. Я же вижу, что ты сам не свой... Гляжу на тебя и удивляюсь: вроде ты, а вроде и не ты. Взгляд другой, движения, фразы... Значит, случилось что-то из ряда вон, раз тебя так перекосило. А тут еще этот переполох на улицах. Почему-то мне кажется, что это не совпадение. «Вот сволочь глазастая». Скрывать историю незадачливого частного сыщика не было никакого смысла, и Сварог рассказал о своих злоключениях, начиная со встречи с Чофо-Агайром в «Зеленой жабе». Разве что не расписывал, как глупо попался с внезапным пропаданием невидимости – дабы не будить подозрения. Эрм-Вадло слушал внимательно, не отрывая от Сварога пристального взгляда. Выслушав историю до конца, Эрм наклонил стул, скинул на пол какие-то цветастые тряпки и разложенные на них цилиндрики, сел, наклонил голову, запустил руки в шевелюру.

– Да, – сказал он. – Да. Ты часто попадал в переделки, Лонг, но такой капкан на твоей ноге еще не защелкивался. Что с тобой? Как ты не распознал, что дело тухлое? Не похоже на тебя, Лонг... Ладно. Надо думать, как выпутываться. Чофо-Агайр, Чофо-Агайр... Никогда о таком не слышал. А по твоим описаниям, человек он вроде из заметных. Держу пари, это не настоящее имя... Однако при этом он привел тебя именно к себе домой. Странно... А впрочем...

Эрм поднял голову и посмотрел на Сварога.

– Кто сказал, что к себе? Ты ж не проверял. Он мог воспользоваться стирателем. И кроме меня, в этом городе хватает людей, которые могут изготовить стиратель наложенных заклинаний. Хотя... хотя ты не видел, как он им пользовался... Но он мог сделать это заранее, мог сделать это незаметно, встав так, что ты ничего не заметил... Короче. В первую очередь надо установить, кого ты завалил. Вряд ли переполох поднялся из-за простого обывателя... Ну не ты, понятно, завалил, а те, кто подставил тебя. Я-то тебе верю, как себе, можешь не сомневаться. Я-то знаю, что на мокрое ты не пойдешь. Правда, полицию убедить в этом будет нелегко. Так. Сегодня уже поздно, но завтра я схожу кое к кому и все разведваю. Дай-ка!

Эрм забрал у Сварога бутылку и сделал внушительный глоток.

– А следы в доме этого Чофо-Агайра, все эти полосы на обоях и клочки шерсти – липа, – уверенно сказал Эрм. – Хотят не просто повесить на тебя убийство, а еще и утяжелить твою вину, указав на связь с Черной Планетой. Дескать, действуешь по внушению Тварей. В последнее время довольно часто говорили о способности Черной Планеты внушать людям всякую дрянь, так что и очень кстати будет предъявить одного внушенного. Тебя.

– Мне надо выбраться из города, – сказал Сварог. – Мне позарез надо в Некушд. Ты сумеешь помочь?

– Помочь-то сумею... вот только для тебя самое безопасное место – здесь. Этот дом, этот квартал. Мы почти в центре «Кольца», так что здесь они искать начнут в последнюю очередь. К тому же с твоей невидимостью... Словом, отсидишься здесь какое-то время, а

там видно будет. Даже в свою «Зеленую жабу», например, можешь сползать.

– В «Жабу», говоришь? – задумчиво пробормотал Сварог.

– Эй! Ты что, всерьез собрался в «Жабу»? Я же пошутил.

– В «Жабу» нет, а кое-куда поблизости заглянуть хочу. На экскурсию.

– И куда именно? Не скажешь?

– А стоит ли? Просто настала пора разобраться в некоторых глобальных вопросах.

Эрм пожал плечами.

– Темнишь. А сейчас что будем делать?

– А сейчас ты на пару с барышней сообразите нам перкусить, тогда как я пока поищу что есть интересного во-он в тех папочках на столе. Не одолжишь мне этот... стиратель?

– Так, а твой где? – удивление Эрма было сильным и неподдельным.

– Меня застали врасплох.

– Да-а, – недоверчиво протянул Эрм, – что-то ты, брат, совсем... Нет, ну дам, конечно...

Из гостиной донесся крик, и Эрм со Сварогом бросились из кухни.

– Вот всегда так! – злился на ходу Эрм. – Скольких женщин не предупреждал, чтобы ничего не трогали – ни одна не послушалась. Не выдержала. Женюсь, клянусь богами, на той, кто послушно отсидит на стуле хотя бы пять минут, ни к чему не прикоснувшись.

Лиома сидела на столе, испуганно прижав кулачки к подбородку. Внизу покачивалась, шипела, высунув раздвоенный язык, похожая на гадюку песчаного цве-

СПАСИТЕЛЬ КОРОНЫ

та змея. Эрм остановился и шумно перевел дух. Повернулся к Сварогу.

– Везучая у тебя подружка, Лонг. А змеюшка могла бы и за ногу тяпнуть, – он щелкнул пальцами, произнес что-то короткое, односложное, и змейка вдруг с дробным стуком, как горох, опала на пол. И вот уже нету никакой змейки, на полу валяются бусы: продолговатые, янтарного цвета камни на тонкой золотой нити. – Я же говорил: ничего не трогать!

– Я и не трогала, – холодно поджала губы Лиома. – Она сама.

– Ага... Сама она, видите ли, не умеет, – Эрм поднял бусы, раскрутил на пальце. – Эта штучка превращается в змею только тогда, когда ее надевают. На шею. Хреновина из арсенала теневых убийц.

– Так зачем же вы такую страшную... хреновину оставляете где попало?! – только сейчас к «племяннице», с осознанием того, от чего она находилась столь близко от ядовитого укуса, приходил доподлинный, неподдельный ужас.

– Да завалилась цацка куда-то, – виновато сказал Эрм. – Я поискал, поскал, не нашел и... и забыл. Ладно, пошли на кухню.

УРОК СУХОЙ И НУДНОЙ ИСТОРИИ

Невидимость держалась минут пять-семь. Это Сварог вывел из печального опыта в доме господина Чофо-Агайра, а потом подтвердил экспериментальным путем, тренируясь в комнатенке Эрма. А вот что Сварог пока не установил – возможно ли моментальное, так сказать, обновление невидимости. Следует как-нибудь поупражняться. Но если никто и ничто не задержит, то до двери музея невидимость должна продержаться. Обязана. До музея от дома Эрма как раз ходу и было где-то минут пять.

Лиома оставаться в доме Эрма категорически не пожелала. Попрепиравшись с нею минут десять, Сварог понял, что легче взять ее с собой, чем отговорить.

Перед взломом двери, как и положено господам домушникам, он бросил взгляд налево и направо. Никого, «пустынна улица ночная». А вот по дороге к музею им попался на углу тип, выдающий себя за пьянчужку. Но не слишком убедительно выдавал, честно-то говоря. Тип провел по Лиоме оценивающим взо-

ром, причем ему без труда удалось сфокусировать взгляд, что пьяному в подобную стельку было бы не по силам. Но на углу сей типус поджидал явно не де-вушек, поэтому не попытался ни остановить, ни ок-ликнуть незнакомку. Хотя странно: ведь полиция на-верняка уже в курсе, что из дома детектива бежали двое: подозреваемый в убийстве и его фальшивая пле-мянница...

Сварог приложил к ручке входной двери музея вы-данную Эрмом хрустальную пирамидку – тот самый стиратель. Внутри пирамидки закрутилось нечто, как червь в стакане водки, похожее на веревку с хитрыми узлами, и эти узлы на глазах разглаживались. Потом пирамидка загорелась ровным матово-белым светом, и замок едва слышно щелкнул. Сварог надавил на руч-ку – дверь открылась.

Пришло время выяснить, что произошло с миром за время его, Сварога, вынужденного отсутствия. Что стало со Щепкой и Рошалем, какие законы управляют цивилизацией магии, кто такие Твари, что за Черная Планета и «Искупитель»... в общем, много чего пред-стояло узнать. Но не в библиотеку же лезть – в три часа ночи? Музей – это и наглядно, и поучительно, и доста-точно кратко. И хотя, как показывает опыт, не всегда содержащаяся в подобных музеях информация соответ-ствует объективной действительности, но в том-то и дело, что Сварог лично участвовал если не во всех, то во многих исторических событиях революционных лет, он сумеет отличить подлинную правду от правды госу-дарственной и – сделать выводы...

Если внутри окажется сторож, Сварог пригото-вился вырубать его аккуратно, но сильно. Не пришлось: музей по ночам никем не охранялся. Свет, разумеется,

нигде и никакой не горел. Ну и не надо. Сварог позанимствовал у Эрма-Вадло потайной воровской фонарь, которого просто не могло не оказаться на том складе криминального рода вещей, какой из себя представлял дом приятеля Ирви.

Фонарь умещался в ладони и больше всего походил на прозрачную сигаретную пачку, внутри которой горит негаснущая свеча. Кроме того, что она не гасла, свеча эта, как ни верти и ни крути фонарь, всегда сохраняла вертикальное положение. Светильник сей имел еще одно ценное качество: подкручивая маленькую круглую пимпочку, можно было увеличивать яркость. Думать о том, что свет могут увидеть с улицы, слава местным богам, не приходилось – музейные окна были закрыты ставнями (и тоже, не иначе, заперты на заклинания).

Невидимость автоматически выключилась на лестнице, ведущей на второй этаж. Вырубилась аккурат на лестничном повороте, где висело огромное живописное полотно, изображающее, как гласила золоченная табличка внизу, День Провозглашения Новой Эры. Перед Императорским дворцом на картине ликовала народная толпа. Народ радостно обнимался-целовался, вверх летели шапки, сияли улыбки и так далее, все до боли знакомое. На дворцовом крыльце застыли вожди победителей. Их Сварог решил разглядеть повнимательней, даже привстал на цыпочки и прибавил свет в фонаре.

Ага, так и есть, вот одно знакомое лицо! Мар-Ки-фай, верх-советник Императора, переметнувшийся на сторону магического подполья, участник Совета под Облаками, когда Щепка наконец сбросила маску и предстала перед собравшимися в качестве вождя Визари.

Ну и? Черт побери, где она сама, где главный творец той победы? Л-любопытно... Впрочем, за тем Сварог и появился в музей ночной порой, чтобы все выяснить. Утром он прочитал на вывеске, что помимо экспозиции в музее находится архив, самое крупное в столице хранилище исторических документов, и желающие его посетить должны прийти с соответствующим разрешением, записаться у архивариуса, получить допуск, отнести его на второй этаж... ну и так далее. Так что в правила посещения архива Сварогу вчитываться не было нужды: он собирался нанести визит по собственным правилам.

Так-так. А на нижних ступенях нарисованного крыльца жалась кучка поверженных и проигравших приспешников Империи. Потрепанные, злые, и хари одна гнуснее другой. Стоп, стоп. А это не Рошаль ли будет? Похож, чертяка, но... пока уверенности нет. Себя на картине Сварог не нашел и не очень-то тому расстроился.

В общем, нечего тут заглядываться, да и Лиома нетерпеливо перетаптывается, дергает его за рукав. Картина – это всего лишь пропаганда. Штуковина идеологически верная, но исторически недостоверная. Сие нам знакомо. Ленин и субботники. Сталин в поверженном Берлине. Бодрые плечистые сталевары картинно шагают навстречу новым свершениям. Среди художников и прочих интеллигентов, лакающих из государственной кормушки, всегда находилось немало желающих отлакировать действительность за долю малую. А лучше немалую. Как говорится, во все времена и народы...

Вот как раз когда Сварог уже сделал шаг в сторону от картины, невидимость пропала.

– Никак не привыкну к этим твоим фокусам, – Лиома передернула плечами. – Будто не с человеком имею дело, а с призраком...

– Не надо о призраках в хранилище древности, – тихо сказал Сварог. – Накликаешь.

– Ты серьезно?

– А то. Вон, видишь, уже того... материализуются...

– Да ну тебя... Помнишь, когда ты меня вытащил из «Розовых слоников»? Я испугалась тебя еще больше, чем громил Порезанного Пальца... Нет, представь, с одной стороны я, еще в сценическом наряде, в этих дурацких перьях на голове, с другой – громилы, которые пугают, что если не поеду петь всю ночь напролет песни Порезанному Пальцу, то со мной будет такое, по сравнению с чем зверства Тварей с Черной Планеты покажутся детской забавой. И вдруг посередине комнаты, прямо из воздуха появляешься ты. – Лиома на мгновение прижалась в нему. -- Это было потрясающе красиво...

Сварог взял ее за руку, повел на второй этаж. Вошли в первый зал. Под их тихими шагами скрипели половицы, и звук разносился по пустому музею так же отчетливо, как удар металла об металл разносится под водой. Это немного нервировало, хотя вроде и нет тут ничего.

Масляно-желтоватый свет фонаря отражался стеклом витрин, за которыми таинственно темнели экспонаты.

– Подожди-ка, – Сварог нагнулся над витриной.

– Перстень с руки Визари, – прочитала Лиома пояснительную надпись, – присланного им в дар музею в честь пятилетия открытия.

– Интересно, – протянул Сварог.

Они говорили шепотом, хотя, наверное, необязательно было понижать голос. Однако музейная тишина сама задавала правила поведения.

– Что интересно? – спросила Лиома.

– Перстень интересный. В том смысле, что красивый.

– А по-моему, безвкусица...

Сварог тоже полагал, что так себе вещица. Интересно было другое: перстень этот на самом толстом из пальцев Визари, то есть Щепки, болтался бы, как обруч на дистрофике. Или подделка, или Щепка подарила музею перстенок с чужого пальца, или... Или это какой-нибудь волшебный перстень, который, будучи надет на любой палец, тут же облегает его, как родной? Бог весть...

По дороге в архив Сварог задержался еще один раз. В зале исторических костюмов. Нет, трико, плащи и пояса заинтересовать его, конечно, не могли. Еще вчера, можно сказать, он все это носил. Сварога заинтересовал экспонат с табличкой «Антимагический доспех». Такого он не видел и на войне. А-а, вот почему! В табличке на этот счет имелось пояснение.

Оказывается, изготовлен он был лишь в самом конце войны и в военных действиях не использовался. Доспех состоял из округлой кирасы, к которой снизу крепились пять горизонтальных рядов скрепленных между собою пластин. Все из черненого серебра. Наручи из ромбовидных пластин, нашитых на ткань, закрывают руку от основания пальцев до плеча, ноги прикрывают поножи. К доспеху прилагался и полусферический шлем, чей колпак был сделан из десятка расположенных меридиально пластин. Вместо забрала – закопченное стекло.

– Мужские игрушки, – с насмешкой проговорила стоящая позади Сварога Лиома.

– Ну и что? – пожал плечами Сварог. – У тебя свои игрушки, женские. Вон там.

Он показал рукой на вывеску «Женская и мужская мода эпохи Империи».

– Кстати, рекомендую осмотреть. Потому что чем-то тебе надо себя занять. Мы, понимаешь ли, уже пришли. Видишь табличку «Архив»? Мне туда, и лучше будет, если никто не станет отвлекать. Ах да... Фонарик-то один...

– Можешь не волноваться, у меня свой, – Лиома потянула за свисающую с шеи цепочку, достала из выреза кулон, нажала что-то, и камень в оправе кулона загорелся ярким светом.

Лиома фыркнула, резко повернулась и действительно направилась к выставке одежды. А Сварог – к архиву. Дверь с табличкой «Архив» тоже оказалась запертой заклинанием, но и в этот раз чудесная пирамидка не подвела.

Архив как архив. Полки, полки, полки. А на них – бесконечные папки.

Есть еще шкафы с ящиками, на каждом ящике – белая табличка. Вдоль одной стены тянется большой книжный шкаф.

В первую очередь Сварога интересовали вопросы, так сказать, общеисторического масштаба, и он направился к книжным полкам. Быстро отыскал нужные энциклопедии и исторические справочники, устроился на лесенке, при помощи которой достают книги с верхних полок...

В общем и целом обстояло так. Кровопролитная гражданская война закончилась пятнадцать лет назад

сокрушительным поражением сил, защищающих прежний, имперский, порядок. Собственно, все закончилось с падением Некушда, главного очага сопротивления имперских сил, хотя после этого еще какое-то время продолжались стычки, но не столь ожесточенные. К тому же силы Империи после сдачи Некушда оказались разобщенными, пропало управление из единого центра, зато появилось множество командиров мал мала меньше, каждый из которых, как водится, провозглашал себя наиглавнейшим их главных, мнил себя великим стратегом, и в результате все эти крохотные армии были быстро и успешно разбиты. Наступил мир.

Магом Визари было провозглашено, что отныне Корона становится республикой, глава ее будет выбираться достойными из числа достойных. «Обтекаемая формулировочка», – подумал Сварог. И оказался прав.

Выбирать главу Короны стал Совет.

Достойных, членами которого становились выдающиеся люди страны. А поскольку выдающийся ты или не выдающийся решать в конечном счете должен был глава Короны, то круг замыкался. Я выбираю тебя, ты выбираешь меня, и попробуй не выбери. При подобной системе не приходится сомневаться, что нынешний глава досидит на своей должности до самой смерти... Если, конечно, что-нибудь (а точнее, кто-нибудь) не приблизит наступление этой самой смерти.

Название государства новые его лидеры менять не стали. По этому поводу маг Визари произнес фразу, ставшую девизом страны на долгие годы: «Мы возьмем из прошлого все лучшее и сделаем это еще лучше».

(Кстати, Сварог в связке с магом Визари везде встречал глаголы в мужском роде: «сказал», «сделал». Что

сие означает? Маг Визари подавался народу и воспринимался народом как государственный деятель, пола не имеющий, но поскольку слово «деятель» мужского рода, то и... понятно? Некое сохранившееся революционное завихрение вроде того, что «какая я вам женщина, я – товарищ». В общем, Щепка могла выкинуть что-нибудь в этом роде.

Эх, встретиться бы со Щепкой... Ну проберешься во дворец, или где они там обитают, допустим, тебя при этом не пристрелят. Допустим, ты встретишься со Щепкой и, допустим, даже сумеешь убедить ее, что ты – это ты, а не какой-то Ирви-Лонг. Даже сработай все эти допущения, то что ты ей скажешь? «Твое задание я выполнял, но тут, видишь ли, такая петрушка началась... Сколько, говоришь, прошло? Пятнадцать лет?! Ай-яй-ай... А еще каких-нибудь поручений нет?» Э-хе-хе...)

Как водится, победившие ввели собственное летоисчисление, где за отправную точку был принят год победы над врагом. Как водится, взялись налаживать новую жизнь. И жизнь эта от прежней во внешних своих проявлениях отличалась существенно.

Электричество стало ненужным. Его полностью отовсюду вытеснила магия.

Магия стала обеспечивать все потребности государства. И происходило это следующим образом. Каждый взрослый гражданин Короны наделялся магической способностью или – *умением*. Одним предоставляли возможность *создавать* булки, другим – *производить* сапоги, третьим разрешалось левитировать, двадцать восьмых учили, как завести мобиль и кататься на нем, не тратя ни капли бензина, ни вольты, так сказать, электроэнергии. Мобили вообще работали хрен поймешь

на какой энергии... Короче говоря, были охвачены все человеческие потребности.

Наделением занимался Совет Достойных, все члены которого были магами высших ступеней постижения. Гражданин получал право на *умение*, когда достигал восемнадцатилетнего возраста – обряд магической инициации обставлялся весьма пышно, в нем принимали участие все Достойные. Молодые люди приходили на прием во Дворец Республики (бывший императорский), их по одному заводили в Комнату Наделения, где маги высшей ступени вкладывали в иницируемых ту способность, какую выбирал для них Совет Достойных.

Кстати, женщины права на магические способности были лишены. И это Сварога удивило. Чтобы Визари так обошлась с представителями собственного пола! А как же женская солидарность, в конце-то концов? Но потом Сварога вдруг осенило. Женщина, как ни крути, всегда остается женщиной. И втайне, неосознанно, на уровне древних инстинктов ненавидит своих конкуренток. Особенно когда конкурентки все сплошь молодые и привлекательные, а ты, несмотря на всю свою магическую силу, увы, с каждым днем все старше...

Также с магией была связана и система поощрения граждан. За большие заслуги перед отечеством или какой-нибудь подвиг человек награждался дополнительным *умением*, что подтверждалось сертификатом.

Сертификат выдавался на каждую способность и заверялся Министерством по контролю за магическими способностями при Совете Достойных, чем-то, как уяснил Сварог, вроде налоговой службы. Некоторые

магические умения были запрещены для всеобщего использования. Такие методики, как убийство или управление погодой допускались к производству только специальными службами, сотрудники которых давали клятву о неразглашении. Кстати, *умение* становиться невидимым, которым владел частный детектив Ирви-Лонг, было одним из запрещенных к общему использованию, так что Ирви серьезно рисковал здоровьем, ибо проступок этот чаще всего карался смертной казнью. Полицейские же, в свою очередь, в зависимости от подразделения, обладали такими возможностями, как временный паралич граждан, или в сотни раз ускоренные реакции, или столь хорошо знакомым Сва-рогу умением видеть в кромешной темноте, – словом, всем тем, что могло способствовать в охране правопорядка.

В последние годы законодательно было закреплено право на наследование умения. Если достигший совершеннолетия гражданин выражал желание перенять отцовскую магическую способность, то от нее добровольно и искренне вначале должен был отказаться в пользу сына отец (чтобы не возникал переизбыток людей одной профессии), а потом уже происходило наделение этим *умением* сына.

Кстати, о переизбытке. При Совете Достойных существовало Министерство учета и планирования, которое как раз таки и занималось выяснением общественной потребности в том или ином ремесле. Например, если булочников на данный момент было завалишь и булки черствели на прилавках, никем не покупаемые, то какое-то время в новых булочников не производили. А если, наоборот, обнаруживалась нехватка, скажем, целителей, то сей профессией наделяли большее чис-

ло иницилируемых. Главной задачей этого Министерства, разумеется, был среднесрочный и долгосрочный прогнозы: Сколько и кого не хватать будет завтра, а с кем, наоборот, завтра выйдет перебор.

Но все равно переизбыток людей одного ремесла случался довольно часто.

(Предположим, в расчете на тысячу граждан один человек производится в булочники, а он заваливает своими булками аж пять тысяч сограждан. И булки у него сограждане отчего-то покупают охотнее, чем у его конкурентов в соседних городских кварталах. Как быть? Одной из форм борьбы с этим был введенный год назад Закон о дроблении умений. То есть вместо одного, допустим, булочника, теперь наделяют *раздробленными умениями* пятерых: умением заквашивать тесто, умением кипятить воду, умением печь и так далее. Считалось, что раздробленные умения можно при переизбытке применять и в других ремеслах. Как понял Сварог, закон еще находится в стадии испытания жизнью и не ясно, будет ли от него польза или вред...)

Ну а одной из форм наказания за проступки перед обществом стало лишение магического умения. Кстати, таких людей проживало в Короне немало. Кроме лишенцев это были и переселенцы, и гастарбайтеры из протекторатов. Такие люди занимались черновой работой, на которую умения не выделялись и которой, в общем-то, хватало и без того: пасти скот, рыть каналы, класть кирпич, произведенный магическим способом.

Кстати, отношения с протекторатами у Короны складывались непросто. Сварог не стал вникать во все детали текущей внешней политики, но по верхам это выглядело примерно так. Корона (поскольку во главе

ее стояли люди, участвовавшие в гражданской войне) не могла простить протекторатам то, что те во время войны заняли выжидательную политику – мол, кто победит, тех мы и поддержим. Мы свою кровь за магию проливали, а они хотят на все готовенькое – пафос был такой. Поэтому магической силой с протекторатами не делились и выходцы из них, перебравшиеся в Корону, могли получить какое-нибудь *умение* только за очень большие заслуги перед государством. Или за долгие годы честного труда во благо Короны.

Причем, сколько лет надо оттрудиться, четко не было определено, в каждом конкретном случае этот вопрос решал Совет Достойных.

Промышленность, как таковая, сошла на нет за ненужностью. Многие вещи, какими пользовались ранее, больше не производились. Например, электромобили. Считалось, что срок службы тех, что остались от Империи, бесконечен, поскольку любую устаревшую часть можно заменить созданием новой посредством магии. Так зачем производить мобиль целиком? Поэтому даже столица была наводнена обшарпанными, ржавыми машинами. Ездят – и ладно, а новый кузов денег стоит. И чего мы будем зазря их выкидывать? Вот когда провалимся в дыру в кузове, тогда и пойдем к человеку редкого ремесла – производителю новых мобильных корпусов, заплатим ему немалые денежки...

Кстати, о денежках. В обращении появились новые, только банкноты, без монет, и только под названием «корона». Гриффоны и иже с ними сошли на нет. На новых деньгах был нанесен слой магической защиты, позволяющий при необходимости выявлять тех, чьи руки касались купюр. Подделать такие деньги считалось невозможным. Но... естественно, подделывали.

СПАСИТЕЛЬ КОРОНЫ

«Одного такого умельца я знаю. Наверняка и деньгами балуется – при его страсти ко всему ненастоящему», – подумал Сварог.

Стали хиреть отрасли науки, так или иначе не связанные с магией.

Зачем, например, изучать анатомию человека, когда можно вылечить этого человека заговором? Зачем, скажем, изучать электродинамику, когда само электричество стало ненужным?

А десять лет назад появилась Черная Планета.

УРОК ИСТОРИИ 2

Строго говоря, сама планета ниоткуда не появлялась, как крутилась по своей орбите, так и продолжала. Хотя сперва все же появились чудовища. Твари. И тут же было заявлено с самого верхнего государственного верха, что сие есть происки Черной Планеты. «И откуда же они так сразу узнали?» – подумал Сварог. Как бы то ни было, а узнали. Может, существовал колдовской способ проникновения в суть вещей. Или способ магическим образом приближать планеты к глазам и рассматривать их. И узнали граждане Короны о Черной Планете немало.

Например, что там проживают Антилюди, которые некогда стали сожительствоать со зверями (в самом что ни на есть половом смысле), и от тех, с позволения сказать, союзов стали появляться на свет Твари. И Тварей стало столь много в той земле, что им понадобились новые земли и новая пища, а питались они, как не трудно догадаться, исключительно человечинкой. Антилюди, наблюдая переизбыток Тварей, которые стали досажать и им самим, изыскали способ магическим образом

отправлять их сюда, на Гаранд. Пока что им удастся запузыривать лишь отдельных особей, видимо, самых мерзких даже по параметрам Черной Планеты. Но в ближайшем будущем Антилюди надеются наладить постоянный коридор, по которому Твари хлынут на Гаранд несчислимым потоком. И единственный способ предотвратить это нашествие – первыми нанести удар.

Для чего и задуман был проект «Искупитель».

На одной из пустошей вблизи разрушенного города Некушд начато строительство межпланетного корабля, призванный доставить на Черную Планету босвой элитный отряд Небесная Гвардия, которая и расправится с Антилюдьми и Тварями...

Насколько понял Сварог, при магическом образе жизни у людей стало катастрофически много свободного времени. Например, какой-нибудь портной за один день наделает из воздуха штанов на месяц вперед, и чем ему этот месяц заниматься? Поэтому такой проект как «Искупитель» случился как нельзя кстати. И вся Черная Планета с ее чудовищами случилась как нельзя кстати. Есть чем занять свободных людей, есть на что пересветить избыток энергии сограждан (который при известном повороте может ведь обратиться и против власть предержащих), есть чем отвлечь от проблем текущего дня.

Очень удобная история про Черные Планеты, Антилюдей и Тварей, чтобы Сварог вот так вот взял и в нее сходу поверил. Появились у него, знаете ли, серьезные сомнения во всем этом. С другой стороны, это лишь догадки, фактов нет, поэтому оставим вопрос открытым.

Итак, в общем и целом Сварог представление о новейшей истории Короны получил. Теперь хотелось бы некоторых уточнений. За уточнениями он обратился к

архивным полкам и быстро – благо тут все было представлено по алфавитному порядку – отыскал папку с надписью «Некушд».

И он нашел в этой папке, что хотел. Информацию о монастыре Ожидающих.

Официальные отчеты, допросы, еще раз допросы, рассказы очевидцев, рассказы со слов очевидцев, интендантские ведомости, из которых тоже можно было кое-что выудить.

Сварог узнал, что произошло в тот день, когда он переступил порог монастыря. Что произошло после того, как он... *ушел*. Сухие строчки протоколов Сварог дополнил воображением, основанном на знании реалий и психологии знакомых ему людей.

...Гор Рошаль остался снаружи. Когда прошли все сроки, мастер охранитель забеспокоился и предпринял попытку войти в бункер. Ему не открыли. Не открывали, наплевав на все угрозы. Тогда Гор Рошаль попытался вскрыть дверь. Тщетно. И он отправился за подмогой, а главное, – он отправился за технической поддержкой. Несколько часов спустя начался серьезный, массированный штурм монастыря. Или, что вернее, взлом монастыря. Какая техника или взрывчатка при этом использовалась, Сварог из бумаг так и не понял.

Впрочем, ничего удивительного. Когда штурмом руководил Рошаль, следовало ожидать, что все подробности будут самым тщательным образом засекречены.

Но что засекретить не удалось, а может, и не пытался никто, так это результат штурма. В результате внутри монастыря жажнул мощный взрыв. Бетонный бункер провалился, засыпав вход и похоронив всех находившихся в тот момент в подземной обители.

Вот такая, блин, история с географией...

Е-мое, а как же тело? Как мое тело?! Праматерь утверждала, что со Свароговой *оболочкой* ничего не случится, даже если сверху рухнут горы... Это все прекрасно, но вот как теперь прикажете добираться до него, ежели подземелье завалено?

Уф, ну и дела...

А Рошаль? Что с ним?

Неутомимый контрразведчик возглавил оборону Некушда, но после гибели «Буреносца» и разгрома отрядов обороны Империи следы его затерялись. По всем документам, до которых смог добраться Сварог, верховитель Рошаль числился пропавшим без вести. В девяноста девяти случаях подобная формулировка означала, что человек погиб. А если учесть, что прошло пятнадцать лет и пропавший не объявился, то этот процент вероятности повышался до девяноста девяти целых девяноста девяти сотых...

Итак, до Щепки добраться трудно, а главное, добраться незачем. Рошаль погиб. К кому еще из бывших влиятельных людей, с кем Сварог был знаком, он мог обратиться с просьбой? К Мар-Кифаю.

Про Мар-Кифая он ничего, ни в одном справочнике, ни в одной папке не нашел. А ведь не последним человеком был... Это кое-что Сварогу сильно напоминало. Например, хрущевские годы. Когда отовсюду изымались упоминания о попавшем во враги народа, из учебников истории выдирались соответствующие страницы, в книгах вымарывались любые упоминания об одиозных личностях.

Да, ребята...

В попытке найти еще какую-нибудь зацепку, Сварог обратился к геральдическому справочнику...

– Ты еще не превратился в книжного червя?

Он обернулся.

Лиома. Которую он сперва даже не узнал. Лиома переделалась в трико с коротким плащом и широкий пояс. Ну ясно – позаимствовала с выставки.

– Ты знаешь, сколько времени прошло?

– Сколько? – спросил Сварог.

– Скоро утро.

– Черт...

– Чего это вы уставились, господин ищейка, будто впервые видите? – спросила она лукаво.

«Ты почти права, – мог бы сказать Сварог. – Где-то близко к тому, что впервые».

– Запрещено трогать музейные экспонаты руками, – сказал Сварог строго.

– Правда? – она сделала большие наивные глаза. – А чем можно? Да не пожирайте меня глазами, хозяин, я барышня стеснительная...

Она подошла, взяла за плечи.

И он понял, что не может ничего с собой поделаться.

Свет потайного фонаря блестел в ее глазах. Сварог снял с нее плащ, отбросил в сторону. Приобнял, притянул к себе. Почувствовал вдруг мимолетный стыд, что *использует* ее влечение к другому человеку.

Но, в конце-то концов, он в некотором смысле и есть тот человек... Или просто сейчас очень хочет им быть...

– Мне почему-то кажется, – сказала она, закрывая глаза, – что у нас сейчас все впервые... Странно, да? Я даже волнуюсь. Откуда такое?

– А я волнуюсь, что не справлюсь с застежками предыдущей эпохи.

Она прыснула в кулак.

СПАСИТЕЛЬ КОРОНЫ

– Ведь это было совсем недавно, каких-то пятнадцать лет назад. Ты уже должен был ухаживать за женщинами. Или тогда просто мало упражнялся в расстегивании женских застежек?

Сварог ничего не сказал, взял ее на руки и понес из пыльного архива в музейный зал. Видимо, как обличение быта темных времен, там демонстрировалась кровать, быть может даже принадлежавшая последнему императору. Стояла кровать на пяточке, огороженной с четырех сторон плюшевыми шнурами на подставках.

Вокруг были расставлены еще какие-то предметы, наверное, из дворца неудачливого правителя Короны: электроподсвечники, кресло с высокой спинкой, сундук... А кровать была застелена постельным бельем синего шелка, которое вместо узоров украшали гербы Короны.

На фанаре имелась петля из прочного шнура, за нее Сварог повесил потайной фанарь на одну из деревянных шишек, какими была украшена кроватная спинка. Прикрутил свет фанарика, превратив его в «ночник».

От одежд они освободились в два счета. И чужое тело в этот момент он ощущал как свое, и тело это делало то, что совпадало с велением его души.

Он вошел в нее нежно и неспешно, он сжимал ее плечи, она царапала его руки...

Ее последний самый громкий и продолжительный стон и его самый сильный выдох совпали.

– Ты сегодня какой-то другой, – выдохнула она счастливо, – но это так прекрасно...

– Жаль, что уже утро, – сказал он.

Утро. А наследующую ночь у него запланирован визит к одному любопытному господину, который, при правильном к нему подходе, способен решить некоторые немаловажные проблемы Сварога.

В ПАСТИ СЕНТИМЕНТАЛЬНОГО ЛЬВА

...С виду это было ничем не примечательное одноэтажное каменное строение, одно из десятков, доживающих свой век в не самом престижном районе столицы. А говоря точнее, на самой окраине, терпеливо и, судя по всему, покамест безрезультатно ожидающей очереди на снос, реконструкцию и застройку жилищами новыми, современными, оборудованными по последнему слову тех... пардон, магии – в виде волшебных унитазов и колдовских посудомоек.

Сварог отпустил такси за три квартала до цели и оставшееся расстояние преодолел пешком. Быстро смеркалось, и многочисленные граффити на обшарпанных стенах домов начали светиться разноцветным фосфорным светом, переливаться, а некоторые, черт бы эту магию побрал, даже шевелиться, когда Сварог проходил мимо. Где-то в переулке кто-то кому-то сосредоточенно лупил морду, прижав избиваемого к забору, однако экзекуция проходила в полной тишине, молчали оба, раздавались лишь смачные удары да сопение поединщиков. Трущобы, ни дать ни взять. Гарлем. На вся-

кий случай Сварог переложил револьвер из внутреннего кармана в боковой – мало ли какие хулиганы попросят закурить. Тут уж воплем: «Милиция, убивают!!!», не отделаешься, а если оные хулиганы вдобавок ко всему владеют парой-тройкой запрещенных закланий, то и никакие боевые навыки не спасут. Тем более, что навыков тела Ирви-Лонга он не знал – судя по набитым костяшкам на пальцах рук, детектив, в случае чего, мог отмахаться от одного-трех безоружных противников, но проверять это на практике как-то не тянуло. А без привычных колдовских способностей Сварог чувствовал себя уже не просто голым – он чувствовал себя инвалидом без костылей...

Шаровидных уличных светильников здесь практически не было, пустынная улица тонула в полумгле, разгоняемой лишь тусклым светом из окон пока еще обитаемых халуп. А свет, между прочим, горел далеко не в каждом доме, и когда он добрался до искомого адреса, стемнело уже окончательно. Неподдалску от номера восемьдесят четыре Сварог остановился – там, тень была погуще, – и задумчиво оглядел небольшое, однако ж зело мрачное сооружение темно-красного кирпича за покрытой лишайником каменной оградой, построенное наверняка еще во времена Империи, и наводящее на мысль о потайных склепах и неупокоенных призраках. Вроде здесь. Мобиль Гиль-Донара поблизости не видать, ну да не такой ведь он идиот, чтобы светить свою машину в подобном-то районе. Хотя, с другой стороны, полицейскому появляться в подобном районе, и без охраны – это как раз таки и надо быть круглым идиотом... Над головой мерцали звезды, образуя, ясное дело, совершенно незнакомые созвездия.

Задуманное Сварогом не было ни авантюрой, ни безумием – это было чистой воды самоубийством. Однако ничего другого ему не оставалось! В комнатенке Эрма он просидел всю ночь, мысленно прикидывая и так, и эдак, раскладывая в голове пасьянс из возможных вариантов, пытаясь отыскать выход из ловушки. Пасьянс не получался. Старик Эрм и милая простушка Лиома могли, конечно, спрятать Ирви на неопределенно долгий срок, но... Но – и что, господа? Сколько он должен, как говаривали сицилианские мафиози, пролежать на матрасах, пока полиция не снимет облаву? Месяц? Год? А судя по тому, с каким рвением органы местного правопорядка взялись за поимку беглого детектива, на квартире Чофо-Агайра был убит не просто любовник его жены – там завалили *персону*. И в подобных случаях полиция будет рыть носом землю и месяц, и год, пока не отыщет свою сладкую косточку. Перекроет все тропки из города. Прошерстит все связи Ирви-Лонга. Поднимет на ноги агентуру в среде нелегальных магов и преступников *обыкновенных*. Предпримет, в конце концов, поиск по каким-нибудь астральным каналам – от которых настоящий Лонг, вероятно, и нашел бы способ закрыться. У настоящего Лонга наверняка имелись свои связи в криминальном мире... Да вот беда: тут не было никакого Лонга, а был лишь ни бельмеса не смыслящий в здешней жизни Сварог, которому отчего-то приспичило попасть в окрестности Некушда. Так что делать нечего, выхода нет.

А, как учат самураи, если не знаешь, что делать, делай шаг вперед.

Вряд ли кто даже из самых башковитых полицейских предположит, что беглец сам полезет в клетку со львом...

Вдалеке завывала собака, другая подхватила, затем третья, и вскоре целый собачий хор затянул форменную какофоническую ораторию.

Сварог включил невидимость, огляделся – никого – перебежал дорогу и притаился за каменной оградой. Выждал немного. Тишина. Собачки умолкли. Он двинулся вдоль ограды. Если настоящий Ирви-Лонг не ошибся, где-то тут должна быть дверца во двор... Эх, хорошо бы, конечно, через ограду перемахнуть, да ведь пузо не пустит. Что ж ты, брат, спортом-то не занимался...

Ага, есть!

Сварог нашарил в темноте холодную металлическую ручку, легонько нажал. Никаких сюрпризов, дверца поддалась, открылась без скрипа. То ли прогрессивная магия еще не добралась до этих мест, то ли здесь попросту магию не жаловали.

Короткая перебежка до задней двери. Заперто, как следовало ожидать. Сварог достал нож, выщелкнул лезвие. Ну-ка, Лонг, где твоя мышечная память... Получилось даже быстрее, чем он рассчитывал: нехитрый замок негромко щелкнул, дверь открылась. Темный коридор. Слева кухня, прямо – деревянная лестница на второй этаж. Значит, нам туда дорога...

Он достал револьвер, крадучись поднялся наверх, стараясь держаться поближе к стене: любой уважающий себя вор должен знать, что возле стены даже самые разошедшиеся ступени не скрипят. А чем, милорды, мы глупее уважающего себя вора?.. Из-под второй по счету двери лился неяркий свет, но свет какой-то странный – бело-голубой, лихорадочно мерцающий. Оттуда же доносилось негромкое стрекотание, странное не менее: так тархтели допотопные швейные ма-

шинки, еще *там*, на Земле... Сварог замер, нахмурился. Хоть убейте, это было похоже на что угодно, только не на звуки любовных забав...

Эх, сколько раз подводил его детектор опасности, сколько матов Сварог на него складывал – а вот поди ж ты... Как выяснилось через мгновение, без него не обойтись.

Мерцание прекратилось, стрекотанье утихло, и светильники вспыхнули разом по всему коридору – ярко, обличающе. Он и дернуться было, но тщетно: невидимая паутина в мгновение ока оплела его плотным душным коконом, рывком приподняла над полом, сковала руки и ноги, сдавила шею...

Дверь второй по счету комнаты открылась, и на пороге возник невысокий плотный, коротко стриженный человек. Он был одет в гражданское, но Сварог тут же узнал его – снимками именно этого типа начиналось досье на Гиль-Донара, начальника полицейского управления Вардрона.

Некоторое время Гиль-Донар, склонив голову набок, разглядывал пленника, подвешенного в воздухе с револьвером наизготовку, потом сдавленным голосом сказал кому-то в комнате:

– Рут, опусти пушку. Этот зверь не хищный.

И снова повернулся к Сварогу. У него были очень светлые глаза, ясные, голубые – но не как у ребенка, а скорее, как у профессионального убийцы.

– Угадай, Ирви-Лонг, – сказал он с некоторой даже грустью, – почему через пять минут я тебя застрелю и никогда об этом не пожалею? – он достал необъятный носовой платок, с оглушительным треском высморкался, платок спрятал и, откинув полы пиджака, сунул большие пальцы под ремень. – Потому что ты незакон-

но проник в чужое владение? Не-а. Потому что ты дурак и попер напролом сквозь простейшую охранную магию? Вот еще. Или потому что узнал обо мне то, чего тебе знать не положено? Мимо... Может, потому что тебя разыскивает вся полиция города? Опять нет. Я, Ирви-Лонг, застрелю тебя, потому что ты прервал нас на самом грустном месте... И только не надо мне свистеть, что ты пришел сдаваться. Рут!

Из дверей боязливо выглянул еще один персонаж: дряхлый плешивый старикашка в засаленной шерстяной кофте сжимал в руках древнюю винтовку.

– Вы уверены, господин Гиль... – гаркнул было он, но глава полицейского управления перебил:

– Да не трясись, Рут, этот парень сам боится... Ты вот что, ты отволоки его в комнату, мы с ним побеседуем. Ровно пять минут.

– А... установка...

– Ерунда. Он уже никому ничего не скажет.

Дедок, ни слова не говоря, осторожно приблизился к Сварогу, взял за галстук и, как воздушный шарик на веревочке, потащил за собой.

Это не было смешно. Со стороны глядячи, зрелище сие было унижительным донельзя, и Сварог до хруста сжал зубы. Но... Но будем смотреть правде в глаза. Он пошел ва-банк – и проиграл в первом же раунде.

...В скрупулезно составленном Ирви-Лонгом досье значилось: «Карьерист, авторитарен, умеет подчинять других ради достижения собственных целей, склонен к роскоши. С другой стороны: реалист, прагматик, объективен, решителен, к политике нейтрален, готов как на решительные шаги, так и отступить на время, если осознает, что для выполнения поставленной зада-

чи не хватает реальных возможностей, склонен к скрытой сентиментальности и ностальгии». Таков был Гиль-Донар в представлении детектива. Помимо множества познавательных и в высшей степени полезных сведений о деятельности и личной жизни начальника полицейского управления (взятки, покрывательство *своих*, незаконное использование официальных магических способностей, любовные интрижки), Сварогу попало и такое:

«Как правило, в конце каждой недели фигурант проводит вечер в доме по адресу: Бычий переулок, дом 84 (см. фото). Домовладелец: Рут-Шанто, не маг (!). Протяженность пребывания – от двух до четырех стражей. Фигурант выезжает по означенному адресу один, на личном мобиле, без охраны и сопровождения, тайно. Доподлинно установлено (см. стр. 92): жене, обслуге, детям, коллегам фигуранта о цели поездок неизвестно (оправдание: срочное служебное дело), с домовладельцем они не знакомы, такого адреса не знают. Проникнуть в дом в отсутствие хозяина не удалось: Р.-Ш. жилище практически не покидает. Наличия иных гостей в доме в момент пребывания там фигуранта установить не удалось, однако такая возможность не исключается (см. схему подходов), шторы ВСЕГДА опущены. По истечении срока пребывания фигурант возвращается в свой особняк. Обратит внимание: постоянная смена настроений. До поездки – усталость, раздражительность, озабоченность, напряжение; после – всегда (!) умиротворенность, печаль (изредка – радость), задумчивость, сентиментальность. По причине явного отсутствия контактов с иностранными разведками и криминальными структурами, – ПРЕДПОЛОЖЕНИЕ: постоянная

любовная связь на нейтральной территории. М. б., гомосексуальная. Продолжать разработку, вычислить партнера...»

И так далее. Были там еще данные на этого Рут-Шанто (бывший мелкий спекулянт), фотографии дома номер восемьдесят четыре с разных ракурсов, Гиль-Донара входящего, Гиль-Донара выходящего, схема подходов к дому и проникновения в него, было там еще много всего на начальника полиции, однако еженедельные одиночные отлучки примерного семьянина наводили на определенные соображения.

Нет, это действительно крайне любопытно! Не сама любовная связь, разумеется (пусть и протivoестественная), — кто не без греха? — а тот факт, что Гиль-Донар периодически остается вне поля зрения охраны. План Сварога был прост до примитива и нагл до безрассудства, и потому имел шансы на успех. Сварог намеревался проникнуть в означенный дом, разогнать любовников (любовника, любовницу — подчеркните нужное) по углам и лично надавить на начальника полиции — либо убедив в его, Лонга, невиновности и заставив отозвать загонщиков, либо предъявив компромат и... и тоже заставив отозвать загонщиков.

А что еще оставалось делать?! Прятаться по углам и «малинам»? Сдаться властям, уповая на объективное расследование? Пробиваться на аудиенцию к Визари? Бред еще больший. А время-то уходило! Время текло сквозь пальцы, как песок. День ушел на изготовление факсимильной копии избранных глав досье. Два он потратил на слежку за домом номер восемьдесят четыре.

Но Сварог ошибся. Гиль-Донар оказался, ко всему прочему, еще и хитер, предусмотрителен и осторожен.

Впрочем, справедливости ради следует заметить, что ошибался и Ирви-Лонг.

...Он сидел в одном из двух находящихся в комнате кресел. Мягком, просторном, удобном – в нем очень хорошо было, устроившись с комфортом, расслабиться, отдохнуть вечером от трудов праведных. И Сварог расслабился бы, да вот беда: запястья его были надежно прикручены к подлокотникам, обитым бархатом. В таком положении отдыхать как-то не тянуло. Второе кресло пустовало: старику Руту Гиль-Донар приказал сидеть внизу и следить за двором.

– Занятная машинка, – похвалил глава столичной полиции, изучая револьвер Лонга. – Надо же, патроны и обыкновенные, патроны и противомagicеские, предусмотрительно, весьма предусмотрительно... – Потом он положил конфискованное оружие в карман и принялся ходить из угла в угол. – Все же вы потрясающий человек, Ирви-Лонг. Умеете делать неожиданные ходы, тут вам соперников нет. Я был готов практически к любому вашему шагу, но чтоб *такое*... Давайте-ка выкладывайте, какого дьявола вам тут надо и как вы узнали про это место. Версию насчет того, что явились убить меня, оставьте при себе. Равно как и байки о том, что вы невиновны. У вас пять минут.

Сварог слушал не очень внимательно. Он смотрел на стену за спиной Гиль-Дорана – стену, затянутую белой тканью. На этой ткани дрожало застывшее черное-белое изображение: полуобнаженная красавица в позе Данаи раскинулась на роскошной кровати, установленной посреди мрачного подземелья, на ее смазливеньком личике застыл испуг. А позади кресла раскорячился на треноге самый настоящий проекционный аппа-

рат, старинный, бобинный – он-то и выдавал изображение на стену. Хотя – почему старинный... Вдоль же других стен возвышались шкафы, висели полки и стеллажи, и все до одного были набиты точно такими же бобинами. Десятками, сотнями бобин.

Гиль-Донар проследил за его взглядом и, ничуть не смутившись, по-простецки развел руками: дескать, а что тут такого?

– Ну да, «движущийся луч», – сказал он. – Ну да, из *ранешних* времен. Люблю я, понимаешь, лучевые картинки. А вы, скотина эдакая, являетесь в самый печальный момент...

Наверное, это был салон, где отдыхали одинокие или уставшие от семейной жизни мужчины. Наверное... Но Сварога очень беспокоило лицо красотки на экране. Где-то он ее уже видел!

– Ну что ж вы молчите, милейший, – участливо спросил Гиль-Донар. – У вас на все про все четыре минуты.

Он вдруг оказался перед Сварогом, наклонился, ухватившись лапищами за прикованные запястья пленника, рывкнул прямо в лицо:

– Тебя наняли, чтобы следить за мной, да? Кто? Хар-Туга? Уко-Линн? Обещали взамен свободу?

– Я не убивал тех людей, – просто сказал Сварог. – Вы будете смеяться, но я пришел как раз таки затем, чтобы сообщить сей неприятный факт.

Гиль-Донар резко отстранился, замер. Сварог почти физически ощущал, как в мозгу предводителя городской полиции идет напряженный мыслительный процесс.

– Докажи, – наконец сказал предводитель – совсем как некогда требовала у Рошалья псевдожена Келина.

И пояснил: – Без доказательств ты бы не посмел явиться ко мне.

– А вот доказательств-то у меня и нету, – обезоруживающе улыбнулся Сварог. – И именно потому посмел явиться.

– Откуда знаешь об этом доме? – быстро спросил Гиль-Донар.

Сварог несколько секунд молчал, глядя в глаза полицейскому, и наконец решился. А, ва-банк так ва-банк...

– Во внутреннем кармане пиджака, – сказал он. – Думаю, вам будет интересно.

Гиль-Донар не раздумывая полез в нему в пиджак, рывком выудил сложенные листы бумаги, просмотрел мельком, потом *вчитался*. Прошло и четыре минуты, и пять, и все десять... И за это время Сварог вспомнил, где он видел обнаженную чаровницу. На экране в синематографе, вот где, куда он и Рошаль заглянули, спасаясь от преследования Каскада.

– Ну-ну, – наконец сказал Гиль-Донар, небрежно отбрасывая страницы в угол. Листки разлетелись по полу. – Значит, опустился до шантажа, Ирви?

Он проследил за взглядом Сварога и на секунду смягчился, объяснил:

– Это Галла-Дива. Величайшая актриса прошлых лет...

– А фильм называется «В объятиях Иного Зла», – негромко добавил Сварог.

– Ты знаешь? Откуда? – удивление начальника полиции было неподдельным.

– Видел эту ленту.

– Не может быть. Она давным-давно запрещена, как порочащая магию.

– Давно и видел.

– И... тебе понравилось?

Сварог вспомнил порнографические эпизоды с участием величайшей актрисы и честно кивнул:

– Местами.

Взгляд Гиль-Донара смягчился.

Вот, оказывается, чем занимался начальник полиции каждую неделю по вечерам!

Никаких любовных связей, детектив ошибался: он смотрел старые запрещенные фильмы. И тащился. Ну надо же...

– Ты очень странный тип, Ирви-Лонг, никак не могу тебя раскусить... Ну и зачем ты решил меня шантажировать?

Сварог пожал плечами:

– Вы спросили, как я нашел этот дом – вот вам ответ. Это не шантаж, это страховка.

– И это, разумеется, копия.

– Разумеется.

– Что хочешь в обмен на оригинал?

– Чтобы вы меня выслушали.

– Ну, слушаю.

– Я никого не убивал. Меня подставили.

– Выкладывай.

Гиль-Донар уселся в соседнее кресло.

И не перебил ни разу, пока Сварог сбивчиво пересказывал подробности встречи с Чофо-Агайром и последующие за тем события.

Потом он долго молчал, и сказал наконец:

– Ну, я выслушал. Теперь чего ты хочешь?

– Если вы хоть чуть-чуть мне верите, то... Два дня свободы, – сказал Сварог. – Только два дня. Мне... мне нужно добраться до одного места.

Гиль-Донар глубоко вздохнул, потянулся куда-то за кресло и выудил точно такую же папочку, в которой Ирви-Лонг собирал компромат на него самого.

– Смешно, – сказал начальник полиции. – Я как раз сегодня решил прошерстить твоё досье и подумать, где ты можешь прятаться. Так что один – один.

– Почему же, – возразил Сварог, – а по-моему, все ещё один – ноль. Потому что ваше досье на меня грозит мне в лучшем случае отсидкой, а мое на вас – о, такой скандалчик может быть...

– Думаешь отделаться отсидкой?

Гиль-Донар раскрыл папку, дальнозорко отодвинул от лица. Прочитал вслух:

– «Предпочитает независимый образ жизни, тяготеет семьей и семейной жизнью... Скрытен, но внешне на контакт идет легко, умеет нравиться, может быстро расположить к себе собеседника... Честен, обязателен... Нелегальные умения: невидимость...» А, во, главное: «вызов призрачного убийцы».

– Что такое «призрачный убийца»?

– А ты не знаешь, чем владеешь, да? – иронически спросил Гиль-Донар. – Изволь. Есть такое умение: вызывать из Инобытия и материализовывать на короткий срок призраков. А конкретно «призрачный убийца» – это пустотное создание, полудемон, получеловек, подчиняющийся только одному приказу вызвавшего его колдуна: «Убей!». Обычно расчленяет или отрывает жертвам голову. Когтями.

«Какое полезное умение», – с тоской подумал Сварог, а вслух спросил:

– А мотив?!

Гиль-Донар посмотрел на него со странным выражением и поразмыслив достал из папки фотографию.

– Узнаешь? Думаешь, я не в курсе?

Со снимка на Сварога смотрела стройная барышня с симпатичным, но несколько кукольным личиком. Жена таинственного Чофо-Агайра. Распоротый от горла до живота труп. Начальник полиции с любопытством наблюдал за его реакцией.

– Кто это? – спросил Сварог.

– Жена твоего «Чофо-Агайра». Убитая.

– Ну и? – Сварог недоуменно поднял брови.

– Приятель, – вздохнул Гиль-Донар, – либо ты считаешь меня полным идиотом, либо у тебя самого серьезные проблемы с головой... Ладно, освежу твою память. А пока посмотри.

И он протянул Сварогу еще несколько фотографий. Фотографии, признаться, впечатляли.

Ирви-Лонг и убитая в баре – смеются, склонив головы друг к дружке; Ирви-Лонг и убитая на пороге какого-то особняка – самозабвенно целуются, причем рука детектива лежит точнехонько на ее груди, а ножка красотки с задранной до бедра юбкой обвиняет его ляжку; Ирви-Лонг и убитая в постели, в позиции, которую ни один, даже самый прожженный адвокат не сможет назвать «невинной беседой». А Гиль-Донар тем временем монотонно читал из папочки:

– «...в настоящее время имеет сексуальную связь с двумя женщинами помимо супруги: Лиомой-Тафт, бывшей танцовщицей, живет в доме объекта, выдает себя за его племянницу, и Кокто-Линой, супругой министра Внешней безопасности Короны господина Ролн-Терро».

– Фотография этого... Ролн-Терро... у вас есть? – спросил Сварог внезапно охрипшим голосом.

– Не-а, зачем, ты же с ним не спишь... – Гиль-Донар замялся. – Однако, судя по твоему описанию, именно

он представился тебе Чофо-Агайром и нанял проследить за женой. Чофо-Агайр и министр Внешней безопасности – один и тот же человек. И жена у него, стало быть, одна и та же... Была.

– Значит, это он меня и подставил!

– Н-да? А если все было не так? А если ты застукал свою подружку в объятиях другого, взревновал, в запале вызвал «убийцу» и кокнул обоих?

Да, это удар. Крыть было нечем. Ну, Ирви-Лонг, ну, кобель, ну, падла, доберусь я до тебя...

– Я этого не делал, – сказал Сварог.

– Рассказывай еще раз, – резко велел Гиль-Донар. – И со всеми подробностями. Что Чофо сказал, что ты ответил, как он на тебя посмотрел...

...Спустя десять минут начальник полиции вдруг резко встал, вышел в соседнюю комнату, но практически тут же вернулся.

– Сейчас сюда приедет один человек... Да не дергайся! Это по другому вопросу. А ты вот что... Ты узнал, кто был тем вторым, кого грохнули вместе с женушкой?

Сварог помотал головой.

– Даже не пытался...

– А еще сыщик... Дранный ты презерватив, а не детектив. Это Тон-Клагг, директор завода, который составляет вооружение для Небесной Гвардии – ребят, что собираются намылить шею Черной Планете.

– И... что?

– А то. Директор подчинялся непосредственно Ролн-Терро.

Гиль-Донар опять встал, принялся ходить по комнате. Свет из кинопроектора бросал на его лицо причудливые разноцветные блики.

– Это информация абсолютно секретная. Но я тебе скажу. Сам пока не знаю, почему... Запоминай четко, второй раз повторять не буду. Я – начальник полиции Вардрона, в мои обязанности входит и контроль за безопасностью всех жителей столицы. Включая самых высокопоставленных чиновников. Включая министра Внешней безопасности Ролн-Терро. А вот его поведение мне последнее время очень не нравится...

Промышленность как таковая, пусть и трижды секретная, Гиль-Донара не волновала абсолютно – есть кому надзирать над спецобъектами и без него. Но вот однажды, где-то с месяц назад, агентура доложила, что сугубо конфиденциальной встречи с ним ищет некий Тон-Клагг, директор как раз таки одного из секретных заводов. Директор сей был чем-то зело озабочен, места себе не находил... а потом взял и встречу отменил. По собственной инициативе.

Нельзя сказать, чтобы Гиль-Донар обеспокоился – ну отменил и отменил, но из чистого любопытства поднял дело этого Тон-Клагга. И заинтересовался. Тон-Клагг работал директором завода, выпускающим, как уже говорилось, вооружение для Небесной Гвардии. И завод этот несколько лет назад приступил к работе над жутко секретным проектом «Стеклянный дождь», вроде бы как-то связанным со звездолетом «Искупитель». «Вроде бы» – потому что никто не мог толком сказать, *как* именно он был связан. Деньги в проект вбухивались немалые, и немалые деньги оседали в карманах тех, кто поставлен бдительно следить за расходами...

Опять же: эта сторона вопроса начальника полиции вообще не касалась. Но начальник неким верхним чутьем почувствовал запах *измены*. По поводу проекта

директор отчитывался лично перед министром Внешней безопасности. Министр Внешней безопасности лично выписывал счета, связанные с расходами на «Стеклянный дождь». И никто в правительстве не знал, что это за проект. Запахло уже не изменой – отчетливо воняло иностранной разведкой. Однако силенок Гиль-Донара не хватало, чтобы прищучить министра. И докладывать о своих подозрениях *выше* он не хотел: тогда вся слава уйдет к другому. А какой начальник полиции, скажите на милость, не мечтает самолично раскрыть международный заговор?!

И тут вдруг – директор убит аккуратно после того, как он что-то собирался сообщить полиции. Убит вместе в женой своего благодетеля. Странно? Более чем.

– Есть еще две странности, – сказал Гиль-Донар.

И замолк, прислушиваясь к шуму снаружи. Кажется, подъехал мобиль, и Сварог насторожился. Но начальник полиции продолжал как ни в чем не бывало:

– Странность первая: зачем Ролн-Торро понадобилось следить за супругой? Они практически вместе не жили, Кокто-Лина была для него так называемой «светской» женой – то есть исключительно для совместного выхода в свет... А личная жизнь у каждого была своя. С чего бы это он так взревновал? И вторая странность: почему он нанял для слежки именно тебя – любовника собственной жены?..

– Подставил, я ж говорю!

– Короче, так. Предлагаю тебе сделку. В редких случаях полиции разрешено прибегать к помощи гражданского населения. Так что я отменю операцию «Кольца» не на два дня, навсегда. А за это ты... За это ты отправишься на тот завод и попытаешься выяснить, что там прогнило, почему убили Тон-Клагга. Необходимые

СПАСИТЕЛЬ КОРОНЫ

бумаги, полномочия, документы выдам. И поедешь, разумеется, не один – предоставлю тебе напарника.

На лестнице слышались шаги, в дверь постучали.

– Разрешите, господин начальник?

– Заходи, как раз о тебе говорим.

У Сварога отвисла челюсть.

В комнату вошел Монах, криминальный приятель Щепки из прошлой жизни.

Часть вторая

**СКВОЗЬ
ПРОСТРАНСТВО**

Глава 17

«ИСКУПИТЕЛЬ»

...Внизу горели десятки, а может, и сотни тысяч огней. Огни были разбросаны по огромной площади, размеры которой трудно было оценить на глаз, сравнить с чем-то, приложить к ним какие-то меры длины. Так – подумал Сварог – откуда-нибудь сверху должна была выглядеть расположившаяся на ночлег пятисоттысячная полумифическая армия Чингисхана.

Только вот вряд ли в лагере воинов Чингисхана костры полыхали бы таким ровным, и все как один, одинаковой яркости светом, вряд ли над головой кочевников тянулись бы тросы или провода, вряд ли в кочевом лагере можно было увидеть множество геометрически правильных строений – треугольных, квадратных, круглых, строений разного размера. Совсем сомнительно, чтобы степные воины плавили бы что-то в огромных котлах и оттуда взлетали вверх ослепительные, распадающиеся брызгами бело-желтые фонтаны. Вряд ли бы в степи двигались бы механизмы: затейливые, многолапые, ничуть не похожие на все знакомое Сварогу. Но главное... Главное – посре-

ди лагеря татаро-монгольской орды никогда не стояло бы... вот это самое.

А здесь, в центре исполинской строительной площадки... находилось... чему и слова сразу не подберешь. На язык просилось слово «хреновина». Но не передавало всей грандиозности, всей масштабности... Если только так: Хреновина. А выглядела эта Хреновина как забранный строительными лесами цилиндр высотой, наверное, с километр и диаметром метров триста, никак не меньше, с подвешенной к нижнему торцу полусферой чашей вниз. Полусферу тоже опутывали строительные леса, по ним сновали люди, отсюда, с высоты, кажущиеся суетливыми черными муравьями. Да и было их никак не меньше, чем обычно снует по муравейнику этих маленьких шевелливых насекомых...

Да, это был удар. Сварог не питал иллюзий, будто бы ему с легкостью удастся проникнуть в подземелье Ожидающих – где, как утверждала Праматерь, хранится, в покое и сохранности, его тело... Он думал, что проникнуть будет трудно. Но даже и не предполагал, что это будет *невозможно*.

Потому что аккурат над подземельем теперь возвышалась километровая Хреновина. Как многотонный обелиск, воздвигнутый над похороненными надеждами Сварога... Не надеждами – над могилой самого Сварога, его тела!

Но больше всего бесило не это. Больше всего бесил сам звездолет.

Снаружи космический корабль под названием «Искупитель» (а ведь это именно он, что же еще?) был ярко подсвечен направленными снизу прожекторами. Но и внутри полусфера освещалась расставленными по ее краю прожекторами не менее ярко – там, внутри испо-

линской «чаши» тоже вовсю кипела работа. Снаружи люди прилаживали новые листы обшивки, покрывали ее защитным лаком, ставили на заклепки, варили, стучали, подносили и руководили. Внутри шла работа иного рода. Внутри будущий «Искупитель» оборудовали, так сказать, всем необходимым для полета и для проживания во время одного огромного количества людей на борту – экипажа и Небесной Гвардии. Ставили переборки между будущими каютами, собирали трапы многоэтажного звездного дома; монтировали коридоры, переходы, кокпиты, люки, устанавливали совершенно непонятного назначения механизмы...

Зрелище, что и говорить, потрясало воображение. Но Сварог чувствовал, как потрясение в его душе быстро сменяется недоумением, затем подозрительностью... а теперь он не чувствовал ничего, кроме глухой ярости. Хотелось немедленно встретиться с главным конструктором... или, точнее, с главным дизайнером и вытрясти из него душу. Посмотреть хотелось, что у него в голове, узнать: верит ли сам он, что ЭТО должно взлететь? Если верит, то откуда черпает конструкторские идеи? А если *не* верит, то тем более – *откуда* он их черпает?.. А еще Сварог мельком подумал о том, что в эдакий звездолетище и вправду можно поместить если не всю армию Чингисхана вместе с лошадьми, то армию без лошадей – запросто.

– Великое зрелище для очей моих, – под влиянием момента у Монаха даже прорезалась былая лексика.

– Но насколько же величественно это чудо, должно быть, выглядит поблизости! – зачарованно прошептал кто-то из зрителей.

Восхищение грандиозностью зрелища Сварог мог вполне разделить с Монахом и с другими людьми, на-

ходящимися на обзорной площадке. А люди своих восторгов не скрывали: охали, ахали, выкрикивали лозунги самого ура-патриотического содержания, некоторые, особо чувствительные (дамочки в числе первых) плакали. Хлюпнула носом Лиома. Один из зрителей вдруг запел гимн Короны, и многие подхватили.

Да, на Сварога тоже произвело впечатление сие зрелище. Но исключительно как зрелище, как представление. А вот какое чувство Сварог никак не мог разделить со зрителями на смотровой площадке, так это радости.

Потому что с первого взгляда становилось ясным, что громадный цилиндр под названием «Искупитель» взлететь не сможет. Не то что не выйдет за пределы атмосферы – на метр над землей не поднимется! Он был способен лишь медленно и величественно завалиться на бок.

Можно было бы возразить, что магия умеет творить и не такие чудеса: вспомним хотя бы виману, вернувшуюся со звезд на Талар, автоматику которой отключила принцесса Делия, – тот аппарат, по логике и аэродинамическим параметрам, тоже вообще не должен был подняться в воздух, однако ж летал, и летал к другим планетам... В конце концов, что Сварог знает о здешней магии?

Однако этот аргумент разбивался о простой факт: циклопическая чаша на нижнем торце цилиндра была ни чем иным, как дюзой. Следовательно, у «Искупителя» имелся ракетный двигатель. Следовательно, какое-то время пути экипаж собирался идти на реактивной тяге, без всякого колдовства.

Но дело все в том, что такой двигатель не способен был вообще включиться! Сварог, конечно, не был спе-

циалистом, но примерно представлял себе, что такое газодинамические характеристики сопла, скорость истечения потока и ламинарный режим. Напрягшись, он вспомнил даже понятие «сопло Ловаля», хотя и не смог бы внятно объяснить, что оно означает... Так вот: эта дюза была изготовлена скорее на основе детского рисунка, но уж никак не по чертежам, выполненным с учетом математических расчетов. Да не в этом суть! Любой школьник поймет, что подобная конструкция летать попросту не сможет, будь она окутана хоть тремя слоями защитной магии. Где теплоизоляция? Герметичность корпуса? Стабилизаторы? Где, в конце концов, топливные баки – а для ускорителя с *такой* дюзой потребуются топливный отсек раз в двадцать больше самого корабля? Как экипаж будет маневрировать во время полета, как опускаться на чужую планету?..

А если на каждый из таких вопросов отвечать глобокомысленно: «Магия!», – то позвольте спросить: а зачем вообще тогда нужен космический корабль? Сигнали бы всю Небесную Гвардию в большой сарай, запечатали бы в защитный магический пузырь, произнесли заклинание, лишаящее веса и массы, – и нехай себе летят. Родная магия поможет... Подобное предприятие имело бы больше шансов на успех, нежели полет «Искупителя», где посредством колдовства придется затыкать миллионы дыр в чисто техническом проекте...

Вдоволь налюбовавшись зрелищем надежд сотен тысяч обывателей, паломники, а среди них Сварог, Мо-нах и Лиома покинули обзорную площадку. Их ждал долгий спуск по выбитым в скале ступеням, отполированным миллионами ног предыдущих паломников.

Потом предстояла поездка на фуникулере. (Судя по ржавости его механизмов, фуникулер был родом из *ранешней* эпохи. Значит, откуда-то его сюда перевезли. Вот было бы смешно, если б это оказалась та самая «канатка», на которой Сварог некогда имел милую беседу с бойцами из спецотряда «пауков»!) Потом – извилистый путь по узкоколейке, в вагончике типа шахтерского... Короче, в город они попадут уже глубокой ночью.

А прибыли они в Город на Заре (именно так он официально именовался на картах и в справочниках) во второй половине дня, ближе к вечеру, и немедленно направились в горы, на обзорную площадку. Поступи они иначе – и могли бы привлечь к себе чье-то ненужное внимание: ведь они выдавали себя за паломников, а все паломники, сойдя с поезда, сразу же отправляются в горы, за тем они сюда и едут. Собственно, за тем же сюда приехал и Сварог – посмотреть, как ни глупо это звучит, на место, где под слоем земли и бетона похоронено его тело. Проверить, как туда можно проникнуть. И, в общем-то, туда проникнуть. То есть Сварог в любом случае настоял бы на незамедлительной поездке в горы, однако настаивать не потребовалось. Монах, во-первых, понимал, что ночью идти на завод резона нет никакого, а во-вторых, Монаху и самому было интересно взглянуть на знаменитый «Искупитель». Лиоме же было все равно, но...

«Племянница», с ее преданностью Сварогу... то есть к предшественнику – да, она могла стать проблемой. В первую очередь для себя самой. Нельзя сказать, что ее решимость следовать по пятам за детективом Сварога напрягала или тяготила... но ведь, господи, мы ж не на увеселительной прогулке. На завод она, конечно, не пойдет, будет сидеть в гостинице как миленькая, одна-

ко кто знает, как все может обернуться. Она может стать обузой, если придется *действовать*.

Итак, Сварог все, что хотел, увидел. И от увиденного ему сделалось паршиво. Эта дура под названием «Искупитель» на месте монастыря Ожидающих! Что и говорить, место выбрано удачное для подобной стройплощадки, но Сварог-то тут причем, скажите на милость?! Ему надо туда, под землю, его там ждут! А поскольку звездолет шестнадцатью своими опорами вокруг чудовищного сопла упирался даже не в землю, а в толстенную бетонную подушку, то задача проникновения в монастырский бункер усложнялась многократно. И Сварог даже отдаленно не представлял себе, как можно решить эту задачу. Ну проникнет он на космодром, ну доберется до звездолета... и что? Долбить бетон киркой? Бред. Тем более, если сам магическими способностями практически не обладаешь. Тем более если обвинение в двойном убийстве с тебя еще не снято – так, на время отложено под сукно. Да, граждане присяжные заседатели, неоткуда взяться оптимизму, ну вот хоть режьте, а неоткуда...

В общем, вернулся Сварог в Город на Заре в самых растрепанных чувствах.

«Ладно, – решил он. – Разведку провели, завтра с Монахом скатаемся на завод Тон-Клагга, осмотримся там, а потом и думать будем...»

Город на Заре сей появился на картах лишь семь лет назад, когда родился проект «Искупитель». Сперва это были сборные домики, где жили первые работяги, готовящие площадку под строительство. Потом появились первый Храм и первый трактир. Потом появились второй трактир и первый публичный дом. Чуть погода –

третий трактир и первый банк. А бурный рост всего и вся начался, когда вокруг города стали вырастать цеха: сталеплавильные, прокатные, токарные, механосборочные, деревообрабатывающие, столярные и еще черте какие – и все для нужд «Искупителя». А рабочим нужно где-то жить, где-то хранить свои сбережения, после трудового дня нужно где-то пропустить чарку-другую... рабочим нужны были женщины, а женщинам, в свою очередь, – магазины, портные, шляпники, кондитеры, ювелиры.

А вот подлинное процветание Города на Заре началось, когда сюда хлынул поток паломников. Конечно, не ради процветания Города на Заре заманивали сюда любопытствующих гостей, а исключительно ради пропаганды. Переполненные восторгом туристы, возвращаясь домой, взалхлеб рассказывали об увиденном сперва всем встречным поперечным, а потом уже – домашним и соседям. И одно дело, когда люди о чем-то читают в газетах, и совсем другое, когда ты сам или даже пусть твой сосед видят это что-то воочию. Сразу начинаешь верить безоговорочно.

А тут еще в город в немалом количестве потянулись добровольцы, желающие записаться в Небесную Гвардию. Сварог полагал, что мэром здешнего города (хотя он зовется, понятно, как-нибудь по-другому, но дело в сути) был оборотистый человек с хорошими связями в столице, он и пролоббировал, чтобы зачисление в десант производили в Городе на Заре, а не где-нибудь еще. Здесь, в Городе, соискатели должны проходить медкомиссию, здесь они подвергаются испытаниям, сюда счастливчики, зачисленные в Небесную Гвардию, приезжают на тренировочные сборы. А лишние люди в городе – лишние деньги в городскую казну.

Довольно скоро число гостиниц в городе сравнялось с числом питейных заведений и грозило в ближайшее время превысить их. По числу гостиниц Город на Заре бесспорно в Короне лидировал. Сварог подумал, что гостиниц здесь столько, сколько в другом известном населенном пункте было парикмахерских и погребальных контор.

Сварог сотоварищи остановились в гостинице «Каменная роза», записавшись, разумеется, туристами. После содержательной поездки на гору сразу отправляться по койкам не хотелось никому, и всей компанией они направились в подвальчик, расположенный напротив гостиницы. Народу было -- битком, официанта прождать можно было до утра, и Сварог направился к стойке, сделал заказ там (холодное мясо, вино, хлеб) и в ожидании, когда на поднос поставят все заказанное, присел на вертящийся стул...

И практически тут же тяжелая длань легла на его плечо, рывком развернула.

– О ты где! – перед ним стоял, расставив толстые ноги, некий квадратных очертаний человек с квадратным же багровым лицом, и смотрел на Сварога с радостным удивлением. – Не, ну надо же, о где я тебя нашел! Не ожидал, не ожидал...

Крепыш был абсолютно незнаком Сварогу.

– О! Не признал! – довольно хохотнул краснолицый. И вдруг стал само участие. – Ага, пять лет прошло... А я помню! Как ты выследил и донес хозяину. Забыл, да? А меня, между прочим, обвинили в перепродаже нелегальных заклинаний, лишили умения, чуть на Эшт из-за тебя не загремел! Ну, это ниче, это я те щас живо напомним...

Он ласково так, с некоторым даже наслаждением, взял Сварога за грудки, потянул на себя...

Спустя секунду его изогнуло, скрючило в три погибели. Сидевшие и стоявшие рядом посетители заведения мгновенно отхлынули в стороны, чтобы не попасть под шальной удар.

– Слушай, орел, – мирно сказал Сварог, нависая над согнувшимся почти до пола телом, – может, не будем, а? Может, сойдемся на том, что ты обознался? Ты же видишь, мы кушаем...

– Пусти... с-сука... – прохрипел квадратный.

– Ты ведь обознался?

– Да!..

Сварог для пущей остротки ткнул его двумя пальцами в болевую точку под локтем, а потом руку разжал, выпустил выворачиваемый большой палец незнакомца. Незнакомец рухнул на колени. А из-за столика уже поднимался Монах, уже пер на выручку, раздвигая толпу как ледокол... Сварог помахал ему: мол, все в порядке... И удар невидимого молота под диафрагму швырнул его спиной на стойку. Воздух застрял в легких. Посыпались стаканы, что-то протестующее заорал бармен...

Ничего еще не закончилось, квадратный и не думал сдаваться. Он уже поднялся на ноги и теперь стоял перед Сварогом, опустив руки, но если бы Сварог сумел включить магическое зрение, то увидел бы, что у краснорожего появились руки дополнительные – здоровенные, полупрозрачные, растущие из живота, больше похожие на щупальца, и одна из этих рук нацеливается Сварогу аккурат в левую скулу.

Но Сварог, увы, не мог этого видеть...

На полпути к его лицу летящий призрачный кулак перехватили, выкрутили. Квадратный взвыл, обернул-

ся и, получив сочный хук в подбородок, в очередной раз повалился на пол, теперь уже надолго.

– Вот это да, вот это жизнь! Слушай, солдат, я смотрю, где ты, там всегда дьявольски весело!

Сварог тряхнул головой, восстанавливая дыхалку. Черт бы подрал эту магию...

– Спасибо, – только и сказал он.

– Да о чем речь! – воскликнул Таксист – тот самый, который помог ему уйти от полиции возле дома мнимого Чофо-Агайра, – и повернулся к толпе, гаркнул: – Ну? Есть тут дружки этого уроды, желающие поквитаться за приятеля? Нету? Жаль, я только разогреться начал!

Сварог отлепился от стойки, потрогал объемистый свой живот. Вроде ничего не отбито, и на том спасибо...

Налетел Монах, за ним попевала Лиома.

– Бесовское место! – с ходу заявил напарник, сжимаемая и разжимая кулаки. – Заблудшие души!

– Ты что тут делаешь? – спросил Сварог у Таксиста. Тот смущенно потер нижнюю челюсть.

– Да, понимаешь, вечером налетели – номер мобилы, оказывается, срисовали, твари, – ну, отловили меня, промурыжили всю ночь в участке, ни хрена не добились и отпустили – а куда деваться! Вышел я от них и со злости мобиль свой ломиком разукрасил. И, думаю, правильно сделал. Надоело до зеленых кругов мотаться по этим вонючим улицам, всяких «туземцев» возить туда-сюда за гроши... Эх, где вы фронтовые денечки! Ну, рванул сюда, записываюсь вот в Небесную Гвардию. Может, там повеселее будет. Это твои друзья?

Он показал на Монаха и Лиому, задержал взгляд на «племяннице».

– У тебя хороший вкус, солдат! Ну что, продолжим? Разворошим это болото?

– Не стоит, – покачал головой Сварог. – Мы, пожалуй, пойдем отсюда. Здесь плохо кормят.

– Нет, ну а как твои-то дела? – Таксист многозначительно подмигнул: дескать, я тебя перед друзьями не заложу, если они не в курсе твоих запуток с полицией.

– Да наладились вроде... Ладно, бывай, спасибо, что помог.

– А может, завалимся всей компанией в какое-нибудь местечко получше? Веселых домов тут много... Простите, барышня. Но что есть, то есть, а что естественно, то естественно. Такова простая солдатская мудрость.

– В следующий раз, – пообещал Сварог.

– Ну, как знаешь, если что я остановился в «Веселой козе»!

Но в «Веселую козу» Сварог так и не заглянул.

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ ДЕТЕКТИВ

Лиома оказалась молодчиной. Сначала попыталась было навязать свое общество, но когда Сварог твердо заявил, что едут они с Монахом по *делу*, тут же отстала и даже с вопросами больше не лезла. Так что на разведку они отправились вдвоем.

Завод, где командовал покойный Тон-Клагг, оказался последней станцией на этой ветке узкоколейки. Работяг, заспанных и недовольных жизнью, здесь вышло не очень много, гораздо меньше, чем на предыдущих остановках. Сварог не придал бы этому никакого значения, вовсе бы не обратил внимания, но потом он увидел заводские корпуса...

– Ну ни хрена себе... – невольно вырвалось у него.

Пока трудно было утверждать наверняка, но по площади сей гигант магической промышленности, кажется, мог посоперничать и с Запорожским металлургическим. Завод был построен в горной долине и занимал все ее пространство. Вширь. А насколько далеко уходят корпуса и цеха вдаль, с той точки, где находились Сварог и Монах, рассмотреть было не-

возможно: мешала высоченная стена. С заводской, между прочим, имеющая мало общего. Территорию завода огораживала натуральная крепостная стена, с зубцами поверху, и более того – перед ней был вырыт натуральный крепостной ров, до краев заполненный мутной зеленоватой водой. Через ров к предприятию вел мост шириной с футбольное поле, в начале которого стояла с виду ма-ахонькая будочка контрольно-пропускного пункта. Или следует говорить проходная?

– Интересно, на кой ляд тут нужен такой мост, – нахмурился Сварог, – что они по нему возят?

Монах почесал затылок.

– Гордыня обуяла главного возводителя, дай-ка, подумал, удивлю всех шириной моста.

– Слабовато, -- с сомнением покачал головой Сварог.

– А вот я тебе скажу другое: хорошо охраняют наш завод. Надежно, крепко. Вон бойницы для стрелков вдоль гребня стены, да и водица во рву явно непростая. Думаю – ядовитая, и для человека, и для металла... И это только то, что я глазом рассмотреть успел! Отсюда следует, – Монах поднял вверх палец, – что много чего и сокрытого имеется...

– Ладно, двинулись, – Сварог, не докурив, выбил трубку. – Будем надеяться; наши бумаги с бронебойными печатями прошибут любую магическую защиту завода.

– Все хотел спросить, а чем ты занимался до... полиции? – нейтрально спросил Сварог, когда они с Монахом направились в сторону контрольно-пропускной будки.

– А что? – недовольно покосился спутник.

– Да так, отношения налаживаю... Просто интересно, как люди приходят на службу в полицию. Сдается мне, у тебя была непростая биография, а?

– А у кого она нынче простая, – философски буркнул Монах.

– В самую точку, – вздохнул Сварог.

Они подошли к проходной. Или правильнее все же называть КПП?

Из полосатой неказистой будки выбрались двое – отнюдь не старички пенсионного возраста, которые станут долго, придирчиво и подслеповато, со значительным лицом разглядывать пропуска, и не юнцы студенческого возраста, подрабатывающие копейку к стипендии, которым на все глубоко плевать. Из будки выбрались ребятки серьезные, сразу видать – несущие охранную службу и за страх, и за совесть, и за хорошую денежку. По тому, как они встали, как они держались, Сварог сразу определил в этой паре старшего и младшего.

Они не перекрывали неожиданным визитерам доступ на мост, не опускали многозначительно руки к поясам (да, собственно, на поясах и не болталось никаких предметов устрашающего вида), не поигрывали дубинками. Наоборот, всем своим видом они демонстрировали, что ничего не имеют против того, чтобы визитеры проследовали дальше. Так и читалось на их лицах: ну что же вы стоите, гости дорогие, бегите же, прорывайтесь. И как-то сразу делалось ясно – эти хлопчики с преогромным удовольствием посмотрят, что будет дальше...

Монах протянул охранникам загодя заготовленные документы. Старший внимательно их изучил, видимо, не нашел к чему придраться и, похлопывая стопкой документов по ладони, изрек сакраментальное:

– Мое дело маленькое. Мое дело доложить вовремя и выполнить, что скажут. Давай, Кай! Беги к начальству, расскажи им, какие тут у нас гости.

Сварог и вправду подумал, что младшой охранник сейчас бросится по мосту. Однако названный Каем лишь прикрыл веки, расслабился, беззвучно зашевелил губами... а потом замер, чутко вслушиваясь в тишину.

Ага, система связи. Магическая, етить ее.

– Пусть идут, – сказал он наконец, открывая глаза. – Разрешили.

– Ну и ладненько. У ворот вас встретят, – старшой отдал документы Монаху.

– Стойте!

Окрик застал Сварога и Монаха, когда они уже собирались ступить на мост.

– Подождите хоть, пока защиту снимут!

Лицо старшего охранника расплылось столь хищной улыбкой, что Сварог уверился – когда-то кого-то здесь впечатляюще остановила защитная система, и охранник не мог забыть тех чарующих мгновений.

...У заводских ворот их встречала очередная парочка – в одинаковых мешковатых комбинезонах, с одинаковыми взглядами и одинаково широкие в плечах. Короче говоря, хоть мордами разные, а близнецы. Представились они работниками заводской канцелярии. Ага, щас, мы так и поверили...

Близнецы изучили бумаги не менее внимательно и тоже не нашли к чему придраться.

– Чем обязаны? – холодно спросил один.

Монах преобразился. Теперь рядом со Сварогом стоял не мелкий полицейский служака и не криминальный элемент, готовый в любой момент выхватить складень и располосовать рожу кому угодно. Теперь рядом

со Сварогом стоял высокомерный, чуть брезгливый чиновник из столицы, которому до коликов надоели тупоумные провинциалы.

– А что, соколики, из документов не ясно? – ядовито поинтересовался Монах. – Или не ждали нашего визита? Или у вас каждый день по директору убивают? «Чем обязаны»... Вы обязаны оказывать нам всяческое содействие. А *мы* обязаны провести расследование, расспросить людей, знавших покойного Тон-Клагга, осмотреть его рабочее место... Вам всю программу развлечений расписать или достаточно?

– Как вам будет угодно, – бесстрастно сказал близнец, но глаза его на мгновение сузились. – Оружие, фотографические аппараты, магические предметы?

Сварог достал револьвер, протянул близнецу, сказав: «Разрешение, кстати, имеется», – но ответа не получил. Револьвер исчез в кармане комбинезона. А в это время второй близнец уже вдумчиво водил вокруг гостей черным жезлом со светящимся навершием, отмечая вслух: «Заклинание неподвижности... заклинание невидимости... заклинание “длинное ухо”... *умение* двойника... “зеленый лист”... вызов Призрачного убийцы... блокада оружия... противодействие заговорам...» Жезл тихонько жужжал.

– На территории завода применение посторонними любой формы магии запрещено вплоть до изоляции, – пригрозил первый.

«Ого, – подумал Сварог, – это они наши возможности определяют! А я и не знал, что столько умею...»

– Да ладно, мужики, – сказал он. – Думаете, нам охота было переть сюда из столицы? Ясно же, что грохнули его из-за бабы. Так что мы не задержимся.

И они оказались на территории завода.

Завод был огромен. Чем-то он напоминал обыкновенное предприятие: разбросанные по территории корпуса разной высоты и площади, груды железяк возле корпусов, синие всполохи за грязными зарешеченными окнами – не то сварка, не то проявления магии, разъезжающие по территории грузовые мобили, люди в рабочей одежде, люди в одеждах жрецов, краны, лязг, шипение... При желании здесь можно было спрятать целую пехотную дивизию, и никто, ни одна проверочная комиссия не отыскала бы захоронку.

(Сварогу все это было, конечно, любопытно. Но не более того. Признаться, сейчас ему дела не было до каких-то там расследований. Сварог, как плохой футболист на поле, дожидался окончания тайма. И, бродя за Монахом, лишь для вида поглядывал по сторонам, задавал какие-то вопросы, а сам ломал голову над проблемой как проникнуть в подземелье бывшего монастыря.

Подкоп.

Или взрывчатка.

Ничего более дельного на ум пока не приходило. Но даже без предварительных расчетов было ясно, что взрывчатки потребуется много. До хрена ее потребуется. Даже двоекратно до хрена... Однако и целый состав тринитротолуола задачу не решит: взрыв наверняка повалит и этого нелетающего монстра, и тогда над подземельем вырастит огромный курган из обломков звездолета, пробиться сквозь который не будет вообще никакой возможности... Что еще? Бурильная установка? Растворитель бетона? Магия?..)

Зато, едва они оказались в кабинете Тон-Клагга, Сварога точно ударило что-то в спину, и он мигом про-

гнал из головы все посторонние мысли. Даже при отсутствии детектора опасности он неким верхним чутьем уловил угрозу, хотя и непонятно было, откуда она истекает... Очень уж странным оказалось рабочее место убиенного директора.

Более всего оно напоминало музей-квартиры всяческих исторических деятелей – скажем, кабинет вожды русской революции в Смольном. В таких кабинетах музейными трудягами создается впечатление, будто хозяин вот только что был тут, выскочил буквально на минутку, сейчас вернется. Вроде бы все кабинетные причиндалы на своих местах, карандаши заточены, даже исписанные листы бумаги разложены на столе – и чуть ли не сигарета в пепельнице дымится... Однако на зеленом сукне нет ни единого чернильного пятнышка, нет табачных крошек вокруг пепельницы, на настольной лампе нет следов грязных пальцев, в корзине для бумаг нет мусора, чехлы на стульях беленькие, как только что из прачечной, на столе порядок – словом, напрочь отсутствуют те самые мелочи, которые делают помещение *живым*. Вот и относительно рабочего места бывшего директора у Сварога сложилось впечатление, что это лишь декорация. Он переглянулся с Монохом.

Точно так же *стерильно* отвечали на вопросы ближайшие коллеги Тон-Клагга – замы, начальники производства, главный инженер, руководитель службы безопасности (или как там он правильно называется у *них*... в общем, начальник первого отдела). Все коллеги несли полную околесицу... Ну, вернее, не околесицу, а... А такое впечатление, что они пересказывали характеристику с места работы. Причем все – одну и ту же, хоть и разными словами. Директора уважали, к дирек-

тору прислушивались, был он суров, подчас крутоват, но справедлив, грамотный специалист... Личная жизнь? Не знаем, не интересовались. Враги? Не знаем, не интересовались. Проблемы? А у кого их нет?..

Наконец поняв, что от коллег ничего не добиться, Монах бессильно махнул рукой и прекратил пустые разговоры. Они вышли на улицу – в сопровождении все тех же молчаливых и невозмутимых, как известный робот Драмба, провожатых-близнецов. Сварог был уверен, что на этом их визит на завод окончен. Ничего подобного.

– Так, а там что? – деловито спросил Монах, показывая куда-то между корпусами.

Там возвышалось серое строение, лишенное всяческих архитектурных излишеств, габаритами сравнимое с корабль крейсерского класса. Сложенное из серого бутового камня, в зазорах кладки растет зеленый мох, узкие окна-бойницы – вылитая цитадель средневекового города. Вокруг нее тоже был вырыт ров, чуть эже крепостного, но до краев заполненный той же мутно-зеленой водой. И через этот ров тоже был перекинут мост, ровно такой же широкий, как и тот, за заводскими воротами.

– Ничего интересного, – пожал плечами близнец. – Для вас, по крайней мере. Сборка вооружения для Непобедимой Гвардии. Секретный цех.

– А можно я сам буду решать, что мне интересно, а что нет? – едко заметил Монах. – Может, ты за меня и отчет напишешь?

– Туда без специального допуска нельзя. А у вас полномочия, насколько я понимаю, не...

– Эй, парни, я не понял: вы что, препятствуете нашему расследованию, или мне показалось?

Близнецы переглянулись.

– Это не имеет отношения к вашему расследованию.

– К расследованию убийства директора любая мелочь может иметь отношение, – назидательно вставил Сварог.

– Вот именно! – подхватил Монах. – Тем более – секретный цех... А вдруг убийство связано со шпионажем? Кто у вас пропуска выписывает?!

– Министерство Внешней безопасности. Лично министр Ролн-Терро.

О-па. Он же – господин Чофо-Агайр. Но Монаха так просто было не остановить.

– Кто на заводе связан с министерством, кто отчитывается? Кроме покойного, я имею ввиду.

– Я узнаю, – сдался один из близнецов и, кивнув второму, неторопливо двинулся куда-то в сторону административных строений.

Сварог с Монахом присели на оставленную посреди площадки между цехами грузовую тележку. Оставшийся с ними сопровождающий прохаживался неподалеку.

– Не пустят ведь, – тихо сказал Сварог.

– И что с того. Зато узнаем, кто в том цеху верховодит... Зело не нравится этот цех. Мыслю я, что здесь и делают «Стеклянный дождь»... И сам завод не правится. Зело гнило тут, прав Гиль-Донар.

– Согласен, – наклонил голову Сварог. – Хотя с оборонкой всегда так, уж поверь...

Близнец вернулся быстрее, чем ожидалось, сказал хмуро:

– Господин заместитель по безопасности ждет. Он ответит на все ваши вопросы.

В сопровождении близнецов Сварог и Монах вернулись немного назад, но на этот раз здание админист-

рации обогнули с тыла и остановились перед невзрачной серой дверью с невразумительной табличкой: «Отдел подготовки».

– Прошу.

За дверью обнаружилась недлинная узкая лестница, ведущая куда-то в подвальные помещения. Здесь было сухо, тепло, светильники равномерно освещали чистый каменный пол, крашенные стены, блестящие перила лестницы.

– Многие административные помещения перенесены под землю, – объяснил один из провожатых, который именно – Сварог уже не понимал, запутался в этих парнях из ларца. – Так удобнее.

– Штаты раздувать не нужно, – проворчал Монах и стал спускаться.

Подземным коридором шли недолго – мягкая, скрадывающая шаги ковровая дорожка привела их в полукруглый зал с четырьмя лифтами по диаметру, близнец нажал кнопку одного из них. – Эй, куда это мы? – насторожился Монах.

Но было поздно. Двери всех четырех лифтов стремительно раздвинулись, исчезая в толще стен, из шахт хлынул яркий свет, и оттуда... Нет, никакие это были не шахты. Из ярко освещенных помещений за лифтовыми дверями ломанули люди в комбинезонах, с оружием, напоминающим короткоствольные автоматы; враз наводнили полукруглый зал, рассредоточились вдоль стены. Их было человек десять – бойцов-близнецов... Хоть и разного возраста и роста, разного облика, однако было в них что-то неуловимо общее, делающее похожими друг на друга.

Рука Сварога метнулась к карману... Револьвер он оставил на проходной.

– Что это значит!.. – Монах вскинул ладони над головой, растопырил пальцы, на их кончиках заплясали голубоватые огоньки...

И погасли.

И ничего больше не произошло.

Бойцы стояли неподвижно, опустив стволы автоматов... но пальцы держали на спусковых крючках.

– Вас же предупреждали, – раздался мелодичный женский голос, доносящийся, казалось, со всех сторон, – что на территории завода применение магии запрещено. На всей территории завода работают подавители магического излучения... Монах, да опусти ты руки. И не делай вид, что оскорблен столь наглым отношением к полицейскому чину... Ну, успокоились? Теперь внимание, выхожу на сцену.

Сварог и Монах обернулись.

Из дверей лифта за их спинами неспешно, с легким жужжанием выкатилось инвалидное кресло. А в нем сидел... сидела... Бляха-муха...

Монах беззвучно выругался.

Да и Сварог, признаться, растерялся в первый момент. И было от чего.

Одно можно было сказать точно: существо, восседающее в инвалидном кресле, было человеком. По крайней мере, когда-то в прошлом. Но вот что касается пола и возраста...

Блики от светильников причудливо отражались на его розовом, бугристом, поросшим редкими седыми волосенками черепе. Точнее, только на правой половине черепа – поскольку вторая половина была... нет, это был не шлем, не маска, не искусный грим. Вторая половина черепа была металлической: гладкая матовая полусфера заменила собой половину головы, от макуш-

ки до левой брови. И от этой полусферы тянулись, скрываясь где-то за спиной существа, какие-то шланги, провода, прозрачные трубочки, в которых безостановочно пузырилась, пенилась густая розоватая жидкость...

Правую сторону лица вдруг исказила судорожная гримаса, раздвинув губы в подобии улыбки и обнажив крупные белые зубы, – при этом левая сторона, изуродованная лишайником ожога, осталась неподвижной. Губы беззвучно задвигались, и откуда-то из-за кресла – из динамиков, что ли? – донесся все тот же мелодичный голос:

– Ну что, нравлюсь я тебе, Монах? Кажется, в свое время ты испытывал ко мне некие чувства...

Эта интонация, этот изгиб вывернутых губ, форма носа, блеск глаз – единственно живых, горящих на мертвом покалеченном лице...

И вдруг словно лампа зажглась перед Сварогом, высветив скрытую под уродством правду.

Он узнал существо в инвалидном кресле.

Все ж таки это была женщина. И вовсе не потому, что была одета в женское платье с глухим воротом и подолом до пят.

Сварог перевел дух и негромко сказал:

– Привет, Щепка.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Существо в кресле рассмеялось правой стороной лица, неторопливая струйка мутной слизи потекла изо рта по подбородку. Смех был похож на дребезжание.

– Щепка... – сказало оно, успокоившись... Нет, не оно. Все-таки *она*. – Давненько меня так не называли.

Правая рука женщины в кресле отпустила ручку управления, медленно, рывками поднялась к лицу, тыльной стороной ладони вытерла подбородок. Рука была в черной кожаной перчатке.

– Великий Многоуст... – потрясенно прошептал Монах. – Щепка... Ты!

– А когда в последний раз тебя называли Визари? – изо всех сил стараюсь оставаться невозмутимым, спросил Сварог.

Щепка! Япона мать, вот *это* – Щепка!..

– Визари? Визари! – кресло лихорадочно дернулось туда-сюда. – Ты-то что знаешь о Визари!..

Движение пальцами в перчатке – и стоявший сзади близнец двинул Сварога прикладом в шею. Несильно, но боль леденящей волной прокатилась вдоль позво-

ночника. Сварог пошатнулся, устоял на ногах, выпрямился и заметил вполголоса:

– Раньше ты была добрее.

«О господи...»

– Раньше? Когда это – раньше?.. Подожди, – опять едва заметное движение пальцев в сторону близнеца, вновь занесшего приклад для удара. – Мы что, были знакомы? А-а... Нет, не были. Я понимаю, – она задумалась. Кресло сделало небольшой круг по свободно-му пространству и вновь замерло. – Предатель, некогда носивший прозвище Монах, а теперь пришедший сюда под видом полицейского, рассказал обо мне. Но не мог же ты узнать меня по его словам, когда он сам не узнал... А здорово я изменилась, да, Монах?

Она опять рассмеялась этим дребезжащим смехом, от которого у Сварога все переворачивалось внутри. А особенно от этого изумрудно-зеленого платья... наде-того на чудовище.

– Я измснился еще больше, – выдавил он. – Настоль-ко, что даже Монах меня не узнал за несколько дней тесного общения. Вряд ли и ты признаешь...

– Ага, все-таки мы были знакомы, вот как... – в ее глазах появилось любопытство. – Ну и кто же ты? По-пробуй-ка меня удивить.

– Я Сварог, – сказал Сварог.

Монах сзади булькнул что-то нечленораздельное.

...На этот раз Щепка дребезжала долго. Сначала смот-рела на него несколько секунд, открыв безобразный слю-нявый рот, потом со стуком откинулась на подголовник и захохотала, со всхлипами, стонами и слезами из глаз.

Сварог почувствовал, как у него дрожат руки, и мысленно приказал себе не распускаться. Сказал спо-койно, когда смех прекратился:

– Могу доказать, что я это я.

– Ну-ка, ну-ка? – чудовище в кресле по имени Щепка подкатило поближе.

– Ночь. Камин, – сказал Сварог. Очень хотелось закрыть глаза, чтобы только не смотреть на нее, но он пересилил себя. – Шкура какого-то зверя на полу. Вино в бокалах. И очаровательная девушка. У нее две крошечные родинки на левом плече. Небольшой розовый шрам на внутренней стороне бедра...

– Молчать!!! – крик был таким громким, что зафонили динамики.

– Подожди, подожди... – она мучительно над чем-то думала, бессознательно натягивая платье на колени.

А потом вдруг усмехнулась:

– Ты был знаком с настоящим Сварогом, он тебе рассказал все... до мельчайших подробностей. До мельчайших...

– Но он не мог предвидеть все *твои* вопросы, – мягко возразил Сварог. – Спроси сама, о чем хочешь.

– Спросить... О чем хочу... – она опять задумалась. Принялась бессознательно теревить воротник платья. – Да, я спрошу тебя... А ты мне ответишь. Слушай. Замок-на-горе. Прибытие этого...

Что-то случилось. Та часть Щепкиного черепа, что не была металлической, вдруг налилась багровым румянцем. Щепка мелко задрожала, глядя на Сварога невидящими глазами, но очень быстро взяла себя в руки. Продолжала как ни в чем не бывало:

– В общем, прибытие... Мар... Кифая. Мар-Кифая, да, его. Сели за стол. Яства на столе были сотворены человеком по имени Сварог... Скажи мне, что было на столе?

– Скажу, – произнес Сварог. – Это просто. Может быть, я что-то и упущу, потому что тогда нас – ну разу-

меется, исключая Босого Медведя – еда интересовала в последнюю очередь. Нас тогда занимали вопросы отнюдь не гастрономического характера... А было на столе: штук пять блюд с жареной птицей под разнообразными соусами, куски ветчины с луком на деревянных подносах, головки сыра со слезой, пучки зелени... еще два кувшина с деревенским пивом, пузатый кофейник... И, конечно же, вино, которое изготовила Щепка.

– Ты забыл фрукты, – медленно проговорила она, глядя куда-то в сторону. – В остальном все верно, – и опять пронизывающий взгляд с кошмарного лица. – Кроме одного: ты не Сварог. Ты меньше ростом, ты изменил цвет волос, которых у тебя осталось, смотрю, совсем немного, обрел другой голос, пальцы твои короче, ступни чуть косолапы... Успехи магии огромны, но я не слышала, чтобы магия могла изменить человека столь *полно*...

– Ты права, – вздохнул Сварог, судорожно пытаясь выработать логику поведения.

Щепка, господи, это же Щепка...

– Это тело – не Сварог, – сказал он. – Сварог внутри него. Я заперт. И у меня нет ключа, чтобы выйти... Как-кая-то магия... Помнишь, мы говорили об Ордене Ожидающих?

– Помню, – прошелестели динамики.

– Так вот: он был разрушен. Его сровняли с землей, тебе известно? А я в тот момент находился внутри. Помню только белую вспышку, которая поглотила весь мир и меня вместе с ним... А потом я открыл глаза и обнаружил, что вокруг меня мирная домашняя обстановка, что я жив и даже, судя по ощущениям, здоров. А вскоре я, разумеется, обнаружил, что жив и здоров со-

всем в другом теле... Каким-то образом меня забросило на пятнадцать лет вперед и поселило вот в это тело, в тело некоего парня по имени Ирви-Лонг... Щепка, можешь мне не верить, это твое право, однако я...

– Как ты сказал? – вдруг перебила калека и выпрямилась в своем инвалидном кресле. – Ирви-Лонг?

– Именно так. Ирви-Лонг, – Сварог опять насторожился.

– Вот это тело, в котором ты находишься, – с расстановкой проговорила Щепка, словно для того, чтобы не осталось неясностей, – это тело Ирви-Лонга? Частного детектива?

– Ну... да... – осторожно сказал Сварог.

– И как давно ты его носишь, позволь спросить?

– С неделю... А откуда ты...

На этот раз Щепка смеялась так долго, что смех окончился судорожным кашлем с мокротой. Потом она, восстановив дыхание, не вытирая и даже не закрывая рот, из которого слизь стекала уже прямо на платье, сделала еще один круг на своем кресле. Левая рука ее, насколько понял Сварог, была протезом, потому как лежала на подлокотнике совершенно неподвижно. И ноги ее под платьем были совершенно неподвижны... Сварог сглотнул и отвел взгляд.

– Ну тогда все ясно, – сказала Щепка, вытирая слезы. – А я-то все думала, почему не сработал столь блестяще продуманный и столь безупречно исполненный план моего друга. А он просто не знал, с кем имеет дело! Ой, не могу... Это тебя, *тебя*, Сварога, министр Ролн-Терро пытался сделать «мешком»! Наш добрый друг Чофо-Агайр попытался поймать в ловушку – кого – Сварога! Тогда понятно, почему у него ничего не получилось...

Настала очередь челюсти Сварога отвиснуть.

– Ты знаешь об убийстве?..

Щепка посмотрела на него самодовольно:

– Более того: я сама этот план и придумала.

– Визари, слушай... – подал голос молчащий до сих пор Монах, но продолжить ему не дали.

– Не смей меня так называть!!! – опять надрывный визг – не то зашкаливших микрофонов, не то покаленной гортани.

– Хорошо, хорошо... – Сварог почувствовал, как тело детектива покрывается липким потом. – А как нам тебя называть? Щепкой?

– Щепка умерла. А я вернула себе родовое имя...

– Ахт-Логон, – вспомнил Сварог.

– Да. Зови меня так... Эй, принесите стул для господина Ирви-Лонга.

Последняя фраза была обращена к близнецам, все еще столбами застывшим у стены.

– А второго господина уведите, он мешает, – закончила Щепка. И рывкнула: – Стоять!

Крепкие руки вцепились в плечи Сварога.

– Спокойно! – сказала калека, откатываясь чуть дальше. – С нашим милым Монахом, который предал меня, предал революцию, перешел служить в Каскад, – с ним ничего не случится. *Пока* ничего не случится. Даю слово. Пока мы с тобой разговариваем, он посидит в комнате для гостей, а там я решу, что с вами делать...

Появилось небольшое креслице, а затем близнецы подхватили Монаха под локти.

– Прочь, чертово семя! – дернулся было напарник, но держали его крепко.

– Ведите, ведите, – махнула перчаткой Щепка. – И сами выматывайтесь, вы мне мешаете.

Сварог тихо сказал Монаху:

– Я тебя вытащу. Даю слово.

И повернулся к собеседнице. Монаха увели, и еще долго в полукруглом зале было слышно, как он насыляет проклятия на головы близнецов.

– Ну так и что там произошло с Ирви-Лонгом? – вкрадчиво напомнил Сварог. Надо было заболтать бывшей боевой подруге зубы, заставить разговориться, вытянуть как можно больше информации, усыпить бдительность, а уж затем...

Что затем, Сварог и сам не знал.

Щепка... то есть Ахт-Логон криво усмехнулась.

– Ничего особенного. Если не считать того, что он спутался с женой министра Ролн-Терро.

– Извини, я перебую... – тут же вставил Сварог. – Насколько я знаю, сам министр с ней не очень-то путался. Она была всего лишь, так сказать, светской женой, женой для выхода в люди.

– Какая разница! – Щепка презрительно скривила здоровую половину лица. – Эта похотливая сучка заключила с мужем деловое соглашение и обязана была его выполнять. Всего-то и требовалось, что изображать любящую супругу и не путаться с кем попало. Она не душой была, понимала, что она – супруга не булочника и не дворника, а министра, одного из самых заметных лиц в Короне. В общем, Ирви-Лонг и эта... женщина познакомились. Совершенно случайно, никто их не сводил. Просто по роду своей... деятельности ты бывал в доме, в котором бывала и эта женщина. Вы стали встречаться. Может быть, Ирви-Лонг и полагал себя великим сыщиком, считал, что раз ему открыты все секреты тайных любовных встреч, то сам он всегда сумеет замести следы. Однако их связь очень быстро от-

крылась Ролн-Терро. И тогда в голове министра сложился великолепный план, как можно одним мазком кисти нарисовать целую картину. С этим он пришел ко мне.

Сварог, очевидно, не смог сохранить лицо, потому что Щепка довольно хихикнула:

– А к кому же еще? Ролн-Терро – мой слуга. Он обязан мне своим положением министра. Только я смогу его сделать одним из правителей будущей страны. Без меня он вообще – ничто.

«Так-так-так, – подумал Сварог. – Все запутывается в еще более сложный узел...»

– Ну а в чем была главная цель этого... Ролн-Терро, Чофо-Агайра? – спросил он. – Неужели только в том, чтобы разделаться с такой незначительной фигурой как сыщик Ирви-Лонг?

– Да кому нужен этот Ирви-Лонг! – Щепка ударила кулаком по подлокотнику. – Захоти я с ним разделаться, мне хватило бы и полстражи!

«Это не Щепка, – вдруг отчетливо понял Сварог. – Что-то осталось, конечно, от той взбалмошной девицы-революционерки, но сейчас это не она. Это вообще не человек...»

Он вообще слабо понимал, зачем поддерживает этот бредовый разговор с уродцем в кресле, сидит вольготно и, точно в дрянной пародии на английский детектив, беседует об убийцах и мотивах. Взять калеку ничего не стоит, если она не врала и магические проявления на территории завода подавляются некими устройствами. Скрутить чертовку и... и там посмотрим.

Хотя, признаться, из этой беседы он узнал много интересного, Щепка ничего не скрывала – то ли хотела

выговориться, не с кем ей было поделиться знанием, то ли... То ли она Сварога уже списала в расход.

Тем не менее...

Оказалось, что у Щепки есть цель в жизни – появилась, когда десять лет назад, в результате заговора она оказалась не у дел в руководстве Монитрии и попала в плен инвалидного кресла и собственного уродства. И цель это была – отомстить обидчикам (точнее, обидчику) и вернуться в Корону на белом коне. Разогнать нынешних горлопанов у власти. Вернуть отобранный заговорщиками пост Президента. Совершить, иными словами, государственный переворот.

Для чего и был разработан план «Стеклянный дождь», родное детище Щепки, любимая ее игрушка. Поначалу в этот проект был посвящен только один человек – министр Внешней безопасности Ролн-Терро. Он курировал строительство звездолета «Искупитель», а поскольку всеми фондами и субсидиями для «Искупителя» распоряжался тоже лично он, то министр сумел сэкономить часть средств и организовать на прилегающей территории завода секретное производство со своим, закрытым для отчетности финансированием – производство, о котором в правительстве не знала ни одна живая душа. Пришлось, правда, в тонкости игры посвятить директора завода, иначе ничего не получилось бы. И вот в черте завода, поставляющего механизмы для «Искупителя», появился новый, жутко засекреченный цех. Где ковалась будущая победа Щепки над Короной. Проект «Стеклянный дождь».

Но. Тон-Клагг, директор завода, которому в будущем правительстве был обещан пост вице-президента, за последний месяц из верного сподвижника Щеп-

ки и Ролн-Терро превратился в опасного свидетеля. Он стал слишком нервным и пугливым. Чем ближе становился день завершения плана «Стеклянный дождь», тем больше он нервничал, метался, сомневался. А когда от неуравновешенности одного человека начинает зависеть судьба общего дела, этот человек должен быть устранен. До завершения плана «Стеклянный дождь» оставались считанные дни, и Щепка не хотела рисковать.

– Но зачем нужен был этот спектакль с женами и сыщиками? Почему было просто не устроить директору несчастный случай? – спросил Сварог. – Аварию на заводе, автокатастрофу, отравление...

Щепка посмотрела на него с сожалением.

– Все-таки в прошлой жизни, граф, вы были умнее... Объясняю. Когда погибает директор такого крупного производства, расследование этого происшествия проводится по высшему уровню ответственности. Если бы директор, как ты говоришь, скоропостижно скончался от укуса змеи, на следующий день на заводе не протолкнуться бы было от полиции. Другое дело – убийство на бытовой почве, на почве ревности. Все ясно и понятно, делом занимается в обычном порядке столичная полиция. Тем более когда налицо не только мотив, но и убийца... И вся задача сводится лишь к тому, чтобы этого убийцу задержать и наказать. Вот для чего понадобилась мелкая ищейка по имени Ирви-Лонг. Для роли убийцы.

– Понимаю, – кивнул Сварог. – В глазах полиции все выглядит безупречно. Заподозрив, что жена его может предаваться прелюбодениям в то время, как министр трудится во благо страны, министр Ролн-Терро нанял частного сыщика. Дело житейское, вполне объяс-

нимое. Откуда же ему было знать, что он нанимает именно любовника своей жены. Это обстоятельство вскрывается во время следствия, потому что находятся свидетели, которые видели сыщика и молодую женщину вместе, и те вели себя самым вольным образом, хотя и пытались скрыть роман.

– Такие свидетели уже нашлись, – сказала Щепка.

– Но сам сыщик внезапно обнаруживает, что вертихвостка обманывает и его тоже! В приступе ревности, в состоянии аффекта сыщик применяет свои магические боевые искусства и убивает обоих. Все гладко. И пускай преступник попробует оправдаться. Но вот чего я не понимаю... Ведь Ролн-Терро обратился с просьбой проследить за его женой, будучи уверенным, что перед ним настоящий и несомненный частный детектив Ирви-Лонг – без всякого второго дна, без всякого Сварога. Как он мог быть уверен...

– Ролн-Терро был уверен, что Ирви-Лонг не откажется от его предложения, – покачала бугристой головой Щепка. – У Ирви-Лонга не было ни одной причины для отказа. Во-первых, он хоть и уводил чужих жен, но, как и любой самец, сам не смог бы примириться с изменой. Когда он услышал от Ролн-Терро, что жена министра должна встретиться с любовником в тот день, когда сам Ирви-Лонг с ней встречаться и не собирался, то первой мыслью сыщика должна была быть: «Она и меня тоже обманывает, у нее есть кто-то еще». И он должен был удостовериться, так это или не так. «Если не так, – должен был подумать Ирви-Лонг, – то мы вместе с моей киской посмеемся над глупым мужем, нанявшим следить за своей женой ее же любовника». Во-вторых, откажись он – муж наймет другого детектива, который выследит уже его самого. И, в-последних, день-

ги. Ролн-Терро посулил хорошие деньги за работу. А у Ирви-Лонга было слишком много расходов на дом, жену, любовниц.

«Ну и сволочь ты, Ирви-Лонг», – подумал Сварог. И сказал:

– А директора завода пригласил в дом сам хозяин... – ...сказав, что им необходимо срочно встретиться по неотложному вопросу, – подхватила Щепка. – А своей жене Ролн-Терро сообщил, что вскоре должен прийти директор, но сам он вынужден отлучиться по делам, и жена, шлюха эта, мол, должна встретить директора, заняв чаепитиями и прочими разговорами до его возвращения.

– Меня... вернее, Ирви-Лонга должны были задержать на месте преступления?

– Разумеется. Чтобы улики стали вовсе неоспоримыми. Фотографический аппарат с твоими отпечатками пальцев. Способность к невидимости. Способность к вызову Призрачного убийцы. Личная заинтересованность... Но тебе удалось бежать, Сварог... Интересно, почему я не удивлена... Однако, судя по тому, что ты все же угодил в ловушку, твои магические способности тебя оставили?

Сварог молча кивнул.

Щепка опять засмеялась. Потом вдруг протянула руку в перчатке, коснулась пальцами его руки. Сварог едва не отшатнулся – ему показалось, что его трогает холодной влажной лапкой мертвая птица.

– Мы похожи с тобой, – лицо ее искривилось в пародии на улыбку. – *Мы очень похожи.* Бедный граф! Ты стал обыкновенным человеком. Как, должно быть, это тяжело!

ТОЧКИ НАД «і»

– Знаешь, я не люблю, когда меня обманывают, – доверительно сказала Щепка, поигрывая с рукоятью управления креслом. – Я помню всех, кто меня обманул, и не намерена прощать обиду. Я помню Монаха, который бросил меня в тяжелую минуту, переметнулся к моему врагу. Помню тебя, который предал меня, исчез, так и не выполнив моего задания...

– Но я...

– ...Ты не находишь, что все очень удачно складывается? Пятнадцать лет я ждала встречи и с тобой, и с Монахом – и вот вы оба сами приходите ко мне... – она переменила позу, задумчиво подперла почти лысую голову кулаком, улыбнулась чему-то своему. – Пожалуй, завтра я вас расстреляю. Всех. Ну да. И тогда мне останется отомстить только одному человеку... А может, лучше сегодня?..

– Да-а, Ахт-Логон, – бодро сказал Сварог, судорожно думая, как бы переменить тему, и чувствуя, что его позвоночник превращается в ледяной стержень паники. – Пятнадцать лет прошло! Подумать страшно...

Помнишь, как мы захватили тот корабль? А как по горам ползали? Эх, ну и изменился мир с тех пор! А ты вот так безвылазно сидишь здесь, под землей, и готовишь свержение власти? Реванш?

– Ага, – Щепка смотрела на него, наивно улыбаясь и по-детски склонив голову на бок.

– И тебе в этом помогает министр, который курирует строительство «Искупителя»?

-- Ага.

– Ага... На твоем месте я бы ему не доверял. Этот звездолет, ты знаешь...

– Знаю, – безмятежно перебила Щепка. – Он никуда не полетит. Он и не должен никуда лететь. Это строительство звездолета, пойми ты, а вовсе не звездолет. Гениально, по-моему! Это ж надо – столько материалов изводить впустую, нагнать столько людей, заставить их заниматься полной ерундой денно и нощно, в едином порыве – и только для того, чтобы занять мающиеся бездельем толпы.

– Но ведь когда-то звездолет построят, стройка не может длиться бесконечно! И что тогда?..

– А почему, собственно, построят? Читал в газетах – диверсии чуть ли не каждый день, а они замедляют и затрудняют. А когда-нибудь будет совершена не мелкая диверсия, а очень даже крупная, допустим, рухнет монтажный шар вместе с находящимися в нем людьми, рухнет на головы тех, кто будет работать внизу. И придется начинать по новой, и это «новое» опять затянется на долгие годы...

Вот оно что... Ну да, что-то такое Сварог предполагал еще там, на смотровой площадке, только не смог сформулировать. Значит, весь этот проект «Искупитель» – пустышка. Фальшивка. Вот только фальшивка

не рядовая. Не просто стекляшка вместо бриллианта, какие изготавливает некий Эрм-Вадло и ему подобные жулики средней руки, – это была фальшивка наивысшего из мыслимых размаха.

– Так, постой-ка... Значит что, значит, и Черная Планета...

– Конечно! – она рассмеялась в очередной раз. – Нет никакой Черной Планеты. Выдумка. Пугалка. Людишкам же нужно всегда с чем-нибудь сражаться? Или *за* что-нибудь. Я вот сражаюсь за власть. Ты – за возвращение. Люди – за кусок хлеба. А если они этот кусок получают даром, с помощью магии, то начинают смотреть по сторонам – с чем бы еще можно сразиться. Обычно, кстати, находят – и берутся за топоры... А тут такая цель! – построить корабль и полететь громить каких-то идиотских Тварей, которых, на самом деле, выращивают неподалеку, в пустыне. Зато натасканные бойцы из Небесной Гвардии мне очень пригодятся, когда я пойду штурмом на столицу... Ну-ну, не горячитесь, милорд, не сверкайте так глазами, вы на прицеле моих ребятков, не забываете...

– Ладно... – Сварог взял себя в руки. По крайней мере, о немедленном расстреле она думать перестала, и на том спасибо. – Значит, ты планируешь государственный переворот. Часть средств и материалов со строительства липовой ракеты уходит на подготовку этого переворота. Министр Ролн-Терро с тобой в одной связке...

– Ненадолго, – успокоила его Щепка. – Я не повторяю *прошлой ошибки*. Скоро я убью и его.

«Или он убьет тебя раньше, едва поймет, что ты свою роль уже отыграла, – подумал Сварог. – Или даже убивать не станет – кому ты будешь нужна...»

И еще он подумал с холодной ясностью:

«А вот меня она и вправду в живых оставлять не собирается. После таких откровений в живых не оставляют. Если только сам переворот не есть плод ее воображения... Но ведь и директора, и жену министра убили...»

– Слушай, – сказал он как можно мягче, – а оно тебе надо? Ты ведь уже поиграла в революцию – видишь, что получилось... В конце концов, магия победила, поздравляю, ты добилась своего...

Левый глаз Щепки начал подергиваться.

– Добилась? – прошипела она. – Вот *это* ты называешь – добилась?! Я, истинная, единственная Визари – я должна сидеть в этой дыре, пока *он* там принимает почести и пирует на моих костях? Тот, который украл у меня жизнь, славу, победу – который украл у меня *имя*?!

Нервный тик с глаза волной распространился на все лицо, жуткая маска задергалась, закривлялась...

И в самом-то деле, как это он забыл! Ведь в газетах упоминался некий Президент Визари... Значит, в Короне правит самозванец?

И Сварог догадался, кто это. Действительно, кто еще мог *так* подставить соратницу по борьбе...

– Мар-Кифай, – выдохнул он. И прикусил язык, но было поздно.

– Мразь! – завизжала Щепка, и тело ее выгнуло дугой. Из рта клочьями полетела пена. – Гниль! Падаль, ничтожество, слизняк! Он предал не только меня, он предал наше дело! Он нанес удар в спину!!!

Мар-Кифай! Верх-советник Императора и подпольщик, участник заговорщицкого «Совета под облаками», Сварог прекрасно помнил его – седовласого, высоколобого, аристократичного... Он явился в Замок-на-Горе

по магической Стежке как раз в тот момент, когда Сварог вдруг прозрел и понял, что Щепка и таинственный Визари – одно и то же лицо... Он предложил свою помощь в низложении Императора – в обмен на достойный пост в новом правительстве. Он был честен и учтив, он не скрывал, что идеи магов-подпольщиков ему на фиг не нужны, а ищет он примитивной выгоды и удовлетворения честолюбия...

Ходящими ходуном руками Щепка извлекла откуда-то из-за спинки кресла крошечный шприц и с размаху, прямо сквозь одежду, вонзила себе в бедро.

«Она сумасшедшая, – наконец вынужден был признать очевидный факт Сварог. – Она полностью, окончательно, бесповоротно сумасшедшая... Бедная девочка...»

Говорить Щепка смогла минуты через три.

...Она никогда не верила Мар-Кифаю. Она предполагала, что он вынашивает планы захвата власти, что он мечтает о единоличной диктатуре. Но думала, что сумеет опередить. За мерзавцем наблюдали неотлучно, его встречи и разговоры отслеживали, но он все же перехитрил Визари. Пригласил однажды в свой загородный особняк. С ней была охрана из вернейших и сильнейших магов, но главное, она не верила, что предатель решится нанести удар в тот момент, тогда еще не был очевиден окончательный успех, когда Визари была нужна ему – так она думала. Полагала, что до окончания войны, до полной победы над армией Вольной Республики они союзники.

Мар-Кифай и Визари зашли в кабинет, он с улыбкой обогнул стол, выдвинул ящик... Она думала, что он хочет достать бумаги. Но он включил аппаратуру...

Щепка зажмурилась и несколько секунд просидела неподвижно, молча, с закрытыми глазами. Потом снова заговорила:

– Эта была аппаратура Каскада. Именно Мар-Кифай – и я никогда не прощу себе, что не обратила на это внимания – руководил разбором архивов Каскада. Оказалось, он разбирал не только архивы, но и склады, лаборатории. Ему удалось обнаружить аппаратуру, которую только-только разработали каскадовские специалисты...

Это была подлейшая из всех разработок Каскада. Приборы работали только против магов, на иных людей не действуя. Мар-Кифай не обладал магическими способностями, ни единой, ни зачатком способностей, для него эта аппаратура была абсолютно безопасна. Меня же... Ты видишь, во что меня превратили!

...Она не помнила, как ей удалось выбить окно и выпрыгнуть в ночь. Кабинет находился на втором этаже, то ли от удара о землю, то ли в результате действия аппаратуры, но Визари потеряла сознание. Некоторым магам из ее охраны тоже удалось вырваться. Они-то и спасли предводительницу. Кто-то, пожертвовав собой, прикрывал отход тех, кто уносил ее искалеченное тело.

Пришла она в себя только в горах Сиреновой гряды. Верные люди поступили правильно, даже не попытавшись доставить ее в столицу. Мар-Кифай не мог допустить, чтобы Визари осталась в живых, это погубило бы его. Наверняка он перекрыл все дороги, ведущие в Вардрон, он был готов достать ее где угодно, даже в Совете Монитории. Но Визари увезли в горы. Что и спасло ей жизнь.

Предатель уничтожил всех ее сподвижников, всех верных людей и присвоил себе имя Визари. О, конеч-

но! Кто такой Мар-Кифай и кто такой Визари, их не сравнить, их рядом не поставить! Люди сражались за Визари, умирали с именем Визари на устах, люди связывали с Визари свою веру в будущее. Визари – это стяг, под которым шли в бой... Но почти никто не знал Визари в лицо. Почти никто не знал, что Визари – это женщина, а не мужчина. Мар-Кифай воспользовался ситуацией великолепно. Он всегда умел пользоваться ситуацией...

– Он стал магом?

– Он не стал магом, – презрительно, однако ж значительно спокойнее ответила Щепка. Перевела дух, как после стометровки, оттерла пот с правой половины лица. – Он окружил себя магами, запугал их своей аппаратурой... Мар-Кифай искал меня долго, все никак не мог поверить, что я умерла. Его люди прочесывали страну, вели магический поиск. Но где им было найти меня в Сиреневых горах! Пусть лучше найдут одну-единственную рыбу в океане. У меня были деньги, у меня были единомышленники, у меня еще оставалось влияние! Он не нашел меня. А лет через пять Мар-Кифай поверил, что настоящей Визари нет среди живых. Потому что, по его мнению, политический деятель за это время обязательно напомнил бы о себе, не смог бы не напомнить. Сейчас он спокоен, сейчас он доволен жизнью... Последние дни доволен и спокоен...

Вдруг на нее снова накатило, и она изо всех сил замолотила кулаком по подлокотнику:

– Я уничтожу его! Я раздавлю его! Сперва он увидит, как рушится выстроенный им порядок, как гибнет его незыблемая защита. А потом я размажу его, как паука!.. «Стеклянный дождь» готов, с *этим* не справится даже он!.. Ты хотел узнать, что такое «Стеклян-

ный дождь»? Идем! Я покажу тебе прямо сейчас, как я уничтожу Мар-Кифая. Я покажу тебе «Стеклянный дождь». Эй, ко мне!!!

В зале вновь нарисовались близнецы, выстроились вокруг Щепки и Сварога в каре.

– Ну что ты сидишь, – прошипела Щепка, дрожа от возбуждения, – ты не хочешь посмотреть на мой триумф? Ничто не может противостоять «Стеклянному дождю»! Шевелись, пошли, я покажу тебе, как я раздавлю этот мир!

Что ему оставалось делать? Сварог пожал плечами и подземными коридорами направился следом за инвалидной коляской.

...Оказавшись вытолкнутым на узкой решетчатой площадке метрах в двадцати от пола, Сварог посмотрел вниз... и смог только шепотом выматериться. Он подозревал, что после фальшивого звездолета и встречи с Щепкой удивить его будет непросто.

Ничуть! Для удивления еще оставалось полно места.

Вот она – тайна секретного цеха, из-за которой был убит директор Тон-Клагг. Вот он, «Стеклянный дождь», оружие возмездия Щепки. Прямо перед ним.

Подумалось вдруг: все разумные обитатели этого мира страдают гигантоманией. Подводная лодка Мины, «Буреносец», звездолет – а теперь еще и *это*.

Огромный ангар был наполнен грохотом и лязгом. Сверкала сварка. Над головой, под крышей шумно перемещались краны. А в центре... Да при чем тут центр, когда почти все пространство цеха занимал собой...

Танк. Да какой танк – стальной гигантозавр! Размёрами сравнимый с большой торпедный катер, не меньше, где-то даже элегантный в своей кажущейся *беге-*

тистости, он состоял из шести уровней-платформ, – шести исполинских «блинов», положенных друг на друга: внизу самый большой, затем поменьше, и так далее, как в детской «пирамидке»; но даже верхний, самый маленький, размером был сопоставим с... даже трудно было подобрать сравнение... сопоставим с трансформаторной будкой, наверное; и на каждой платформе – башенные пушки, надстройки, турели, пулеметные гнезда, казематы – вертящиеся, неподвижные, высокие, плоские, цилиндрические, полукруглые. И по всей высоте танка, от титанических гусениц до самой вершинной платформы, бесспорно являющейся командирской башней, окруженной решетчатой металлической оградой, по всей высоте были проложены трапы – узкие, на ширину одной ступни. Пользуясь этими лесенками, по танку ползали рабочие, откручивая, прикручивая, проверяя, налаживая, закрепляя, монтируя. Спереди, сбоку, сверху танка – короче, повсюду были установлены фары, размерами напоминающие небольшие прожектора. Когда эта гора поперет ночью, – отстраненно подумал Сварог, – то будет похожа на самоходный небоскреб... Было что-то знакомое в силуэте железного монстра, что-то подобное он уже видел когда-то. Невольно вспомнился танк, ползущий сквозь сумрак и дождь и заливающий все вокруг себя ослепительным светом прожекторов.

– Это «Буреносец», – словно прочитав его мысли, с непонятной интонацией сказала Щепка. – Тот самый, с помощью которого твой бедный друг намеревался сокрушить мою Мониторию, но... усовершенствованный.

Сварог повернулся в ее сторону – она смотрела на танк-великан влюбленным, переполненным восхищения взглядом. Такими глазами соплушки, запершись в

своих комнатках, рассматривают фотографии любимого актера или рокера, готовые отдаться ему в любой момент.

– Его оставили там, на поле боя под Некушдом. Он гнил, ржавел, разрезанный на части, вращался в земле. Потом Ролн-Терро через свои каналы добился разрешения отправить брошенную военную технику на переплавку. И его привезли сюда. Только никто и не думал уничтожать «Буреносец». Я решила перестроить его в еще более могучее, еще более неуязвимое создание. «Стеклянный дождь». Ха, знаешь, в чем была ошибка проектировщиков первого «Буреносца»? Они пытались создать совершенное оружие против магии – но без помощи магов. Мы исправили эту ошибку! И теперь в Короне нет оружия равного «Дождю». И я готова прямо сейчас, в одиночку поквитаться со всем войском Мар-Кифая...

Она смотрела на танк и бормотала, бормотала, описывала сладостные картины встающие перед ее затуманенным взором. Сварогу стало дурно, он отвернулся. Близнецы стояли поодаль и безучастно смотрели на танк. Вот, оказывается, чем они так похожи друг на друга – одинаковым выражением глаз. А точнее, полным отсутствием какого бы то ни было выражения. Пустые, холодные, бессмысленные, одинаковые зенки... Как у рыб...

– Верхом на «Дожде» мы ворвемся в мою столицу, – Щепка нервно ошупывала свое лицо, не отрывая взгляда от танка. – Мы пройдем сквозь улицы и проспекты, круша приспешников предателя, сровняем его резиденцию с землей... Ни один удар магии не страшен «Стеклянному дождю», он подавляет любые воздействия, зато сам разит направо и налево испепеляющим вол-

шебным огнем! Мар-Кифай будет убегать, да, убегать, жалкий трус, но я догоню его на моем ревущем скакуне, я раздавлю его гусеницами, вомну в грязь, потом дам задний ход и еще раз проеду по его труп, и еще! и еще!! пока его тело не будет расплющено, искромсано, пока оно не исчезнет, не перемешается с грязью, пока само не станет грязью, налипшей на траки моей сияющей машины! О, я не буду играть с ним, как играю с твоим другом, потому что твой друг – мой враг, но он враг поверженный, а значит, моя собственность, а Мар-Кифай – предатель и изменник, его я убью быстро, быстро...

Наконец она выдохлась, замолчала, тяжело дыша и роняя слюни, и только тогда Сварог, изо всех сил стараясь говорить как бы между прочим, позволил себе поинтересоваться:

– Извини, я глуп, я не понимаю... Этот мой друг, который твой враг... Это кто?..

Щепка усмехнулась.

– Конечно, ты глуп, потому что ты тоже предал меня! Все предатели будут наказаны за свою глупость... А твой друг – это тот, который оскорбил меня и объявил мне войну. Ему не удалось скрыться в колониях, я выследила его и три года назад я поймала. Я, а не Мар-Кифай...

У Сварога потемнело в глазах.

– Он... здесь?

– А где же еще! Желаете взглянуть, граф?

...Экскурсия по владениям Щепки продолжалась. Они остановились в одном из бесконечных коридоров, около двери с глазком, и глазок тут же осветился изнутри – в камере зажегся свет.

– А почему нет Монаха? – вдруг забеспокоилась Щепка. – Где Монах? Сбежал?! Приведите Монаха, я хочу, чтобы и он посмотрел!

Н-да, логика из ее слов исчезла окончательно. Жалость, которую Сварог поначалу испытывал к боевой подруге, развеивалась, как дым на ветру. Двое вертухаев бросились куда-то по коридору, трое остались в свите. «А вот ответьте-ка мне, господа ученые, – чувствуя, как откуда-то из желудка медленно поднимается клокочущая волна ярости пополам с омерзением, подумал Сварог, – как при столь очевидном, мягко говоря, помутнении рассудка эта сука умудряется командовать толпой подчиненных, строить боевую машину и всерьез рассчитывать на государственный переворот?»

Наконец привели Монаха – растрепанного, недоумевающего, злого.

– В очередь, господа, в очередь на просмотр познавательного сюжета, – Щепка прыснула и издевательским жестом пригласила Сварога смотреть первым.

Сварог, сжав зубы, зная уже, что увидит в комнате и страхась увидеть, приник к глазку.

По комнате, где все – потолок, пол, стены, скудная мебель, матрас, простыня, одежда – было ослепительно белого цвета, неустанно ходил от стены к стене худой человек с гривой седых всклокоченных волос. Он то и дело всплескивал руками, яростно жестикулировал, безостановочно шевелил губами, словно вел с кем-то жаркий спор. Но в комнате больше никого не было. Потом человек вдруг остановился, резко повернулся и уставился на запертую дверь. Темные круги под выпученными глазами, бледное, осунувшееся лицо, нервно-чески подрагивающие уголки рта... Но главное – взгляд.

СПАСИТЕЛЬ КОРОНЫ

Он смотрел на дверь взглядом, который мог принадлежать только совершенно безумному человеку.

Это был Гор Рошаль. «Ты должен замкнуть круг», – говорила Праматерь. Вот, пожалуйста: круг замыкается, как здорово, что все мы здесь сегодня собрались. Вот только...

Двое людей, Рошаль и Щепка, некогда близких, а нынче утонувших в шизофрении, – это перебор, знаете ли... Сварог почувствовал тошноту.

А сзади раздался дребезжащий смех Щепки.

– Вот он, главный враг Монитории. И твой друг, да? Я не убила его – ведь не престало воину добивать поверженного противника, правда?.. Я просто лишила его самого дорогого, что у него, как он считал, было... Пусть живет. Но – без своего хваленного ума.

Словно чувствуя, что снаружи за ним кто-то наблюдает, Рошаль заинтересованно приблизил ухо к глазку с той стороны, и лицо его кошмарно деформировалось, как в кривом зеркале.

– Может, хотите пообщаться с дедушкой напрямую? – хихикнула Щепка. – Могу открыть, он не кусается...

Зря она сказала эти последние слова. Промолчи Щепка, возможно, все повернулось бы иначе. Но тут Сварог уже не выдержал. Позволил шлюзам открыться. И черная волна ярости захлестнула его мозг, предоставив чужому телу действовать на уровне рефлексов... Где двое психов, там и третьему место найдется, не так ли?

Глава 21

ПОБЕГ

Впоследствии Сварог так и не смог вспомнить, как все произошло и сколько времени *это* заняло. По идее, не больше пятнадцати секунд.

Еще Сварог так и не смог понять, *почему* все удалось – может быть, никто не ожидал, что пленный именно здесь и сейчас посмеет сорвать все тормоза и позволит себе *работать* в полную силу. А может, помог Монах, который не растерял навыки прошлой жизни и вступил в игру секундой позже Сварога. Или бойцовские качества десантного майора дополнили некоторые навыки частного детектива... Кто знает? Как бы то ни было, они начали и выиграли.

Сварог выплыл из черного омута, хватая ртом воздух. В голове со всей дури наяривали колокола, саднили костяшки пальцев, ныло ребро стопы. И почему-то колено болело.

Он огляделся, возвращаясь к реальности. Вертухаев-близнецов – не то охранников Щепки, не то конвойных для дорогих *гостей* – пятнадцать секунд назад было пятеро. Четверо из них теперь валялись на

полу, как сломанные куклы, и, кажись, уже не дышали. А Щепка...

Щепка исчезла!

– Где она? – крикнул Сварог, круто поворачиваясь к Монаху.

– Сгинула... – через силу прохрипел Монах. – Вон там в стене... дверца потаенная, скрытая... через нее и выскользнула... аки крыса на колесах... – И вдруг рявкнул: – Да что ж ты, убогий, не угомонишься-то никак?!

Последнее относилось отнюдь не к Сварогу. Монах стоял на коленях в позе молящегося, лицо его было налито кровью от напряжения. В руках он держал концы черного шнурка и изо всех сил, такое впечатление, пытался его порвать, растягивая в стороны. Шнурочек оказался прочным. Более того: он был захлестнут в петлю, а в петле этой дергалась шея охранника номер пять. Вертухай сучил ногами по полу, извивался, пучил глаза, хрипел и булькал, вывалив язык, хватался руками за удавку, но... Удавка победила, не треснула. Чего нельзя сказать о шейных позвонках пятого охранника. Монах, вытирая лоб, встал на ноги, пробормотал: «Покойся в прахе, мудак», – и повернулся к Сварогу:

– Атаман... коли это, конечно, вправду вы в личине бесовской... Виноват, не уследил за нею, я пока второго своего успокаивал, она и слиняла. Ведь тревогу подымет, блудница, так что текать надо быстро...

– Дверь, – твердо сказал Сварог. – Надо сначала выпустить человека... Она что-то вякала, что может дверь открыть, значит... Ключ, у кого-то из этих должен быть ключ!

Ключ мог, конечно, оказаться и у самой Щепки, но им повезло: спустя несколько секунд суматошного

обыска мертвых тел Монах победно поднял над головой блестящий стержень с зазубринами:

– Вот он, жезл запорный!..

Сварог ворвался в белую комнату, схватил ее обитателя за плечи, развернул к себе. Зататорил, чуть не плача от бессилия:

– Мастер Рошаль... Масграм... Это я, Сварог, это не бред, это в самом деле я, просто я так выгляжу... Я изменился, но это я, Сварог... Помните, как мы летали на дирижабле? Хотите еще раз прокатиться? Тогда надо спешить. Нам надо торопиться, Гор, за нами погоня, пойдемте...

Бесполезно. Рошаль смотрел мимо Сварога и бессмысленно улыбался. Врешь, я от тебя не отстану! Он потряхнул охранителя так, что у того лязгнули зубы.

– Рошаль, черт бы вас подрал! Быстро очнуться! Враг у ворот!.. Что?!

Губы безумца что-то произнесли, Сварог наклонился поближе, вслушиваясь.

– Аэропил... – радостно пробормотал под нос Рошаль, раскачиваясь вперед-назад. – Аэропил, мы летели на Граматар на аэропиле, но забыл, как зовется...

Сварог чуть не взвыл от безысходности.

– Это был не аэропил, Гор! Это был морской военный корабль! Броненосец! Клади, Олес, Чуба – помните? И назывался он «Серебряный удар»! Ну? Вы слышите меня, масграм? Вы меня узнаете?!

– Конечно, – сказал Рошаль совершенно нормальным голосом. – И не надо мне в ухо орать, маскап, я нормально слышу.

– А?..

– Мне показалось, или вы говорили, что за вами погоня?..

Но Сварог задержался еще на мгновение: он порывисто обнял старого лиса.

Трое беглецов не неслись сломя голову, но двигались весьма быстро по подземным коридорам и переходам завода. Куда – они и сами и не знали. Главное, затеряться в лабиринтах коммуникаций, найти тихий уголок и выработать план действий. Тревога все еще молчала, хотя – пес ее знает, быть может, *здесь* она вопит как-нибудь иначе. Ультразвуком, например. Или еще как...

– Я вами недоволен, маскап, – говорил Рошаль на ходу, хрипло дыша. – Уже второй раз подряд за последние пятнадцать лет вы верите людям на слово! Вам говорят, что я умер – вы верите, вам говорят, что я спятил – вы верите...

– Но она же именно этого и добивалась!

– И именно поэтому я остался в здравом уме. Только потому, что ей страсть как хотелось превратить меня в сумасшедшего. Борьба, понимаете? Только борьба, пусть и на уровне сознания. Если б наша полоумная знакомая оставила меня в покое, вот тогда бы, наверное, я действительно свихнулся...

– Берегите дыхалку, масграм.

– Извините, граф, я три года не разговаривал ни с кем, кроме себя...

Сварог замолчал, но от подначки не удержался:

– Однако ж вы, масграм, сходу поверили, когда незнакомый человек в тюрьме у сумасшедшей калеки вдруг заявляет, что он, дескать, и есть Сварог – через пятнадцать лет отсутствия!

– Согласен, – сказал Рошаль. – Я тоже ошибся. Я поверил, что вы погибли там, во время взрыва в подземелье – хотя не видел вашего тела.

– А что делать-то будем, атаман? – подал голос Монах.

Они остановились на площадке между металлической лестницей, ведущей куда-то еще глубже, и металлической лестницей, ведущей куда-то вверх. Отдыхались.

– Своими ногами мы далеко не уйдем, – сказал Сварог. – После всего, что мы узнали, нас будут ловить с таким пылом, что дым увидят в столице.

– Ничто не узрят, – возразил Монах. – Ибо отсель нас никто не пустит на волю. Врата замкнут, двери-окна позапирают и будут расчесывать место сне, как гриву. Не выйдем мы с завода...

Где-то вдалеке замяукала сирена, потом еще одна. Ага, наконец-то проснулись, ну надо же...

– Связь со столицей, – предложил Рошаль. – Сообщить в Каскад о том, что творится на заводе.

– Не Каскад, а полиция, – нахмурил брови Монах. – И толку нету. Пока они проверять послание будут, пока потом свяжутся с заводом – дескать, а что это у вас происходит... А связи лично с Гиль-Донаром у меня нет, не мыслил я, что в оный переплет попаду...

– А вы что молчите, маскап?

– Прикидываю, – задумчиво ответил Сварог, глядя на лестницу, ведущую вверх. – Если мне не изменяет ориентация, эти ступеньки ведут аккурат в секретный цех.

– И? – спросил Монах.

– А, ты ж еще не видел. Там стоит такая милая штуковина... Если уйти своим ходом с завода мы не можем, прятаться тут до морковкиных заговений не можем тоже, связи с внешним миром у нас нет... почему бы в таком случае не попытаться покинуть сей гостеприимный уголок с комфортом, на бронетехнике?

– Ваши метафоры, маскап... – поморщился Рошаль. – Вы можете понятнее говорить?!

– Над нами стоит «Буреносец». Он же «Стеклянный дождь». Насколько я понял, готовый к походу.

– «Буреносец» *здесь*?!

– А вы, масграм, не в курсе?

– Его подорвали! Много лет назад!

– Но потом восстановили... Нет, ну а в самом деле-то, почему бы и нет? В конце концов, если не сумеем сдвинуть эту махину с места, то всегда можем забаррикадироваться внутри, и хрен нас оттуда выкурят – для того его и строили. А там придумаем что-нибудь.

– А охрана, а рабочие, а сигнализация?!

– А вы вспомните некий кораблик под названием «Адмирал Фраст», впоследствии переименованный в «Серебряный удар». Кажется, тогда кто-то тоже долго уверял, что сие невозможно.

– Что такое «Стеклянный дождь»? – насторожился Монах. – Вам удалось выведать тайну?

– А то, – гордо сказал Сварог. – Раз плюнуть... Пойдем, сами все увидите.

Дверь из подземелья в цех была чуть приоткрыта – мол, заходите, люди добрые, однако по ту сторону истуканами застыли двое охранников. Сирена надрывалась не переставая, и вертухаи были сама бдительность. Сварог почесал плешистый затылок Ирви-Лонга. Поморщился.

– Ну? – шепотом спросил Рошаль. – И как вы собираетесь проникнуть в машину?

– Лучше спросите, как я собираюсь подобраться к машине. Ответ: понятия не имею.

Нацепить, что ли, на себя невидимость? Так ведь, во-первых, кругом подавители магии, а во-вторых, на-верняка и датчики кругом стоят...

Из-за двери доносились цеховые звуки работы, которая не прекратилась и когда взвыла тревога.

– Я, вестимо, знаю, – вдруг сказал Монах и показал на красный щиток под лестницей.

Сварог подошел поближе: то была пожарная сигнализация.

– Одиножды у нас в охранным приказе, в околотке, один тать так же ноги сделал. Пожарную сирену врубил и, пока носились аки ошпаренные, через окно драпу дал...

– А что, – пробормотал Сварог, – отчего бы и не попробовать...

Куда там, на фиг, тревожной сигнализации с ее сиротливым мяуканьем! Пожарная сирена уж завывала так завывала, как дипломированная базарная торговка, уши враз заложило от нестерпимого визга. Работяги в цеху сбились с ритма, стали переглядываться, а там и забежали туда-сюда. Впрочем, в этой беготне не было суеты и хаоса. Сварогу было достаточно одного взгляда, чтобы понять – каждый здесь знает свой маневр, знает, что хватать и во что переодеваться. Люди в спецовках организованно разматывали шланги, доставали из шкафчиков брезентовые костюмы, выдирали из крепежей на стенах баллоны с короткими шлангами, оканчивающимися раструбами. Двое бросились к гигантским воротам цеха и, шуруя настенными рычагами, принялись разводить в стороны воротные створы. Эдакая вымуштрованность цехового народа Сварога обрадовала – случись что непредвиденное, вряд ли пролетарии станут предпринимать что-то самостоятельно, без команды

сверху. В отличие, кстати, от двух бойцов на посту у двери. Когда включилась пожарная тревога, эти переглянулись, потоптались и пост покинули, ломанулись куда-то в сторону. За инструкциями, не иначе. Дурачье, одного надо было оставить!

– Слушай приказ по гвардии, – обернулся Сварог. – Только за мной и только бегом. И не выделяться из общей массы. Ясно?

– Вы на мой костюмчик внимание обратили, а, мас-кап? – спросил Рошаль, разглаживая снежно-белую одежду.

– Плевать, – сказал Сварог, – у меня тоже не роба. Не светитесь, и все. Ясно?

– Нет.

– Тогда вперед.

Они выбежали в цех. Слаженно, цепочкой добежали до танка... Е-мое, ну и махина! Не танк, а утес с Угрюм-реки. Высота катков – этажа в два, трак толщиной в половину человеческого роста. Так, наверное, лилипуты рассматривали Гулливера, снизу вверх, опасливо держась подальше от его каблуков.

Их никто не остановил. Обратили внимание или нет, пес его знает, но никто не кричал: «Вот они, лови, ату!», – никто не кидался под ноги. Видимо, всем работягам накрепко вбили в головы, что их дело – клепать, варить, стыковать и прикручивать, а дело охраны – не пущать, ловить и пресекать. И потом, эта пустота в глазах, что так роднила близнецов и работяг... У Сварога крепла давешняя догадка: неуловимая схожесть в лицах всех слуг Щепки – Визари – Ахт-Ло, эта одинаковая пустота в их глазах – это не просто так, это порождено колдовством, гипнозом или каким-нибудь иным средством подчинения воли...

– Стойте. Наверх.

Ухватившись обеими руками за крыло и оттолкнувшись одной ногой от опорного катка, Сварог забросил себя на броню. Некогда было искать скобы, специально предназначенные для того, чтобы забираться на танк. Помог влезть Монаху и Рошалю. Притянул к себе мастера охранителя, наклонился к его уху, заорал, стараясь перекрыть вой пожарной сигнализации:

– Масграм, наверх! Видите, люк открыт и к нему лесенка? (Рошаль кивнул.) Забирайтесь туда, пробирайтесь на самую верхнюю башню! Должна быть связь командирского места с водительским, там сообщайте. Видите лесенку? (Рошаль снова кивнул.) Давайте по ней! И – да! – плотно закройте за собой люк, душевно вас прошу. И смотрите тоже по сторонам. Увидите открытый люк – немедленно захлопывайте. Поняли?

В свою очередь Рошаль наклонился к уху Сварога:

– Раньше, в «Буреносце», который я знал, полная магическая защита включалась при помощи зеленой рукоятки слева от фрикционных рычагов! Все, больше помочь ничем не могу! – Он неэкономно помолчал, потом крикнул: – Я хотел прокатиться на «Буреносце» с момента создания... Спасибо, маскап!

Схватился за перекладину узкой лесенки и принялся карабкаться наверх, к люку, который, как предполагал Сварог, предназначен был для загрузки боеприпасов, черт знает – не то магических, не то обыкновенных.

Подтянувшись за бронеколпак (под которым мог находиться равно как перископический прицел, так и какая-нибудь, опять же, магическая хрень туманного предназначения), Сварог оказался возле распахнутого люка механика-водителя и ногами вперед забрался внутрь бывшего «Буреносца».

Утроба танка освещалась призрачным голубоватым светом, источником которого служили каплевидные светильники, тут и там примастряченные к изнанке брони. В танке, даже таком агромадном, было, как и положено, тесно, неловко повернешься – и обязательно обо что-нибудь стукнешься. Чтобы ничего не задеть, не коснуться в танке, надо, наверное, быть карликом-дистрофиком.

Следом за Сварогом в люк забрался, кряхтя и ругаясь, Монах. Сварог вжался в стенку, в какие-то крепежи (то ли для боекомплекта, то ли для еще чего, но сейчас пустующие), вжался, пропуская Монаха.

– Тебе задача такая, – быстро сказал Сварог, когда они разминулись. – Помимо этого здесь еще полно люков и, отчего я уверен, некоторые распахнуты. Их требуется закрыть. И как можно скорее. А потом разберись с вооружением этого монстра... Возможно, придется отбиваться. Вопросы?

Вопросов не последовало. Монах стал пробираться дальше в танковые глубины, обо что-то без прерыва задевая. Да, пока Монах освоится, шишек будет набито...

Так. Сперва следует закрыть люк механика-водителя. Присмотревшись, Сварог, и без всяких магических умений разбираться в любом механизме, запросто догадался, как это делается. А? Что, съели?! И без магии можем! Он повернул ворот. Где-то внизу застрекотали шестерни, люк стал медленно закрываться. «Язык» затвора вошел в паз, раздался щелчок.

Бли-ин! Неловко двинув рукой, Сварог больно приложился обо что-то локтем. Взвыл. А как тут не взовешь, ой, мать моя...

– Мать Многоуста святая непорочная!! – почти одновременно раздалось из танковых глубин. – Убился! Ой, убился!

Ни хрена не убился. Когда схлынул болевой шок, Монах счел нужным объяснить:

– Вовремя не пригнувшись, лбом налетел на край башенного выреза. Оранжево в глазах и по сю пору...

– Давай-ка поаккуратнее, мать Многоуста! – свирепо прикрикнул Сварог: пусть не расслабляются. – А когда поедем («Тьфу-тьфу-тьфу...»), быть готов, что станет трясти! И сильно!

– Приготовлюсь! – пообещал Монах.

Что ж, пора осваиваться в роли механика-водителя. Сварог опустил на пружины, скрытые под кожаной обивкой кресла. «И, кстати, ни в коем случае не просто "водителя"! Если захочешь наткнуться на испачканный мазутом кулак в лоб – можешь назвать танкиста "водителем". А так – механик-водитель, и никак иначе!»

– Так, так, – Сварог нашел зеленую рукоять, о которой рассказывал Рошаль. Там, где и говорил охранитель. «Надо ж, переделывали, переделывали, а кой-чего осталось на своих местах... А с другой стороны, на фига все переиначивать! Если работает, зачем что-то менять!»

Как советовал Рошаль, Сварог повернул ручку в крайнее нижнее положение. Что-то щелкнуло, шкваркнуло, тихонько засвиристело, как набирающий обороты маховик... Ну и? И ничего. По крайней мере, видимых изменений не произошло. Никаких защитных полей на танк не опустилось, не загудели магические трансформаторы, вырабатывающие оберегающие токи, не запахло *по-другому*. Внутри стальной машины по-прежнему воняло машинным маслом... или его заменителем. В общем, подобающе пахло. Ладно, гадать не будем, включилось – не включилось, будем посмотреть.

Теперь управление. Стоп, стоп, а это что такое под креслом? Блин, шлемофон! Настоящий. Ну, не классика жанра, не черный с прошивкой танкистский шлем, однако же шлемофон. Система из кожаных ремешков, подгоняемых по голове, мягких наушников, словно прилипающих к голове. Микрофоном, возможно, служат вот эти темные заклепки на ремешках, больше нечему быть микрофонами. Работает или не работает, разберемся. Во всем разберемся. И с управлением тоже...

Фрикционные рычаги, педали – все выглядит вроде бы несложно и очень знакомо. Осталось попробовать.

Ну, выноси, нелегкая...

Танк взревел, как тысячи раненых тиранозавров. Сварог в смотровую щель увидел, как в разные стороны от танка, из отводных труб ударили белые струи, похожие на седые усы. Ну не выхлопы же это сгоревшей в дизеле солярки? Не та, понимаешь, цивилизация... А что это такое, гадать бесполезно, да и некогда, кто его знает, отчего и на каких принципах работает чудовище, которое – ежели опираться исключительно на технические представления – может сдвинуть с места только двигатель, работающий, пожалуй, от атомного реактора.

Тем временем Сварог понял, как обращаться с зеркалом в толстой бронзовой раме, укрепленном перед водительским местом над смотровой щелью. Наклоняя его в разные стороны, Сварог мог видеть в зеркале танк снаружи, с любой стороны – в зависимости от угла наклона. И он увидел, как судорожно провернулись катки, всколыхнув гусеницы. «Буреносец» вздрогнул, качнулся вперед. Рев двигателя набирал силу. Машина еще раз конвульсивно дернулась, и разом ожил весь меха-

низм, приводящий бронированное чудовище в движение: завертелись опорные и поддерживающие катки, поползли гусеницы, заходили балансиры, пришел в движение механизм натяжения гусениц. И многотонная, великотонная, необозримотонная громада сдвинулась с места, *пошла*.

Сварог, навалившись всем телом, двинул вперед оба фрикционных рычага, нога втопила газ. В смотровой щели качнулся цеховой пол, выстланный пупырчатыми металлическими листами. Сварога бросило обратно в кресло. И невольно вырвалось:

– Поехали...

– На месте, маскап, обзор отличный, приступаю разбираться, что тут к чему, – раздался в шлемофоне голос Рошалья. Ага, мастер охранитель добрался до командирского места. А Монах? Монах пока молчал. Зато снова заговорил Рошаль:

– Что, получилось? Глазам не верю. Вы один справитесь с управлением?

– Я еще и не с тем справлялся! – прокричал Сварог. – А вообще, тут все просто: два рычага, газ и тормоз. Довезу вас хоть до самого Газдаро, лишь бы топлива хватило.

До сего дня Сварогу лишь однажды приходилось сидеть в танке на месте механика-водителя. Было это в советские годы, на полигоне в Казахстане, во время сводных армейских учений. От нечего делать на затаившемся привале приятель-танкист взялся научить десантника Сварога вождению танка. Тогда, помнится, Сварог даже самостоятельно проехал с сотню метров по твердой, как бетон, казахской степи... Был еще случай, когда Сварогу, гостившему в одной псковской деревеньке, в страдную пору пришлось сесть за трактор

вместо дюже запившего тракториста. А что у трактора, что у танка – все устроено одинаково. И вот те на: танк с магической начинкой, оказывается, управляется схожим образом! Приятно.

Сварог услышал грохот – кто-то заколотил по обшивке. Наверняка, кто-нибудь из вскочивших на броню работяг лупит по ней кувалдой, призывая остановиться. Ага, опомнились, морды, или, что вернее, получили наконец целеуказание от своей владычицы!

Да, немало уродов сейчас полезут на броню, прицепятся, станут лазать по танку, как мандовошки по известному месту. Сварогу лень и некогда сейчас было вертеть «зеркало обозрения», высматривая, сколько и где повисло на танке храбрецов из ремонтной гвардии. И вообще: заняться ими должен Монах, которому поручено как можно оперативнее разобраться с вооружением. И куда он подевался, Многоуста его через трак, где застрял?

В смотровой щели, качаясь, приближался проем цеховых ворот, кто-то закрыл его снаружи на одну створку. Под левую гусеницу боевой машины попала пустая рабочая тележка, с хрустом смялась, мгновенно превратившись в плоский бесформенный шлепок.

Сварог увидел сквозь смотровую щель, как в воротном проеме дорогу танку заступил один из близнецов. Вперив неподвижный взгляд в надвигающуюся из цеховой коробки громадину, он вытащил из-за пазухи круглую плоскую коробку, похожую на диск от ППШ, что-то на ней подкрутил – тем движением, каким заводят часы. Размахнулся и бросил коробку под траки...

Ну а вы как бы среагировали? Вот и Сварог рефлексатороно отклонился, уходя от возможных осколков, которые могут влететь ненароком в смотровую щель.

Сквозь грохот двигателей Сварог расслышал хлопок, но ни в смотровую щель ничего не влетело, ни цокота осколков о броню не последовало. Он снова сел нормально, выглянул в люк. И сразу понял, что произошло. Бомба взорвалась, но весь ее заряд, отброшенный магической защитой танка ударил в метателя и превратил того... В общем, Сварогу не очень-то хотелось глядеться в то, что осталось от близнеца. Защита танка сбоя не дала, а видимо, на сбой и рассчитывал бомбометатель. А на что ему еще было рассчитывать?

Перед цеховым проемом, чтобы точно войти в него, Сварог надавил на левый рычаг. Танк повело влево, повело сильно, левая гусеница врезалась в стену, лобовая броня ударила в закрытую створку. Стальные пластины ворот, принявшие удар, разлетелись, точно картонки. Рама под лобовой броней погнулась, принимая форму передней части танка, петли вверх и вниз вылетели из гнезд, как пробки под натиском штопора, оставляя в стене дыры. Танк немного протащил раму, потом наехал на ее нижний край, подмял и отутюжил. Попадшая под тысячи тысяч тонн бронированной стали часть стены разлетелась мелкой крошкой. Несколько осыпавшихся бутовых камней упали на броню и выехали на ней на заводской двор. Сварог несколько не сомневался, что после такого соприкосновения со стеной немало прилепившихся к танку смельчаков слетели с брони ко всем чертям.

Танк въехал на мост. Его ширины хватало тютельница в тютельница, чтобы двигаться, не задевая ограду. Ну-ка, а что у нас творится вокруг да около? Сварог повернул «зеркало обозрения». Один из близнецов, прижавшись к стене цеха, стрелял вслед удаляющейся бронированной крепости из предмета, похожего на длинностволь-

ный пистолет. Возможно, это как раз пистолетные пули цокали о броню, выбивали искры и, ясный перец, никакого вреда не приносили.

Ага, а прямо перед «Буреносцем» бежал один из рабочих, невесть откуда взявшийся. Он не сворачивал – да и некуда ему было свернуть на мосту, разве что на ограду вскочить или с моста в ров сигануть, а туда, как утверждает Монах, налита водичка, со здоровьем никак не совместимая – бегущий лишь оглядывался, зыркал безумными от страха глазами на догоняющую стальную гору. Споткнувшись, упал, уткнулся лицом в землю и накрыл голову руками. И нет чтобы посередине моста свалиться, упал аккурат под гусеницу, кретин!

– Вставай, идиот!!! – заорал Сварог. Даже если б упавший его каким-то чудом и услышал, вряд ли на него сейчас подействовал окрик.

Ну не тормозить же, право слово!

В суматошной попытке сделать хоть что-то, лишь бы не давить, Сварог нажал на фиговину, находящуюся справа от фрикционного рычага правой руки и сильно напоминающую гашетку. Гашеткой фиговина и оказалась – шарахнула пулеметная очередь (пулемет был закреплен прямехонько по центру зрения механика-водителя), пули, оставляя после себя дымную зеленоватую дорожку, веером разлетелись над лежащим.

Лежащий выпал из его поля зрения, уходя в «мертвую зону» обзора. Ну, все...

Не все! Ага, подействовала все-таки пальба над головой – рабочий выкатился из-под танка, благо полз тот много медленней даже скорости пешехода. Метнулся в сторону, вскочил на широкую каменную ограду моста и – «Стой, что делаешь, беги по ограде!» – прыгнул в ров.

До воды он не долетел. Вернее, долетел... но по частям. Очень маленькими частями долетел.

– «Ну, извини, приятель, я со своей стороны сделал все, что мог. А тебе не надо было связываться с сомнительными личностями... Впрочем, если возвожу напраслину – извини вторично: может, тебя и впутали обманом».

Съехав с моста, «Буреносец» пополз по территории завода. Земля здесь гладкостью не отличалась. А поскольку, едва миновав мост, Сварог увеличил скорость, началась бортовая и килевая качка, машину стало плавно, но неприятно болтать. Чтоб меньше мотыляло, Сварог вставил ногу в специальную скобу на изнанке брони. А еще он обнаружил страховочный ремень и пристегнул себя к креслу.

В смотровой щели заблестели рельсы внутризаводской узкоколейки, по которой из цеха в цех перевозили всяческие грузы. «Буреносец» рельсы даже не заметил, однако завалил один на бок (рельсовый стык лопнул – в стороны со скоростью пуль полетели головки и стволы болтов), а другой втопил в землю вместе со шпалами. На пути танка оказался грузовой мобиль... Не объезжать же! Тем более, водитель выскочил из кабины и стремглав умчался куда-то. «Буреносец» ударил в борт грузового мобиля, тот отскочил, как игрушечный, перевернулся. По земле покатались бидоны... А, бидоны были с краской – очень быстро рядом с грузовиком образовалась огромная желто-красно-зеленая лужа.

– Маскап, слышите меня? – сквозь шорох помех раздался в шлемофоне голос Рошаля.

– Слышу, масграм.

Танк ехал вдоль заводской стены.

– Сверху наблюдаю у ворот шевеление, – голос бесстрастный, холодный. – Что-то торопливо разматывают, укладывают на землю. Еще на предполагаемом пути следования втыкают в землю через каждые два шага штыри, оканчивающиеся кольцом. Как поняли?

– Понял вас, масграм, – сказал Сварог. – Конец связи.

«Э, нет, – подумал он, – так не пойдет. Остановить себя мы не дадим». Вот поди раскуси их замысел, когда ни черта ни смыслишь в местных магических реалиях. А может... Желательно, конечно, не рисковать. А если не рисковать, тогда что?

– А вот что! – вслух произнес Сварог. – Рошаль, Монах, внимание! Схватитесь за что-нибудь крепко... Ну выноси, железный конь!

Рошаль-то наверняка слышал и сделал, что сказали, а вот Монах... Будем надеяться, все обойдется... Сварог навалился на правый рычаг. Многотонная громада резко поменяла направление и вошла, как кулак в торт, в каменную заводскую ограду, по высоте примерно равную танку. Машину потряхнуло так, что язык, попади он меж зубов, был бы откушен. В смотровую щель ударила пыль и крошка, но внутрь не попала – помешала невидимая и неосязаемая защитная пленка, работающая, как стекло.

– Держись! – заорал Сварог во все микрофоны, отпустил рычаги и намертво вцепился в кресло.

Разбив ограду так, что брызнули во все стороны камни, ревущая глыба вырвалась с территории завода и принялась съезжать по отвесному склону в ров.

Если быть откровенным, то Сварог самоубийцей не был. Он просто из двух зол выбрал наиболее предсказуемое. Рассуждал он так: если люди что-то торопливо и старательно готовят у ворот, значит, всерьез надеются,

что им удастся остановить великанскую машину; с другой стороны машина должна выдерживать рядовые и распространенные напасти, известные даже Монаху, если уж она столь великолепна и неуязвима, как ее расписывала Щепка. Значит, должна выдержать и мутную зеленую воду, разрывающую на части отдельных чело-веков. Хотя – рассуждения рассуждениями, а сердечко все же екает...

Взметнулись вверх столбы воды, выдавленные тон-нами металла. При взгляде в смотровую щель, могло показаться, что попал на дно морское. Прикрытая не-видимой и неосязаемой пленкой смотровая щель замутилась, как стекло иллюминатора, накрытое волной. И не действовало! Не действовало ни на машину, ни на людей в ней та смертоубийственная магическая на-чинка, какая была растворена в тлетворной зеленой водичке!

Вот чего не боялся Сварог, так это того, что машина не выкарабкается по противоположному склону на бе-рег. Он уже не понял, что такие препятствия этому ле-виафану по плечу... или вернее, по гусеницам и по дви-жкам. Никак не может быть по-другому. И стальная гро-мада, проехав по дну рва, принялась взбираться наверх.

ВЕРХОМ НА «ДОЖДЕ»

Танк «Буреносец», он же «Стсклянный дождь», въехал на склон, и на пути ему попало дерево. Это был дуб совершенно чудовищных размеров – то ли сам вымахал таким, честно отстояв на этом месте пару сотен лет, то ли стал могучим при помощи и при посредстве неорганического колдовского удобрения. Дерево, за многие годы разбросавшее вокруг себя тысячи корней, выдержало первый натиск, не рухнуло, а лишь наклонилось, лишь некоторые листья сбило с ветвей. А все потому, что танк еще карабкался по склону и не нажал на дуб всей своей многотонностью.

Гусеничная лента взрывала зацепами камни. Камни крошились, но зацепы упорно вонзались все глубже и глубже, до полного сцепления с грунтом. Ревел на повышенных оборотах двигатель. Передний броневой лист, упираясь в ствол, толкал его мощью неисчислимого количества тонн.

Сварог вдруг понял, что в полный голос орет:

– Броня крепка и танки наши быстры,
И наши люди мужества полны!

Громят врагов советские танкисты,
Своей великой родины сыны!

Танк, скользя по стволу плавным подъемом передней части, взбирался на дерево, наезжал на него, увеличивая рычаг давления. Дуб стал сдаваться, уже пошли по земле трещины. Приподнялся верхний пласт почвы, показалось змеиное переплетение корней, облепленное землей, глиной и камнями. И дерево капитулировало. Раздался треск, хруст сучьев и глухой удар ствола о землю. Машина персползла через поверженный ствол, ломая сучья. Пошла дальше по бездорожью, но в направлении шоссе.

А вот теперь точно: если кто еще и висел на обшивке, попадали, как груши с местной яблони. То бишь спелыми сливами. Сварог уже не пел, а декламировал, и не в полный голос, а почти что шепотом:

– Гремя броней, сверкая блеском стали,
Идут машины в яростный поход.
Нас в смертный бой послал товарищ Сталин,
Клим Ворошилов смело в бой ведет.

– Что это было? – раздался в шлемофоне едва слышный голос.

– Вы имеете в виду песню, мастер охранитель? – весело спросил Сварог.

– Я имею в виду другое.

– Выражаясь военным языком – это было форсирование препятствий. Испытание машины в условиях, приближенных к боевым. Кстати, и собственно боевые, полагаю, не за горами. Думаю, за нами сейчас снарядят погоню. Может быть, не сразу. Может быть, сперва

они хорошенько подготовятся. К сожалению, танк могуч, но тихоходен, *они* запросто настигнут нас на быстромобильном... А где Монах?

– Тут я. Вроде позакрывал все люки, хотя напозлзался. Весь ободрался и набил синяков, – отозвался в наушнике полицейский агент. – А потом заплутал в здешних лабиринтах. Чего тут только нет...

– Меня больше интересует, чего тут только есть, – жестко сказал Сварог. – Что с вооружением?

«Буреносец» наконец выбрался на шоссе – не только полностью занял его в ширину, но еще и прихватил обочину. Да, со встречным транспортом никак будет не разминуться... Зато уж точно никто не обгонит!

– Да есть кое-что, – обнадежил Монах. И тут же лишил надежды: – Только я напрочь не разумею, как эта бесовщина работает...

Самому бы надо посмотреть, да на кого рычаги оставишь... Ладно, ничего не попишешь. По крайней мере, защита от магии работает, а это важнее всего остального.

– Нас не преследуют, масграм?

– Позади нас дорога пуста, – четко, по-военному ответил Гор Рошаль. – Впереди тоже никого. И ничего.

– Вот и славно, – сказал Сварог. – Консц связи.

До Города на Заре добрались без происшествий. Двигатель не заглох – как полагал Сварог, запас хода этого колосса исчисляется не каким-то десятком лиг и прочих кабелотов, а возможно, даже и не сотней. Не исключено, что двигатель из тех, что так любили изобретать на его первой родине – то бишь двигатель вечный. Ну, или почти вечный: детали-то изнашиваются...

По ровному шоссе танк шел быстро. Понятно, не как гоночный автомобиль, все ж таки масса ого-го, но для такой громады – вполне даже резвенько. К тому же

сзади никто не догонял и спереди дорогу никто не перегораживал, магические пушки на прямую не выкачивали, со связкой магических гранат наперерез не выбегали. И это спокойствие на дорогах не могло не настораживать.

Если не нападают, значит, тщательно готовят нападение. Ой, не верится, что Щепка и ее верные слуги махнули рукой на свою главную и последнюю надежду. Мол, угнали и угнали, значит, не судьба нам прокачаться. Нет, они *должны* умирать за этот танк. А раз пока не умирают – значит, жди сюрприза в любой момент. Блин, хуже всего иметь в противниках создателей всяческих конструкций и агрегатов: кто как не они знают все слабые стороны своего детища, все его ахиллесовы пяты.

Усилием воли Сварог отогнал от себя мысли черные, переключился на раздумья более приятные: «Вот и решение проблемы номер один. Что-что, а этим бронированным монстром можно расчистить стройплощадку от груды бесполезного хлама под названием "Искупитель". Сработать как бульдозером. Правда, что делать дальше непонятно... Но остается надежда на вооружение, с которым Монах так пока и не разобрался... Собственно, ясно, почему не разобрался.: мало он имел дела со сложным оружием. В годы своего лихого действия по большим дорогам он, помнится, ходил со складнем. Да и на полицейской службе вряд ли сталкивался с чем-нибудь посложнее револьвера с магическими пулями... Эх, на кого бы переложить рычаги и вдумчиво осмотреть здешние башни!»

«Буреносец» въехал в Город на Заре.

Поселение объехать никак было нельзя. Вернее, можно, но поступать так было бы крайне неразумно.

Да, конечно, такая машина легко возьмет любое бездорожье, только вот скорость немедля упадет до черепашьей. А мы спешим! Потому что не дай бог слух о приближающемся чудовище из брони дойдет до стройплощадки звездолета раньше самого чудовища. *Такую* встречу могут приготовить и собственными силами, и силами, которые срочно вызовут с каких-нибудь ближайших баз и «точек», что мама не горюй! А то еще вызовут эскадрилью аэропилов, и посыплется на головы незнамо что. А зачем нам лишнее на голову?

В смотровой щели Сварог видел перед собой главный городской проспект. Танк двигался по проезжей части и по тротуарам, едва-едва не касаясь стен домов. Фонарные столбы ломались под ним, как сухой камыш. Лопались, разбиваясь о дорогу, плафоны волшебных светильников. Мобили, брошенные в панике убежавшими куда подальше водителями, под гусеницами «Буреносца» в мгновение ока превращались в лепешки из крашеного металла.

Сварог, сидя за рычагами этого танка всех времен и народов, испытывал странные ощущения. Его переполняло упоение от власти над бронированной крепостью, для которой нет преград, которая если, того пожелаешь, в два счета сровняет город с землей. И эта силища полностью подчинена твоим рукам, она – твоя рабыня, ты – ее хозяин... Это, признаться, пьянило.

Вот какой-то мобиль вывернул из переулка. Его водитель, увидев *что* надвигается на него по главной городской улице, дал по тормозам и вывернул руль до упора. Мобиль выскочил на пешеходную часть, от столкновения с тротуарным бортиком перевернулся и на бок, крутясь, въехал в заросли кустов.

Яростно выругавшись, Сварог взял один рычаг на себя, другой отдал, заставляя стальную машину вращаться вдоль своей оси. Потому что продолжи он движение вперед, неминуемо наедет на мобиль, из которого никак не мог выбраться водитель. Некуда тут было сворачивать! Разве что по домам поехать. Понятно, что танк снес бы их, как куличики, но при всех восторгах, которые Сварог испытывал от управления этим гигантом, умом он еще не тронулся.

«Ну давай же, вылезай», – мысленно подстегивал Сварог водителя, впрочем, отлично представляя, какой животный ужас тот сейчас испытывает – настоящий страх, физиологический, когда судорожно сжимаются мышцы живота, когда челюсть прыгает, как механическая курица по столу, когда зубы стучат не в фигуральном смысле, а на самом деле.

А танк продолжал приданное ему карусельное вращение.

Ага, ну слава богу! Сварог в «зеркале обзора» увидел, как от дома, рядом с которым перевернулся мобиль, отделилась фигура, рванула к месту аварии. Ясно, что герой бжит вытаскивать от шока впавшего в ступор водилу – больше туда бежать незачем. Ну так и есть...

Ба! Знакомые все лица! Так это же Таксист! Тот, кто уже дважды приходил Сварогу на выручку. А если...

Сварог размышлял недолго. Таксист – он пригодится...

Опять затрещали шестерни, люк механика-водителя распахнулся.

– Эй, на палубе! – закричал Сварог, высунувшись из люка. – «Эх, прокатиться» не желаешь? С ветерком на бронемобиле!

– Да ведь так и знал! – Таксист выпустил из рук спасенного им водителя (впрочем, тот уже вполне пришел в себя, чтобы сходу припустить зайцем по газонам, петляя и оглядываясь, и скрыться в ближайшем переулке). – Кто еще может приехать в город на такой дуре! Это же «Буреносец»! Переделанный «Буреносец»!

Таксист ловко, будто каждый день этим занимается, запрыгнул на броню и проскользнул в люк. И первым делом в приливе радости хлопнул Сварога по плечу.

– Я знал, что с тобой мы не пропадем, солдат! Давай разгоним этих «туристов» по полям, вспомним фронтовые деньки!

Он плюхнулся в соседнее кресло. В знакомых Сварогу танках по соседству с механиком-водителем размещался стрелок-радист, а кто должен сидеть здесь, можно лишь догадываться. Допустим, маг-стрелок. Или колдун-радист.

– У нас другие планы, – объяснил Сварог, поворачивая «Буреносец» на прежний курс и направляя его к выезду из города.

– Да? Отлично! – пожалуй, Таксисту было все равно, куда и что. Главное, было бы весело. И тут же он деловито поинтересовался: – Скорость этой штуковины знаешь?

– Чуть меньше скорости мобиля.

Таксист многозначительно хмыкнул. Мол, фигня. И тут же продолжил вопрос:

– Проходимость?

– Убедительная.

– Толщина брони?

– Мать!..

– Какая? – удивился Таксист.

Сварог имел в виду, понятно, не толщину железных стен, а женщину, бежавшую навстречу танку. Все ясно: из укрытия или из окна она увидела высунувшегося из окна Сварога... вернее, она увидела своего Ирви-Лонга.

Это город еще кое-как можно было бы объехать, но эту женщину, Сварог был уверен на сто пятьдесят процентов, объехать не удастся. Ее не отговорить. Ее можно только связать.

Пришлось снова останавливать танк, снова крутить ворот и отворять люк.

– Черт возьми, Лиома, только об одном прошу, не задавай никаких вопросов, – сказал Сварог, помогая ей забраться в люк. – Делай все, что скажу. И тогда не высажу посреди пустынной равнины. Согласна?

– Я согласна! – крикнула она таким голосом, каким обычно кричат: «Я тебя убью!»

– Тогда лезь сюда. Там наверняка где-нибудь есть кресло без всяких удобств. Прошу тебя, садись и не вставай. Только будь предельно осторожна, не долбанись обо что-нибудь...

– Ирви-Лонг, я тебя ненавижу! – она обхватила Сварога за плечи и отвесила жаркий поцелуй в губы. Потом скоренько убралась, куда ей было велено. – Я нашла здесь кресло.

– Отлично. Села? Замечательно. Посмотри, там должны быть ремни с застежками. Нашла? Великолепно. Пристегни себя. Пристегнула? Там есть за что держаться, скобы, выступы? Нет? Тогда держись за край кресла. И сиди по возможности тихо.

– Я буду сидеть тихо-тихо. Но знай, что я тебя презираю!

– Все, поехали, – Сварог взял оба рычага на себя, вдавил педаль газа. – Уф!

– Как я тебя понимаю, солдат, – подмигнул Таксист.

– Сможешь управлять этой колымагой?

– Издеваешься?

– Выберемся из города, уступлю место.

– Ну так выбирайся живей, чего тянешь! Топи на газ...

«Экипаж машины боевой, блин, – азартно подумал Сварог. – Беглый преступник, бывший сумасшедший, монах-полицейский и женщина. Разве что Таксист чего-то стоит как механик-водитель, да и за тем нужен глаз да глаз, иначе наворотит делов...»

– Послушай меня, капрал, – осторожно подступил он. – Только сперва подумай хорошенько. Как бы ты отреагировал, если б я сказал тебе, что...

Он сделал паузу, подбирая слова... а потом решился – и рассказал Таксисту о никчемности «Искупителя», о том, что постройка его никогда не закончится. Рассказал о Черной Планете (точнее, об отсутствии таковой) и о Тварях, которых насылают маги по заданию правительства.

Таксист долго молчал, кусая нижнюю губу.

– Я так тебе скажу, – наконец произнес он. – Форсировали мы как-то речку под названием Руш. Готовились долго: силы подтягивали, технику, план операции несколько раз пересматривали. А все потому, что колдунешек на той стороне собралось где-то с батальон, и окопались они хорошо, тоже какие-то штуки свои магические устанавливали... Артподготовка ни хрена не дала: снаряды пролетали сквозь их укрепления, как сквозь дым, и ничего, ни малейшего урона... Ну, речку мы в результате взяли, и что оказалось? Оказалось, не было там батальона, и укреплений никаких не было, а был это мираж, наваждение, морок, который насылала парочка безоружных магов из крохотного блиндажа! Ну,

с магами мы, естественно, по закону военного времени поступили, однако ж сколько крови они нам попортили, а? Сколько мы на ихнее колдовство снарядов перевели, сколько времени потратили – и все впустую. А в это время, пока мы бойцов сюда стягивали да план перedelывали, маги на другом участке прорвались... Это они нам так глаза отвели, чтоб мы, значит, на ерунду отвлеклись и главного не заметили.

Он опять замолчал, потом сказал мрачно:

– Ну так то ж на фронте, это хитрость такая военная была, и не самая, признаться, подлая. А тут, против своих же... Эх, мне бы взрывчатки побольше, я б эту хреновину космическую!..

– Во-во, – только сказал Сварог.

– Что? – не понял Таксист. Посмотрел на дорогу в смотровую щель. И до него наконец стало доходить. – Так, солдат! Мы что же... Мы на этой дуре... туда... чтобы, значит...

Сварог кивнул. На что Таксист смог выдавить лишь: «О!»

Танк уже миновал за городскую черту, выехал на грузовое шоссе между горами и бодро покати к «стройке века», можно было передавать управление новому механику-водителю.

– Перебирайся, капрал, садись за рычаги, – сказал Сварог. – А я пойду проверю наше вооружение.

Они поменялись местами, Сварог направился в глубь танка. То и дело приходилось протискиваться боком, нагибаться, чтобы не стукнуться головой о рельефы потолка. Он дошел до кресла, в котором сидела Лиома. Любимая «племяшка» тут же принялась расстегивать ремни безопасности.

– А ты останешься здесь, – Сварог положил ладонь на ее ладошку. – Ты же обещала слушаться?

– Что происходит, Ирви, куда мы едем? Что это за страшила? Ты опять во что-то впутался?

– И еще как. Потом все объясню, – Сварог накрыл ее рот ладонью. – Осталось совсем недолго, потерпи.

Сварог полез дальше. Ага, вот люк в башню третьего уровня, а вот край выдвижной лестницы. Он потянул лестницу на себя и забрался в башню. Тэк-с, что у нас тут? А у нас тут отсюда открывался обзор по левому борту и – если башню развернуть, вращая ворот – по ходу движения, но по ходу не полный обзор, потому что мешает бронелист. На кресле башенного стрелка лежит шлемофон, значит, в любой момент можно связаться с тем же Рошалем или с механиком-водителем. Очень хорошо.

А для переговоров с противником здесь приготовлена пушечка... Назовем ее так. Короткая, в локоть длинной, толстая труба на станине. Ходит вверх-вниз. Горизонтальный ход обеспечивается проворотом башни. Прицела нет. Зато есть боеприпасы – черные эбонитовые на вид и на ощупь цилиндры, длиной с патрон для крупнокалиберного пулемета, но потолще. Как заряжать – не вопрос. А чтобы произвести выстрел, следует... ну да, потянуть на себя стержень, с сердцевидным набалдашником. Будем испытывать. А что? Надо же знать, чем вооружен.

– Слышите меня, бойцы? – Сварог напялил шлемофон. Отозвались Рошаль, Монах и Таксист. – Сейчас поблизости что-то случится. Не знаю что. Но не пугайтесь. Это я так развлекаюсь...

Загнал снаряд он в пушку туго, поднял ствол повыше, чтобы улетело подальше в горы, и потянул рычажок...

Звук выстрела был похож на хлопок пустого молочного пакета, шмякнутый о ладонь. В башне мгновенно завоняло разогретым металлом. Метрах в ста от танка, возле распадка, из ничего возник белесый туман, завис над землей на некоторой высоте... А потом взял и ухнул на землю со скоростью и неумолимостью бетонной плиты. И облако сухой пыли поднял вокруг себя, будто действительно рухнула плита. Ага, здесь все ясно, посмотрим, что в других отсеках.

Еще в двух башнях Сварог обнаружил спаренный пулемет типа «стрелы», которую ему показывал Рошаль пятнадцать лет назад, и нечто, весьма похожее на выставленную в амбразуру граммофонную трубу. Понятно, Сварог не удержался и трубу эту испытал. В результате огромный, вросший в землю валун на траверзе беззвучно выдрало из земли, что твой гнилой зуб клещами стоматолога, и швырнуло прочь, вмазало о горный склон, а вместе с ним снесло пласт земли. Получилась ровная такая грунтовая, будто укатанная площадка. «Лихо! Уж не знаю, как это обзывается на военно-магическом жаргоне, но подходит название – сдуватель. Между прочим, здорово может пригодиться штука...»

Сварог не сомневался, что и на другом борту танка стоит такое же оружие – и пулемет, и сдуватель, и «облако-плита». Все дублируется. А что, интересно, на самых верхних уровнях? По идее, там должно быть установлены генераторы антиматического поля и оружие дальнего боя...

В одной из верхних башен Сварог обнаружил Монаха, быстро пролистывающего некую брошюрку.

– И что сие? – спросил Сварог.

– Наставление стрелку-арбукетчику, атаман.

СПАСИТЕЛЬ КОРОНЫ

– А это, стало быть, и есть арбукет? – Сварог хлопал по установке, пуще остального напоминающую мортиру о двенадцати стволах.

– Он самый, проклятый. Как тут написано, выстрел следует заряжать поочередно, начиная с верхнего левого ствола, маркированного подковой. Потом переместить выстрел в следующий ствол справа от него, потом... Ну и так далес, до последнего ствола.

– Всего один выстрел? – удивился Сварог. И действительно: в деревянном ящике, укрепленном под мортирой, обнаружился один-единственный снаряд. – Впервые вижу. Один и тот же снаряд и куча стволов, хм...

– Хотите испробовать?

– Захочешь, сам попробуй. А я хочу забраться повыше.

То, что Сварог обнаружил повыше, обрадовало его сильнее прочих находок. Гиперболоид, лазерная пушка... наверное, называлось *это* как-нибудь иначе, но по сути являлось именно лучеметом. Световая игла темно-красного цвета резала скалы – Сварог, не удержавшись, испробовал – точно так же, как красного цвета луч разрезал «Буреносец» в предпоследней из его, Сварога, реинкарнаций. Видать, одного волшебного поля ягодки-малины.

ГИБЕЛЬ ТИТАНА

Луч, послушный руке Сварога, вспорол скалу, как нож вспарывает торт. Ушел в камень на глубину не меньше человеческого роста. «Это, стало быть, я так и сквозь броню проходить смогу? Очень полезное изобретение».

– Мастер Сварог! – ожил шлемофон голосом Рошаля.

– На связи, масграм.

– Погоня.

– Ага! Объявились-таки, голуби-соколики. Что-то вы подзадержались...

Турель, из которой Сварог испытывал лазерную установку, находилась в кормовой части танка, и он скороенько развернул ее против хода движения. Прозрачный щиток, закрывающий смотровую щель, был, очевидно, с секретом, потому как за кормой танка клубилась поднятая траками пыль, однако видно все было прекрасно.

И Сварог с некоторым разочарованием увидел, что «Буреносца» догоняет не вооруженный до зубов мото-

стрелковый отряд, а всего лишь открытый пятиместный мобиль. Шел он со скоростью, втрое превышающей скорость танка. Неизвестно, когда именно Щепка и компания покинули завод родной, но торопиться им при столь быстроходном транспорте действительно большой нужды не было, уж что-что, а потерять след эдакого гиганта, мог только... Да никто не мог. Уж такую колею сей сухопутный дредноут оставлял позади себя, что слепой, глухой и бездыханный, взявши след, его уже не потеряет.

Не секундошки не раздумывая на тему, а гуманно ли, а может сперва дать предупредительный, Сварог направил лучемет на мобиль... Ну конечно. Вряд ли все могло быть так просто.

Стоило лучу дотянуться до авто, как колыхнулся воздух, на миг проступили очертания полупрозрачного радужного купола, луч на излете рассыпался брызгами, как струя воды, ударившая в стену. М-да, готовилась бывшая Визари к встрече с угонщиками ее любимого детища.

Черт возьми! Получалось, как в некоторых карточных играх – туз сильнее всех карт в колоде, но двойка все же может побить туза. Нет, насчет побить это мы еще посмотрим. Как так побить! Чем, главное? Что собираетесь предпринять супротив непобедимого монстра, дама и господ заговорщики?

Мобиль догнал «Буреносец», пристроился сзади метрах в двадцати от кормы. Сварог отчетливо видел пассажиров – Щепка, четверо бойцов и водитель, обложенные в антимагический защитный доспех, как две капли воды похожий на тот, что он видел в музее.

Мобиль взял влево, догнал танк, пошел с ним вровень, в полутора метрах от грохочущего и лязгающего

дредноута. Передние колеса яростно наматывали плотно шоссе аккуратно напротив последних катков и «звездочки», придающей гусеницам движение. Ну и что вы задумали?

И скоро стало понятно, *что*. Один из близнецов (в одинаковых доспехах они стали уж совершенно неотличимы друг от друга) выбрался на капот, левой рукой держась за край лобового стекла, а правую отведя в сторону. Встречный ветер трепал пластины доспеха. Куда Таксист смотрит, так его растак?! Левый рычаг на себя, поворот – и вражеский мобиль будет размазан гусеницей тонким слоем по грунту!

Мобиль резко прибавил скорость, пошел на обгон, одновременно приближаясь к гусеничной ленте. Капот поравнялся с той частью танка, где – Сварог это видел вчера с обзорной площадки цеха – тянулся по бортовой броне трос, нависая над крылом.

И уже нельзя было ни срезать лучом, ни шарахнуть сдувателем – мобиль находился в «мертвой зоне», в зоне недосыгаемости бортового оружия. Все гениальное просто. Мышь, как известно, может победить слона, Давид – Голиафа, и так далее, и тому подобное. Вот она, ахиллесова пята этого гороподобного чудища: на близкой дистанции он растрчивает почти все свои преимущества. По крайней мере те, что были известны Сварогу. Хотя, если б у него было время изучить все, на что способен «Буреносец», если б танком управлял экипаж в полном составе, а не пятеро случайных беглецов, то у преследователей не было бы ни малейшего шанса. А так...

Водитель мобиля не пытался сократить расстояние между машинами до миллиметра, не стал ждать, когда края гусениц заскрежещут по борту мобиля. И так для

прыжка было вполне достаточно. И первый близнец прыгнул на танк. За ним второй. Изготовился третий.

Больше в лазерном отсеке делать было нечего. Кто знает, как собирались проникнуть внутрь бойцы командарма Щепки, но собирались несомненно, а что же еще? Видимо, знали, как открыть запертые люки.

Через ближайший люк он выбрался наружу, на броню. Порыв ветра ударил в лицо, растрепал одежду. Сварог ухватился за перекладину скоб-трапа, подтянул тело, стал продвигаться вперед по броне.

Бортовое вооружение если и демонтируется, то отнюдь не скромными силами одного Сварога. Поэтому никак он не мог взять с собой ни лучемет, ни арбукет, а прихватил всего лишь монтировку – простую человеческую монтировку – забытую, должно быть, каким-то работягой в тесных переходах танка. Сунул ее за пояс...

Ага, вот и близнецы, ползущие навверх как тараканы. Все четверо успели перебраться с мобиля на броню. Циркачи, мать их.

Ну, раз они нашли средство против непобедимого танка, значит, можно найти средство и против их антимагических доспехов. Не хотите магии – не надо. Все будет проще.

Сварог отпустил скобы, толкнулся и без лишних разговоров спрыгнул на голову оказавшемуся под ним близнецу. Тот не был готов к столь радушному приему и, замахав руками, полетел вниз, сшиб по пути своего товарища, оба рухнули с высоты второго этажа, покатились по земле и исчезли в облаке пыли. Ого, сразу минус два! Недурно.

Чтобы самому удержаться на броне, а не загреметь под гусеницы, Сварог схватился за трос. В кожу тут же

впились металлические, толщиной в волос нити, которыми лохматился трос. Не обращая внимания на боль, Сварог выдернул из-за пояса монтировку. И, качнувшись на тресе, как на лиане, прыгнул на следующего близнеца, который судорожно лапал кобуру на поясе. Сварог всадил монтировку аккурат промеж защитных пластин. Надо же, антимагический костюмчик не сработал! Неужто монтировка не волшебная? Ай-ай-ай, какое упущение... Гражданина танколаза скрючило в три погибели.

Метрах в пяти от них приятель скрюченного на ходящей ходуном броне уже поднял какую-то черную коробочку на уровень глаз, уже выцелил Сварога... Сварог резко развернул скрюченного, прикрылся им. Теплая волна ударила в доспехи, обладатель доспехов захрипел, задержался – и обмяк.

И тогда Сварог бросился вперед, держа безвольное тело перед собой не то как щит, не то как таран. И ударил близнецом в близнеца, сбрасывая обоих с танка.

Все. Финита ля близнецы. Осталась лишь Щепка и ейный водила. Мобиль отстал и теперь держался позади, в десятке метров от кормы «Буреносца». Ясно, что бывшая соратница, у которой отняли любимую игрушку, станет преследовать до последнего. И наверняка у нее в рукаве есть еще крапленые джокеры. Но что она может сделать во время гонки?..

Сварог забрался обратно в танк, добежал до первого же боевого поста, схватил шлемофон. Наушники наполнились встревоженными голосами:

- Я их не вижу, не вижу, они в «мертвой зоне»...
- Граф, ответьте...
- Клянусь Многоустом, чтоб я еще раз...
- Тихо всем! – рявкнул Сварог. – Капрал, слышишь?

– Так точно! Вы целы?

– Спишь на посту!

– Никак нет! Они были в «мертвой зоне», я их не видел!

– Капрал, – сказал Сварог. – По моей команде, только по моей команде давишь со всей дури на тормоз. Резкая остановка и сразу полный назад! Остальным пристегнуться, мотнет так, что не дай бог. Да, и еще, капрал. Девчонку предупреди, пусть тоже пристегнется. Задача ясна?

Задача была ясна.

Сварог глянул в амбразуру башни – мобиль со Щепкой все так же несея за танком. Что ж, вот она – оборотная сторона магии. Транспортные средства находятся под надежными колпаками защитных полей, отобьют любую магическую атаку, но поля бессильны против элементарных законов физики. Против элементарного ДТП бессильны.

Он упал в кресло, одним движением застегнул привязной ремень.

Пора.

– Тормоза!!!

Надрывный скрежет, визг, лязг. Сварог был готов к рывку, но не к такому же! Хорошо еще, что он сидел лицом против хода движения, его впечатало в спинку кресла, внутренности размазало о позвоночник, в недрах машины что-то оторвалось от крепления, с грохотом шандарахнулось о переборку.

Широченные траки с зацепами-зубьями вгрызались в грунт, обеспечивая максимально возможное сцепление с поверхностью, поэтому, когда Таксист втопил тормоза, танк встал. Просто *встал*. Будто на его пути неожиданно материализовалась скала.

Не ожидавший такого маневра водитель мобилы не успел отвернуть – да если б и ожидал, то все равно ничего не получилось бы, дистанция между транспортами была слишком маленькой. Он успел нажать тормоз, но и это не помогло. На полной скорости мобиль вцепился в корму «Буреносца», послышался удар, звук рвущегося металла, машину смяло в гармошку, расплющило. А потом танк дал задний ход...

– Прости, Щепка, – вслух произнес Сварог. – Так уж сошлись наши судьбы – лоб в лоб. Кто-то должен был остаться на этом шоссе.

Впрочем, Щепка, которую он знал, осталась там, в прошлом пятнадцатилетней давности.

– Капрал, – Сварог снова взял в руки шлемофон. – Сбавь скорость вдвое.

В амбразуру он не смотрел.

Горы расступились, и на горизонте замаячил высоченный цилиндр «Искупителя». Нет, Сварог не передумал. Тут другое. Люди. Давить работаг вместе с бутафорским звездолетом в его планы никак не входило. Сперва следовало отогнать людей от объекта, и как можно дальше. Конечно, многие, если не большинство, побегут, едва завидев надвигающееся на них стальное чудовище. Но кто-то наверняка останется, даже сам себе не отдавая отчет, зачем это делает. А следовало прогнать всех. А для этого требовалось не просто грозно надвигаться, а обозначить грозные намеренья славным и недвусмысленным артобстрелом.

– Монах, – сказал Сварог, – разобрался наконец с арбуCKETом, сможешь стрелять?

– Глядишь, и слажу с непростой удумкой.

– Отлично. Рошаль, в командирской башне нет ли чего, напоминающего оружия?

– Стоит тут пушечка, – обрадовал охранитель. – Но что она делает с неприятелем, уж не обессудьте, не скажу.

– А это и неважно. Значит так, братцы. Подъезжаем к стройке века. Там людей – как муравьев в муравейнике. И надо их оттуда выкурить. Поэтому открываем интенсивный огонь, но не по объекту, я вас умоляю, а по окрестностям. Берите близко, но не прицельно. Ну, и я малость поработаю на общес дело из разных видов оружия...

Вряд ли даже пятнадцатилетней давности гражданская война между магами и немагами знавала такую артподготовку. Некоторых видов оружия, как полагал Сварог, в те годы еще не было и в помине... В общем, те из строителей, кто воевал, мог вспомнить горячие денечки, а те, кому не довелось, мог понять, как это было весело.

Вокруг стройки разверзся ад. С грохотом обрушивались появляющиеся из воздуха «плиты-облака» (Сварог настолько наострился работать с «облачной» пушкой, что один раз даже умело выцелил и раздавил отдельно стоящий грузовой мобиль), вспыхивали разноцветные огненные разрывы (это работал направляемый Монахом арбукет), гиперболоидный луч превращал землю в перегоревший, изрезанный вдоль и поперек пирог (и нетрудно было сообразить, во что луч может превратить людей), показательно сдуло, перенесло с места на место несколько внушительных валунов... Короче, тур-де-форс, как говорят французы, вышел впечатляющий. Ястребы войны и приверженцы политики «канонерских лодок» сдохли бы от зависти.

Но канонада и взрывы – это еще не все. А вот когда на тебя с ревом и лязгом неумолимо надвигается гигантский бронированный динозавр... Сие действовало посильнее всех артобстрелов.

В общем, когда «Буреносец», вновь управляемый Сварогом, вкатился на территорию космодрома, людей там уже не было. Ни одного. Там торчал лишь обезлюдевший обелиск звездолета, который так и не узнает звезд.

Многотонная машина с разгона влетела на бетонную подушку и врезалась броней в опору «Искупителя» – по сравнению с которым даже он казался детской игрушкой... Колонна пошатнулась, повалились строительные леса. «Буреносец» дал задний ход, откатился немного, и снова бросился на опору, как разъяренный носорог. Опора не выдержала, подломила... По броне застучали заклепки, обшивка космического корабля стала расползаться на отдельные листы. Полусфера дюзы закачалась в креплениях, потом величественно обрушилась на танк и распалась на сегменты. От треска и грохота заложило уши. Машина содрогнулась от удара, но свое черное дело не прекратила.

И вот наконец неторопливо, с печальным скрежетом, колосс «Искупителя» начал заваливаться на бок, потом подломился посередине, обшивка смялась, треснула, разошлась, и вся чудовищная конструкция осела наземь, ухнула рядом со стартовой площадкой, подняв тучу пыли до небес. Признаться, это было красиво.

Но Сварогу было не до любования, Сварог, вновь уступив место механика-водителя Таксисту, уже возился в башне со сдувателем, положив руки на рукояти в виде оскаленных собачьих морд. Пришла пора этими рукоятями двигать. Время, так сказать, сдувать камни.

СПАСИТЕЛЬ КОРОНЫ

Строительный мусор, обломки звездолета, требуха, которая его начиняла, полетели в разные стороны, будто заработали миллиарды вентиляторов. Порхали в разбушевавшемся воздухе части ферм, переборки, трапы, баки, трубы, змеевики, решетки, койки, что-то вроде моторов, что-то вроде шестерней и прочая, прочая, прочая. Улетели, образно говоря, огромные народные денежки.

Сварог еще долго «поливал» бетонное поле из сдувателя, пока не вымел все лишнее. Потом перебрался в отсек с лазерной установкой, очертил лучом квадрат со стороной примерно метров пятьдесят, чтоб не ошибиться. А если и промахнется с первого раза – не беда. Он не торопился. Он готов был терпеливо взрезать камень, грунт, бетон, скалу, что угодно, до тех пор, пока не отыщется вход в подземелье Ожидающих. Получившийся квадрат он порезал на маленькие квадратики. Теперь предстояло опять поработать сдувателям, убрать бетонные блоки. И еще раз пройти лучом, и еще – пока не покажется земля.

ПОСЛЕДНЯЯ...

– Вот, собственно, и все, – сказал Сварог. – Это если вкратце.

Они помолчали. Лиома смотрела на него, распахнув глазищи на пол-лица, Монах же, наоборот, недоверчиво щурился. Один Рошаль оставался невозмутим.

– Значит, – прошептала Лиома, – ты не Ирви. И мы с тобой... Ах ты скотина!

Она гневно тряхнула челкой, покраснела... и прыснула:

– Ой, мамочки, а я с тобой... А ты... Ну и ну... – и вдруг стала серьезной. – А где Ирви? Куда он делся?!

– Полагаю, он вернется, – сказал Сварог, хотя сам в этом не был уверен...

Разумеется, Сварог рассказал далеко не все – он начал с Замка-на-горе, с Совета под облаками, где присутствовал и Мар-Кифай, под именем Визари нынче правящий Короной; упомянул о революции магов, о задании Щепки проникнуть в Некушд, оплот сопротивления; поведал об Ордене Ожидающих и о насильственном перемещении в будущее, в чужое тело. Опу-

стил разве что историю своего попадания в этот мир и приключения вокруг Око Бога – зачем нагружать слушателей лишней информацией, касающейся только его?

Курить хотелось зверски, но курить было нечего: никто не озаботился прихватить с собой трубку. С гор дул ветер, пел заунывно в громадных обломках звездолета, гнал по изуродованной стартовой площадке какой-то мусор. Руины все еще никак не могли успокоиться: то и дело в их глубине что-то с треском отламывалось, что-то скрипело, оползало и рушилось.

– В жизни не слышал ничего подобного! – потрясенно выдохнул Таксист. – Солдат, ты... ты... – и умолк, не найдя слов.

– И что теперь? – негромко спросил Гор Рошаль.

Они стояли на краю форменного котлована, вырытого посредством лазерной пушки и «сдувателя»; и там, на глубине метров двадцати, не меньше, из грунта выглядывала полукруглая верхушка некоей цельнометаллической конструкции – то ли купола, то ли сферы. Сварог не сомневался, что это и есть уцелевшая часть подземного монастыря.

Он пожал плечами.

– Поверите ли – не знаю. Но в одном я уверен точно: мне это тело надоело. Я, видите ли, соскучился по своему родному обличию. Привык я к нему как-то...

– И вы уверены, что оно находится там?

– Опять же – не знаю. Но намерен выяснить. Прямо сейчас.

Рошаль взял его за локоть, отвел в сторону, сказал, понизив голос:

– Насколько я понял, Ожидающие говорили, что, замкнув круг и найдя самого себя, вы сможете уйти из

этого мира, – понизил голос Рошаль, чтобы не слышали другие.

Сварог кивнул: говорили, мол.

– В таком случае... что ж, прощайте, мастер капитан.

– Вы... не со мной?

Рошаль огляделся с таким видом, впервые видит и застывший в ожидании «Буреносец», и руины «Искупителя».

– Я устал, граф, – признался он наконец. – Конечно, это крайне увлекательно – прыгать из вселенной во вселенную, но... не для меня. Я уже не мальчик. Там, в камере вашей психованной подружки, у меня было достаточно подумать. И решить. Я остаюсь, граф. Тут есть над чем поработать... да тут поле непаханое работы! Они же все делали неправильно – посмотрите на этот космолет, хотя бы...

Сварог почувствовал, как к горлу подкатывается комок.

– Вам многое придется объяснить, – сказал он. – И почему-то я сомневаюсь, что поверят хоть единому вашему слову.

– Пустое, – отмахнулся Рошаль. – Начальник полиции, Гиль-Донар, мы были немного знакомы когда-то, – он поверит. Да и Монах подтвердит. Да и у меня кое-какие связи остались – думаете, все это время до Щепки я без дела сидел? Как бы не так. Соппротивление не уничтожено, маскап, просто с некоторых пор у нас другие методы. Никто не собирается уничтожать магию под корень – зачем в крайности впадать...

– В одном предсказании говорилось о каких-то Строителях, которые построят царство Света и Разума... Это не о вашей ли компании?

– Почему бы и нет, – пожал плечами Рошаль.

– Братя, – подошел к ним Монах, – люди возвращаются. А там и воители вот-вот набегут. Как выкручиваться-то будем? – и он обвел рукой панораму разрушений.

– Идите, граф, – твердо сказал Рошаль. – Идите. Прав, вы свое дело сделали, теперь мы сами как-нибудь.

– Может, ничего и не получится, – глухо сказал Сварог.

– В таком случае возвращайтесь. И... спасибо, мастер капитан. Все это было чертовски весело.

Сварог оглядел их – Рошалья, Монаха, Таксиста, Лиому – и не нашелся, что сказать.

Тогда он порывисто обнял старшего охранителя, подмигнул «племяннице» и, не оглядываясь, стал быстро спускаться по ступеням, вырезанным с помощью лазерной пушки.

Спутники смотрели ему вслед.

Вершина полукруглого купола торчала метра на полтора над землей, Сварог обошел его по кругу, но ни дверцы, ни входа не отыскал. Не было ни сварных швов, ни заклепок – матовая металлическая поверхность была монолитной и совершенно гладкой. Более того: во время раскопок он несколько раз ненароком прошелся по ней лазерным лучом, однако даже царапины не осталось. И что делать дальше, было решительно непонятно. Копать, что ли, глубже, быть может, вход еще под землей?

Он постучал по куполу, потом положил руку на его поверхность, успел почувствовать, что теплый металл слегка вибрирует, а затем...

Больше всего это было похоже на киношный трюк, когда изображение на экране начинает меркнуть, а

сквозь него проступает, медленно проявляется следующая картинка. Так и здесь: Сварог еще стоял рядом с куполом, касаясь его пальцами, и одновременно лежал на каменном полу в центре некоей залы – с картинами в золоченых рамах, драпированными стенами, с горящими свечами в тяжелых канделябрах... Сознание раздвоилось. Сварог стоящий постепенно исчезал, растворялся, вытесняемый Сварогом лежащим, пока не...

Хлоп! Сварог вдруг рывком *ощутил* себя, разом почувствовал руки-ноги, почувствовал, что камень неприятно холодит спину... Он резко сел. Оглядел себя... И вдруг выкрикнул что-то нечленораздельное. Есть! Получилось! Зеркал вокруг не было ни одного, но и без всяких зеркал было ясно, что он *вернулся*.

Это было его, Сварога, настоящее, доподлинное тело! Никаких сомнений: руки, фигура, волосы на груди, шрамы – все это было его, родное. Вот только рана от удара кинжалом Праматери пропала без следа, но он, понятно, не очень-то этому огорчился.

Сварог перевел дух, как будто закончил наконец монотонную, изнурительную работу. Итак, половина дела сделана. Едем дальше.

Он поднялся с пола, огляделся. Никого... Никого? А откуда, простите, вот этот стол, накрытый на двоих? Фарфор, хрусталь, серебро – все сверкает, блестит в свете совсем недавно зажженных свечей. Бутылка красного вина, устрицы, сыр, оливки, накрытое крышкой огромное блюдо в центре стола – из-под крышки вытеся парок. Ну чисто «Аленький цветочек». Покажись, чудище поганое...

– Эй! – позвал Сварог. – Хозяева! Есть тут кто?

Тишина в ответ. Лишь откуда-то едва слышно льется музыка: скрипки и клавишные.

Сварог пожал плечами и переступил с ноги на ногу. Стоять голышом посреди всего этого великолепия было как-то неуютно. И что теперь? Куда деваться? Зал был без окон, без дверей, и совершенно непонятно, каким макаром сюда доставили еду...

Так что, быть может, он уже перенесся из мира Гаранда? И куда, интересно знать?

Кстати!

Он посмотрел под ноги, поискал вокруг. Ока Бога нигде не было. А ведь Праматерь, помнится, говорила, что именно Око должно открыть дверь между мирами...

– Вы не это ищите, милорд?

Сварог резко обернулся. Только что за столом никого не было, а теперь, чуть отодвинув стул с высокой резной спинкой, напротив Сварога сидел вальяжный, дородный господин в идеально пригнанном сюртуке, сидел и небрежно подбрасывал на ладони серый камешек. Это было Око Бога, никаких сомнений, но – погасшее, обретшее вес, цвет и форму.

Сварог секунду помедлил, разглядывая господина, и сказал:

– Хоть бы отвернулись, господин Визари, а то неприлично как-то...

– А вы что, барышня стеснительная? – удивленно поднял брови Мар-Кифай. – Нет, ну ежели хотите, то... Вот, извольте.

Миг – и Сварог оказался одет в камзол, бриджи, сапоги.

Ах, вот значит что...

– Так лучше? – участливо поинтересовался Мар-Кифай. – Нигде не жмет?

Бывший верх-советник, а ныне президент Короны по имени Визари, ничуть не изменился за последние

пятнадцать лет, был все так же седовлас, породист и высоколоб. Сварог попытался посмотреть на него «третьим глазом»...

– Не стоит. Не обессудьте, милорд, – спокойно сказал Мар-Кифай, – я временно блокировал ваши... э-э... возможности. Чтобы ничто нам не мешало. Прошу прощения... Нет-нет, в этом теле все способности ларов по-прежнему принадлежат вам, не волнуйтесь на сей счет... Ну и что ж вы стоите столбом и язык проглотивши, сударь мой? Присаживайтесь, не стесняйтесь.

Сварог помедлил, однако приглашение принял, сел по другую сторону стола. Сказал учтиво:

– Прекрасно выглядите для своих лет.

– Благодарю! – поклонился Мар-Кифай. – Я сам конструировал это тело, учел каждую мелочь, каждый нюанс. Вот только, к сожалению, стареет быстро – но так-вы уж законы вашего мира, я вынужден подчиняться...

– Значит, за всем этим стоите вы.

– Ну да, – легко согласился собеседник. – Странно, что вы не догадались с самого начала... Вы позволите?

Он небрежно сунул Око в карман, потом откупорил вино, разлил по бокалам. Приподнял крышку над блюдом, потянул носом.

– М-м!.. Великолепно. Желаете кусочек?

– Благодарю покорно.

– Ну, как знаете. А я, пожалуй...

Мар-Кифай подцепил с блюда источающий терпкий аромат и исходящий жиром кусок мяса, положил себе на тарелку. Аккуратно, чтобы не запачкать манжеты, полил соусом, сверху выжал половинку лимона, вооружился ножом и вилкой.

– Знаете, милорд, а вы мне, признаться, надоели, – сказал он. – Теперь я прекрасно понимаю кое-кого, ко-

того при одном упоминании вашего имени... Впрочем, не о том речь. Вы мне надоели. Вот и все.

– Вы хотите, Мастер, чтобы я извинился или чтобы просто был в курсе? – поинтересовался Сварог.

Мар-Кифай на секунду перестал жевать, удивленно глядя на Сварога, а потом рассмеялся.

– Мастер? Кто, я? Да ну что вы, милорд! Нет, лестно, конечно, что вы меня сравниваете с Ним... но поверьте, я другой. Если пользоваться вашей терминологией, я... ну, скажем так: я – начальник отдела. Со своим финансированием, со своей определенной темой – однако не более чем руководитель среднего звена. Увы.

Мар-Кифай вытер пальцы салфеткой и обмакнул губы в вино. Покатал во рту и проглотил, прислушиваясь к ощущениям.

– Зачем вы явились в Корону, милорд? – устало спросил он. – Зачем вы все время впутываетесь, мешаетесь, лезете не в свое дело? Чего вам надо? Это был такой славный мир, спокойный, организованный, – и тут приходит лорд Сварог и сует палку в муравейник... Я любил его, это был *мой* мир!

– Вы так ненавидите магию? – спросил Сварог.

– При чем здесь магия! Это был эксперимент! Стратегическая игра, если хотите! Цивилизация, задыхающаяся в технологическом тупике, и тем не менее отвергающая магию, хотя магия буквально разлита в воздухе, – какой простор для творчества, для социологических опытов, для глобального прогнозирования! И что? Появляетесь вы. Находите этот булыжник, встречаете эту ведьмочку, принимаетесь сыпать заклинаниями направо и налево и вообще активно будоражить массы.

Он вновь достал Око, посмотрел на него с ненавистью, бросил на стол. Кристалл подпрыгнул и с глухим стуком покатился к салатнице.

– Я должен чувствовать себя виноватым? – спросил Сварог, но Мар-Кифай не слушал.

– Ладно! Я учел неожиданный фактор, сделал поправку на вас, хотя поначалу собирался вас просто и незамысловато умертвить. Я решил посмотреть, что будет, если магия все же восстанет и пойдет войной на технологию. Даже подтолкнул к тому события, выйдя на контакт непосредственно с вами – там, в горах, помните? По моим расчетам, вы должны были возглавить революцию, сменить старые порядки, убить пересметнувшегося к противнику Рошаля и стать единовластным правителем Короны – государства, в основу экономики и производства которого положена чистая магия. Никакой промышленности, сельского хозяйства, искусств, наук – только магия. Тоже очень интересно, согласитесь! Тупик не менее интересный для исследований, нежели технологический... А вы? Вы бездействовали! И позволили руководить восстанием девчонке!

Странно. Мар-Кифай сказал, что способности лара у Сварога временно нейтрализованы, однако он явно чувствовал присутствие сильного источника магии. Где-то совсем рядом...

– Пусть так! – продолжал лже-Визари, гневно размахивая вилкой. – Я отправил вас в стан противника – по всем прогнозам, вы должны были переметнуться на сторону Вольной Республики и вскорости разгромить девчонку. Я хотел посмотреть, что вы стали бы делать тогда – маг во главе антимагической коалиции... Но вы *исчезли*! На пятнадцать лет выпали из мира! Вас не было среди живых, вас не было среди умерших. Признаться,

я испугался. Я запаниковал. Пришлось закатать рукава и самому браться за работу. Я сместил девчонку, занял место президента. И все, абсолютно все уже было готово к ее триумфальному возвращению! Ее сумасшествие, уродство, ее ярость, жажда мести, «Буреносец», в конце концов – она вернула бы себе трон и стала такой правительницей, что пальчики оближешь! Самая свирепая диктатура за историю миров, продержалась бы лет триста, не меньше... И тут опять появляется Сварог – в новом обличии! И все идет наперекосяк!

Сварог его почти не слушал, он внимательно прислушивался к окружающему миру... пока не понял: блин, да это же камень фонит в магическом диапазоне, Око Бога! «Око настроит твое на себя, – говорила Праматерь. – Оно послушается, когда придет срок. И тогда не промахнись». Послушается? Что это значит?

– Ожидаящие, конечно, вот кто вам помог, – вдруг успокоился Мар-Кифай и залпом допил вино. – Я как-то поначалу на них, сволочей, и не подумал...

Сварог небрежно положил руку на стол, побарабанил пальцами. Спросил:

– Значит, вы играете в цивилизации?

Просто так спросил, лишь бы поддержать беседу и чтобы противник ничего не заметил. Око легонько качнулось.

– Это моя работа – исследовать ход развития цивилизаций. Ну да, и игра тоже. Составлять комбинации, менять условия, вводить новые переменные. Затягивает, знаете ли.

– И что теперь будет с Гарандом?

Сварог напрягся, мысленно *подтягивая* Око к себе. Кристалл явно сдвинулся с места!

Мар-Кифай положил в рот очередной кусочек мяса.

– Ц-ц-ц, превосходно! Жаль, что вы отказались – оленина сегодня *просто* превосходна... С Гарандом... Боюсь, придется отказаться от него. Вы столько напортачили, что выправлять положение будет непозволительной тратой средств... Ладно, пусть живут сами, я проиграл. Собственно, по этому поводу я и пригласил вас в сей уютный уголок – объявить, что подобных аппаратов со стороны кого бы то ни было, я не прощаю.

Он неторопливо налил себе еще вина, сделал глоток.

– Я не буду вас убивать, милорд. Я просто отправлю вас в мир, который выберу сам. И вы в нем проторчите до конца своих дней. Надеюсь, вам, мягко говоря, там не понравится. Вот и все, что я хотел сказать. Прощайте, милорд, – и он потянулся к Оку Бога.

Пора!

«Сюда!!!», – мысленно заорал Сварог, вкладывая в вопль всю свою силу воли, всю до капельки.

Око Бога, как серая мышь, метнулась через весь стол, ударилось о его ладонь.

Мар-Кифай вскочил, роняя стул и опрокидывая на себя бокал с вином.

– Вы!..– он поперхнулся, закашлялся.

А кристалл словно прикипел к руке Сварога! Он не мог разжать пальцы, не мог даже шевельнуться, словно схватился за оголенный провод; удар могучего незримого потока пронзил его тело навывлет.

– Идиот! – наконец обрел дар речи Мар-Кифой. – Вы же нас погубите!!!

Помещение стало медленно скручиваться в воронку, центром которой был кулак Сварога с зажатым в нем кристаллом. Качнулись драпировки, посыпались на пол картины.

СПАСИТЕЛЬ КОРОНЫ

Сварогу отчего-то не было страшно. Откуда-то он знал, что все делает правильно. И еще сильнее сжал кристалл в кулаке.

– Вы же не знаете, как! – Мар-Кифай вытянул руку, но пол вздыбился, и президент Короны повалился грудью на стол. – Отдайте камень, кретин! Я прощаю вас!..

Но было поздно. Затрещали стены. Стол с яствами, стулья, канделябры, люди – всю залу раскрутило на сумасшедшей карусели и единым могучим глотком всосало в исчезающее малое отверстие, проткнутое в ткани Вселенной.

«И тогда не промахнись», – сказала Праматерь.

...Частный детектив Ирви-Лонг открыл глаза, с трудом приподнялся на локтях. Огляделся. Ныло все тело, каждая клеточка. Странно. Он прекрасно помнил, как засыпал в теплой супружеской постели, – а теперь выясняется, что лежит на дне глубокого котлована, прямо на голой земле, вокруг острогами вздымаются стены этой ямищи, а рядом торчит из грунта куполообразная и напрочь непонятная фигня, похожая на лысину закопанного по самую маковку железного великана. «Могила, – такова была первая и, признаться, безумная мысль Ирви-Лонга. – Да это ж меня хоронят заживо!...»

Сверху, с головокружительно далекого края котлована вдруг сорвалась, полетела вниз, планируя, еще одна фигня – вогнутый кусок металла, напоминающий осколок исполинского елочного шара. Со свистом и дребезжанием вонзился острым концом в землю в опасной близости от Ирви-Лонга, покачался и замер. «...питель», – было выгравировано на его боку.

Любимый костюм изгваздан, местами даже порван... Да что ж это делается-то, вчера ж не пил ни капли, специально не пил!.. А это еще кто?

Над ним склонились люди, все как один незнакомые... А, нет, один все-таки знакомый – точнее, одна. Очаровашка Лиома. Растрепанная, в глазах слезы, почему-то смотрит на него с надеждой, точно ждет чего-то.

– Кажется, я что-то пропустил? – нахмурился Ирви-Лонг.

Красноярск, 2005

ГЛОССАРИЙ

Выдержки из выступления на Третьем Сборе Союза магов и ученых гром-оратора Пот-Тахома, посвященного достижениям трехлетия существования Новой Короны.

Новая Корона развивается, движется вперед такими темпами, каких никогда прежде не знала. Растут новые города, старые города обрастают новыми районами, здания в старых районах реставрируются и содержатся в образцовом порядке. За какие-то считанные годы страна изменилась до неузнаваемости и изменилась к лучшему.

А главное, такой человеческой активности Корона не знала никогда. У людей есть идеалы, есть цель, есть надежда. Эти идеалы только крепнут, так как каждый новый день получают подпитку в виде новых открытий, новых достижений, новых освоенных площадей, новых магических умений. Это поразительно.

Прошло всего три года... Давайте посмотрим на успехи и достижения, каких мы добились под руководством первого президента Новой Короны господина Гор Рощаля. Предоставим слово скупому языку цифр, который будет много выразительнее самых цветистых фраз.

Электроэнергетика

Помните слова многочисленных скептиков «Да разве можно за три года восстановить порушенную дотла и основания электроэнергетику страны?!»

С помощью магии и энтузиазма граждан Короны восстановлена полностью всего лишь за год. Каждое полугодие темпы прироста выработки энергии составляют 120 процентов.

Транспорт и связь

В организациях железнодорожного, водного, автомобильного и воздушного транспорта общая сумма прибыли в этом году возросла по сравнению с тем же периодом прошлого года на 8,8 процента.

Полностью восстановлено речное сообщение между Вардромом и Троптбальтогом. Закончено строительство Атарото-Голлотского канала. Начато строительство Рогго-Герерского канала. Вновь заработали доки бухты Бездвиженья. Успешно прошли испытания и повсеместно внедряются суда на магической подушке, к их серийному выпуску уже приступил комбинат «Разящий». Сейчас в стадии разработки находится проект магического паруса, который по предварительным подсчетам позволит судам развивать скорость, втрое большую, чем была у знаменитых имперских скоростников.

Повсеместно строятся новые дороги. Дорогоукладчики в этом году полностью отказались от турбина и перешли на новый вид покрытия, который был разработан институтом магической химии совместно с промышленным институтом.

Значительно пополнился за три прошедших года парк аэропилов. Нововведения магической природы, сделан-

СПАСИТЕЛЬ КРОНЫ

ные в годы, о которых всем нам не очень хочется вспоминать, позволили отказаться от электродвигателей и значительно увеличить дальность полетов. А за последние годы освоены такие нововведения как вертикальный взлет, посадка на воду даже без специальных приспособлений и фигуры пилотажа. Но главное достижение воздухоплавания последних лет – и этим мы обязаны исключительно технической мысли – увеличение грузоподъемности аэропланов. Теперь многие грузы, что раньше можно было доставлять до места исключительно водным путем, доставляются путем воздушным.

Полностью восстановлена телесфонная связь. Модернизация телефонных путей за счет создания кристаллического кабеля значительно повысила качество связи. Связью между собой соединены все города, а также Крона соединена теперь связью с другими независимыми государствами. С недавнего времени аппараты связи стали устанавливать не только в общественных местах, как было прежде, но и в частных домах. Это бесспорно серьезный прорыв в качестве нашей жизни.

Капитальное строительство

За три года осушено 7,8 тысяч аррекбаров переувлажненных и заболоченных земель, введено в действие 1,4 тысячи аррекбаров орошаемых земель. Для сравнения – за все годы Империи эти показатели составляли соответственно 6,3 тысяч аррекбаров и 1,2 аррекбаров. За годы Пятнадцатилетия показатели и вовсе впечатляюще – 0,0 аррекбаров.

Капитальные вложения в государственное хозяйство за счет всех источников финансирования за три года составили в Кроне 890 миллионов золотых гриффо-

нов. По сравнению с первым кварталом текущего года объем капитальных вложений увеличился на десять процентов.

Занятость и жалование

Численность рабочих на предприятиях неуклонно увеличивается с каждым месяцем на 1,8 процента. Численность занятых в секторе обслуживания увеличивается еще стремительнее. Численность занятых в натуральном сельском хозяйстве прирастает полутора-двумя процентами в месяц, а занятых в сельском хозяйстве магического типа – 1,1 процентом. Численность частных ремесленников, практикующих с помощью магии остается в пределах прежних значений. Все более и более увеличивается популярность государственной службы, где жалование увеличивается ежемесячно на 0,2 процента в то время, как доходы людей прочих категорий возрастают примерно на 0,15 процента.

Вклады населения в банках растут. Численность же людей, закладывающих свои магические умения в отличие от двух предыдущих лет уменьшилась.

Постоянно увеличиваются расходы государства на бесплатные услуги: на медицинские учреждения традиционного типа, на знахарские услуги, на стипендии студентов университетов общего образования и университетов магии, на пособия и льготы участникам войны между Империей и Метрополией.

Товарооборот

Внутренний товарооборот вырос за три года в десять раз. За последний год в нем значительно снизилась доля товаров магического происхождения и уве-

личилась доля товаров происхождения традиционно-го. Количество торговых лавок увеличилось с пяти на каждую тысячу жителей до пятнадцати. Ровно так же увеличилось количество заведений питания и увеселительных заведений.

Внешний товарооборот демонстрирует меньшие темпы роста, в основном, из-за отставания ростов производства в других государствах.

Строительство и учеба

За последние три года по всей Короне сдано и введено в эксплуатацию 14 тысяч новых домов, что ровно на десять тысяч больше, чем в Пятнадцатилетие. Ежегодно строится домов в два с половиной раза больше, чем во времена Империи. Капитально отремонтировано с повышением уровня комфортности, с использованием новых, в том числе и магических (по желанию заказчика) технологий свыше восьми тысяч домов. Во все дома, и в старые, и во вновь построенные, возобновлена подача электричества при сохранении магических способов освещения. Комбинированное освещение (как доказано институтом учета и контроля) экономит средства с эффективностью в два и три десятых раза.

В истекшее трехлетие по стране построено и сдано в эксплуатацию 345 общеобразовательных школ, из них 156 – с углубленным изучением магии, 104 детских дошкольных учреждений на несколько десятков тысяч мест, 65 библиотек, 35 театров, 14 музеев и 56 новых кинематографа. По всем приведенным статистическим данным успехи в области строительства значительно превосходят аналогичные показатели как по Империи, так и по эпохе Пятнадцатилетия.

Наука и образование

Здесь наблюдается просто невиданный прогресс. Различными видами обучения охвачено где-то треть взрослого населения Короны. В университеты, в школы, на курсы широким потоком идут женщины, лишенные в годы Пятнадцатилетия возможности как получить какое-нибудь магическое умение, так и получить образование.

Обычно все студенты стремятся получить два образования: традиционное и магическое. Таким образом, зачастую один человек днем посещает кафедру, допустим, тяжелого станкостроения, а вечером, скажем, кафедру общей и повседневной магии.

Два года назад принята специальная государственная программа по срочному строительству зданий для новых Научно-исследовательских институтов. В связи с возникновением и продолжающимся увеличением количества научных дисциплин, возникающих на стыке науки и магии, ощущается постоянная нехватка учебных залов и помещений для новых кафедр, лабораторий и испытательных полигонов. Правительство выделяет большие средства для внеочередного и скорого строительства указанных объектов, но объем финансирования приходится увеличивать чуть ли не ежеквартально.

Всем свершениям поистине нового, светлого дня нашей страны мы обязаны руководству и лично господину Гору Рошалю. Его вклад в становление Новой Короны неоценим. Его теоретические труды и выступления показали путь, по которому должна двигаться Корона, чтобы в ближайшее время достичь процветания и прогресса. Он всегда четко определял текущие и

СПАСИТЕЛЬ КОРОНЫ

перспективные задачи построения нового общества. Он всегда правильно указывал нам выход из сложных ситуаций и как истинный лидер вел за собой. Его выдающиеся способности общественного деятеля, организаторский талант, обеспечили уверенное продвижение страны на всех направлениях экономического, социального и политического прогресса. Под его руководством правительство Короны последовательно и настойчиво осуществляло твердый международный курс на устранение любой военной угрозы, на дружбу и взаимовыгодное сотрудничество с другими независимыми государствами Гаранда, на твердый отпор любым попыткам создать внутреннюю оппозицию и нарушить единый сплоченный строй граждан Короны.

Всех благ и долгой счастливой жизни на благо всех нас тебе, Гор Рошаль, наш единственный бессменный президент!

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая	
СКВОЗЬ ВРЕМЯ	7
<i>Глава 1</i>	
КАК СВАРОГ УМЕР... ..	8
<i>Глава 2</i>	
...И КАК ОЖИЛ РОШАЛЬ	18
<i>Глава 3</i>	
ГДЕ ОЖИДАЮТ ОЖИДАЮЩИЕ	33
<i>Глава 4</i>	
ТУМАННЫЕ БЕСЕДЫ С ЛЕТАЛЬНЫМ ИСХОДОМ	41
<i>Глава 5</i>	
И ДОЛЬШЕ ВЕКА ДЛИТСЯ БОЙ	51
<i>Глава 6</i>	
ВОЙНА В ВОЗДУХЕ	68
<i>Глава 7</i>	
ПРОЕКТ «БУРЕНОСЕЦ»	80
<i>Глава 8</i>	
ПРИБЫТИЕ	91
<i>Глава 9</i>	
БУДНИ САМОЗВАНЦА	98
<i>Глава 10</i>	
«ЗЕЛЕНАЯ ЖАБА»	112
<i>Глава 11</i>	
«И НЮХ КАК У СОБАКИ, И ГЛАЗ, КАК У ОРЛА!»	130
<i>Глава 12</i>	
МНОГО ШУМА ПО РАЗНОМУ ПОВОДУ	147
<i>Глава 13</i>	
КОЕ-ЧТО О ФАЛЬШИВКАХ	155
<i>Глава 14</i>	
УРОК СУХОЙ И НУДНОЙ ИСТОРИИ	165

<i>Глава 15</i>	
УРОК ИСТОРИИ 2	179
<i>Глава 16</i>	
В ПАСТИ СЕНТИМЕНТАЛЬНОГО ЛЬВА	185
 Часть вторая	
СКВОЗЬ ПРОСТРАНСТВО	203
<i>Глава 17</i>	
«ИСКУПИТЕЛЬ»	204
<i>Глава 18</i>	
ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ ДЕТЕКТИВ	216
<i>Глава 19</i>	
ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ	228
<i>Глава 20</i>	
ТОЧКИ НАД «і»	240
<i>Глава 21</i>	
ПОБЕГ	253
<i>Глава 22</i>	
ВЕРХОМ НА «ДОЖДЕ»	272
<i>Глава 23</i>	
 ГИБЕЛЬ ТИТАНА	285
<i>Глава 24</i>	
ПОСЛЕДНЯЯ...	295
 ГЛОССАРИЙ	308

Бушков Александр Александрович

СВАРОГ. СПАСИТЕЛЬ КОРОНЫ

Серия «Специальный русский проект»

Ответственный за выпуск

Е. Г. Измайлова

Корректоры *О. В. Смушко, Л. С. Самойлова*

Художник *С. А. Григорьев*

Оформление обложки *И. А. Андреева*

Верстка *А. Б. Ирашина*

Подписано в печать 17.06.05

Формат 84х108^{1/32}. Гарнитура «Таймс»

Печать офсетная. Бумага газетная

Усл. печ. л. 16,8. Уч.-изд. л. 10,5

Тираж 46 000. экз. Изд. № 05-0152-СП

Заказ № 5472

Издательский Дом «Нева»

199155, Санкт-Петербург, ул. Одоевского, 29

Отпечатано с готовых диапозитивов
в полиграфической фирме «КРАСНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ»
127473, Москва, Краснопролетарская, 16